КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

ІЮНЬ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 іюня 1898 года.

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(*Окончаніе* [1]).

VII.

Возобновившіяся попытки къ примиренію православныхъ и уніатовъ на почвѣ религіозной. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ короля и его донесенія о проектируемой всеобщей уніи въ Римъ. Инструкція, данная по сему предмету римскою куріею папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду. Письма мстиславскаго епископа С. Коссова къ уніатскому митрополиту Селявѣ относительно предполагаемой уніи. Упоминаніе о разсужденіяхъ объ уніи на сеймѣ 1641 г. и опасенія, вызванныя ими въ Римѣ. Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ. Отозваніе изъ Польши папскаго нунція. Письма папы относительно предполагаемой уніи къ королю, многимъ вліятельнымъ латино-уніатамъ, А. Киселю и митр. П. Могилѣ. Письмо къ послѣднему отъ конгрегаціи кардиналовъ. Заботы короля о религіозномъ примиреніи католиковъ съ диссидентами и его рѣчь депутаціи отъ послѣднихъ. Мнѣніе Чарторыйскаго о возможности непосредственнаго, минуя уніатовъ, религіознаго соглашенія православныхъ съ католиками. Засѣданіе въ Римѣ папской конгрегаціи по дѣлу о проектируемой всеобщей уніи и состоявшіяся здѣсь опредѣленія. Инструкція объ уніи новому папскому нунцію въ Польшѣ—Торресу. Не замолкавшіе между православными и въ 1646 г. слухи о возможности уніи съ Римомъ.

Во время этой непрестанной борьбы православныхъ съ латино-уніатами, наносившей тяжелыя раны и организму Рѣчи Посполитой, король, какъ мы замѣтили, не переставалъ обольщать себя мыслью о возможности примиренія враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчи объ этомъ велись королемъ съ представителями обѣихъ сторонъ при всякомъ удобномъ

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1898 г., № 5.

случаѣ, въ особенности же во время сеймовъ, собиравшихъ въ одно мѣсто вліятельныхъ лицъ разныхъ политическихъ и религіозныхъ партій со всѣхъ мѣстъ государства. Надо полагать, что православные по мотивамъ, указаннымъ нами выше, не относились къ проекту короля (какъ и прежде) отрицательно, хотя и предвидѣли всю несбыточность этой затѣи. Владиславъ IV о результатахъ своихъ сношеній съ православными и уніатами по данному вопросу сообщалъ въ Римъ. Разумѣется, онъ обязывался къ тому самою сущностью своего проекта, требовавшаго согласія на него и санкціи со стороны римскаго престола, но была, кажется, и другая причина, почему король спѣшилъ извѣщать папу о своихъ стараніяхъ по означенному дѣлу. Мы знаемъ, что положеніе короля, въ виду обостренныхъ отношеній между православными и латино-уніатами, было крайне затруднительное. Съ одной стороны, связанный торжественнымъ обѣщаніемъ быть охранителемъ религіозной свободы и притомъ убѣжденный, что того требуютъ интересы государственные, а съ другой—постоянно получая внушенія изъ Рима оказывать давленіе на „схизматиковъ“ и выслушивая отъ рьяныхъ папистовъ упреки въ индифферентномъ отношеніи къ католицизму, въ неизвинительныхъ для католическаго государя поблажкахъ иновѣрцамъ,—Владиславъ IV постояннно долженъ былъ лавировать между Сциллою и Харибдою. Въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ—какъ мы говорили—усиленно сталъ заботиться о религіозномъ примиреніи враждующихъ сторонъ, видя въ этомъ единственный исходъ положить конецъ безконечнымъ пререканіямъ и раздорамъ между православными и уніатами,—причемъ самыя свои старанія объ этомъ могъ считать какъ бы громоотводомъ для себя отъ тѣхъ нареканій въ благосклонности къ православнымъ, которыя въ изобиліи сыпались на него со стороны ультракатолической партіи. Эти старанія давали ему возможность говорить: „уступки, дѣлаемыя схизмѣ, вызваны необходимостью, но онѣ—явленіе временное и притомъ благоразумное. Имѣйте терпѣніе. Возможно, и я объ этомъ забочусь, что вскорѣ воспослѣдуетъ объединеніе всей Руси подъ властью римскаго престола“ Можно предполагать поэтому, что въ въ своихъ донесеніяхъ въ Римъ по вопросу о предполагаемомъ религіозномъ примиреніи между православными и уніатами Владиславъ IV, до извѣстной степени, и преувеличивалъ свои надежды на благополучный исходъ задуманнаго имъ дѣла, хотя, не подлежитъ сомнѣнію, и самъ онъ въ этомъ отношеніи находился въ заблужденіи.— Но въ Римѣ въ это время довѣріе къ королю было уже значительно поколеблено. И если прежде, въ началѣ царствованія Владислава IV, его проектъ о привлеченіи къ

подножію папскаго престола отщепенцевъ отъ него былъ принятъ восторженно, то теперь къ нему начали относиться съ большею осторожностью, такъ какъ у папской куріи явилось небезосновательное опасеніе, что главною причиною стараній короля по означенному дѣлу являются интересы не столько религіозные, сколько государственные. Вслѣдствіе этого римскій престолъ, не переставая осыпать Владислава IV похвалами за его заботы „о привлеченіи схизматиковъ въ лоно католической церкви“ (что искони было его завѣтною мечтою), зорко началъ слѣдить, чтобы эти заботы не выходили изъ предѣловъ, намѣчаемыхъ въ Римѣ. Папская курія весьма подозрительно отнеслась къ учрежденію патріаршества въ западно-русскихъ областяхъ, на что прежде, при Сигизмундѣ III, давалось соизволеніе, и находила неумѣстнымъ, чтобы дѣло о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами обсуждалось на соборѣ, составленномъ изъ представителей той и другой сторонъ, очевидно опасаясь, что на этомъ соборѣ возможно будетъ такое соглашеніе, которое не только не привлечетъ „въ овчарню св. отца схизматиковъ,“ но даже исхититъ изъ нея и прежде загнанныхъ туда (стеченіемъ обстоятельствъ) православныхъ. Римская курія заявляла, что условія уніи съ римскою церковью выработаны уже на Флорентійскомъ соборѣ и потому всякіе разговоры объ этомъ излишни. Вообще какихъ либо разсужденій относительно догматовъ допускать нельзя; возможны только переговоры о желаніяхъ представителей „дизуніи“ (православія) относительно тѣхъ или иныхъ второстепенныхъ пунктовъ: прерогативъ церкви, обрядовыхъ особенностей, матеріальнаго обезпеченія духовенства и т. п.; но обо всемъ этомъ означенные представители могутъ составить письменное заявленіе, которое папскою конгрегаціею и будетъ разсмотрѣно. Словомъ, римскій престолъ желалъ безусловнаго подчиненія православныхъ своей власти: желалъ повторенія Брестской уніи. Не удивительно поэтому, что затѣя короля кончилась ничѣмъ.

Сохранившіяся до нашего времени данныя представляютъ ходъ дѣла по означенному вопросу въ слѣдующемъ видѣ.

На сеймѣ 1638 года переговоры короля съ собравшимися сюда представителями православія и уніи относительно религіознаго между ними примиренія были, надо полагать, очень дѣятельные. Православные и на этотъ разъ не отнеслись отрицательно къ предложенію короля. Они изъявили согласіе на созваніе общаго, для нихъ и уніатовъ, собора и не чуждались мысли объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ самостоятельнаго патріархата. Владиславъ IV поспѣшилъ сообщить объ этомъ папѣ, заявляя, что онъ

на бывшемъ сеймѣ (1638 г.) „такъ хорошо подготовилъ мысли дизунитовъ къ соединенію съ апостольскою столицею, что надѣется на благопріятныя послѣдствія, если бы созванъ былъ соборъ изъ уніатовъ, на которомъ бы дизуниты были просвѣщены, и опредѣлены условія ихъ перехода въ унію.“ На этотъ соборъ „для своего просвѣщенія“ имѣютъ быть приглашены „выдающіеся (przedniejszy) дизуниты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе“ [1]). Собственно, король просилъ папу о разрѣшеніи созвать общій для православныхъ и уніатовъ соборъ: онъ только излагаетъ эту просьбу въ деликатныхъ для уха „св. отца“ выраженіяхъ. Такъ письмо короля и понято было въ Римѣ. Результатомъ его была инструкція, данная папскому нунцію въ Польшѣ, Филонарду, съ строгимъ наказомъ всецѣло слѣдовать ей, ни на шагъ не отступая. „Поелику—говорится въ этой инструкціи—общая унія всѣхъ русскихъ зависитъ отъ двухъ главныхъ пунктовъ, изъ коихъ одинъ касается склонности ихъ къ принятію догматовъ согласно исповѣданію вѣры, принятому на Флорентійскомъ соборѣ, а другой—установленія условій, на которыхъ они пожелаютъ соединиться съ апостольскою столицею, то ваша превелебность ни подъ тѣмъ, ни подъ другимъ предлогомъ не должны позволять на созваніе собора, на которомъ бы дизуниты имѣли засѣдать вмѣстѣ съ уніатами“. Далѣе указываются причины, почему подобный соборъ не возможенъ: „Во-первыхъ, это ясно воспрещается правомъ каноническимъ, какъ видно изъ канона подъ титиломъ Cum omnibus,—здѣсь папа Голасій, на основаніи опредѣленія Халкидонскаго собора, осуждаетъ собранія католиковъ со схизматиками и еретиками, и св. церковь всегда слѣдовала этому наставленію, о чемъ свидѣтельствуетъ церковная исторія. Во-вторыхъ, что касается догматовъ, то они не могутъ быть предметомъ разсужденій на народныхъ собраніяхъ. Въ-третьихъ, разности между церквами греческою и латинскою опредѣлены уже на упомянутомъ Флорентійскомъ соборѣ, и болѣе не слѣдуетъ о нихъ разсуждать, а быть готовыми при защитѣ правды жизнью за нее жертвовать“. Далѣе въ инструкціи говорится, что еслибы выдающіеся дизуниты—духовные и свѣтскіе—имѣли быть приглашены на соборъ уніатовъ, какъ пишетъ король, исключительно съ цѣлью просвѣщенія ихъ въ догматахъ вѣры и для опредѣленія условій перехода въ унію, то и на это нунцій не долженъ соглашаться,—не долженъ соглашаться даже въ томъ случаѣ, еслибы дизуниты предварительно произнесли исповѣданіе вѣры въ формѣ, предназначен-

[1]) Relacye nunciuszów. II. 273.

ной для грековъ, приступающихъ къ уніи. — „Но если бы—читаемъ въ инструкціи—дизуниты, не учинивъ исповѣданія вѣры и отложивъ свое просвѣщеніе (въ догматахъ) ко времени послѣ собора, въ данное время пожелали разсуждать объ условіяхъ перехода въ унію,—на это ваша велебность можетъ позволить, подъ такимъ условіемъ, чтобы для разсужденій объ этомъ избраны были лица того и другого обряда, которымъ нашими (т. е. назначенными отъ римской церкви депутатами) должны быть дѣлаемы объясненія относительно всѣхъ ихъ желаній, и на всѣ ихъ вопросы даваемы отвѣты благоразумно, кротко, вразумительно, причемъ отъ споровъ, которые могутъ скорѣе возбуждать, нежели успокаивать умы, должно уклоняться. Что касается до условій, то можно имъ предложить тѣ, которыя были уже приняты (южно-русскими іерархами) при Клементѣ VIII и относительно которыхъ уніатами доселѣ не высказано никакой укоризны. Если къ означеннымъ условіямъ пожелали бы присоединить и нѣкоторыя другія,—пусть изложатъ ихъ письменно и вручатъ вашей велебности, дабы они могли быть разсмотрѣны здѣсь (въ Римѣ), и если окажутся благоприличными, будутъ подтверждены апостольскою столицею. А такъ какъ при опредѣленіи условій возникнетъ затрудненіе относительно теперешнихъ дизунитскихъ епископовъ, ибо въ одной и той же церкви (нужно бы сказать: епархіи) не можетъ быть двухъ (самостоятельныхъ) епископовъ — то относительно этого можно посовѣтовать поступить такъ, какъ поступлено было съ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, предъ принятіемъ уніи будучи епископомъ полоцкимъ и не могши вступить на полоцкую каѳедру, занятую тогда уніатскимъ архіепископомъ, получилъ титулъ Іерополитанскаго in partibus infidelium, удерживая бенефиціи (dobra), которыми пользовался, когда былъ еще дизунитомъ. Или можно будетъ образовать нѣсколько новыхъ епархій въ обширнѣйшихъ епископіяхъ, подходящихъ подъ условія каноническаго права относительно раздробленія ихъ“ [1]).

Безъ сомнѣнія, тогда же отъ имени папы посланъ былъ и отвѣтъ королю на его просьбу, согласный въ существенныхъ чертахъ съ упомянутою инструкціею. Владиславъ IV не могъ остаться доволенъ такимъ отвѣтомъ, какъ чрезвычайно усложнявшимъ (можно сказать: дѣлавшимъ безнадежнымъ) осуществленіе задуманнаго имъ дѣла о религіозномъ примиреніи между враждующими сторонами. Король не могъ не сознавать, что унія въ томъ видѣ, въ какомъ она доселѣ существовала въ западно-русскихъ областяхъ, ненави-

---

[1]) Relacye nunciuszów. II. 272—275.

стна православнымъ, и потому получить на нее согласіе отъ последнихъ—дѣло невозможное. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ папѣ съ новымъ письмомъ (и, вѣроятнѣе всего, не однимъ), повторяя прежнюю просьбу о дозволеніи созвать общій соборъ изъ уніатовъ и православныхъ для разсужденій о религіозномъ соглашеніи между ними. Но изъ Рима отъ имени папы послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ (25 авг. 1640 г.) гдѣ „св. отецъ", восхваляя заботливость короля о привлеченіи „русскихъ" къ уніи, настоятельно требуетъ, чтобъ король въ этомъ „первостепенной важности дѣлѣ" всецѣло слѣдовалъ указаніямъ нунція и давалъ „его словамъ полную вѣру" [1]). Такое положеніе дѣлъ было неблагопріятно для замысловъ короля относительно религіознаго соглашенія между православными и уніатами, тѣмъ не менѣе заботы его объ этомъ не прекращались. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчами по данному вопросу перекидывались иногда между собою и самые представители церквей православной и уніатской. До нашего времени дошли два письма мстиславскаго епископа Сильвестра Коссова къ полоцкому уніатскому архіепископу Антонію Селявѣ, находившемуся съ нимъ (какъ мы говорили) въ постоянной тяжбѣ. Содержаніе перваго письма (отъ 18 апрѣля 1639 года) слѣдующее: „Преосвященнѣйшій и пречестнѣйшій владыко! Скорблю о нашихъ распряхъ, но выразить ничего не смѣю. Ибо многое могу сказать, но не писать. И такъ, ваше преосвященство, вѣрьте мнѣ въ томъ, что я искренно желаю дѣйствовать къ преуспѣянію общаго блага. Свидѣтели мнѣ Богъ и Пречистая Матерь его! Нѣтъ мѣста болѣе удобнаго и далекаго отъ нашего (?) неосновательнаго подозрѣнія, какъ у кого-либо изъ витебскихъ благородныхъ особъ, напр., у земскаго писаря Гурко. Время же для этого назначу послѣ". Внизу письма помѣщена слѣдующая приписка: „Октавіану (очевидно, подателю письма) я поручилъ передать многое лично" [2]).

Приведенное письмо отличается неопредѣленностью выраженій и большими недомолвками, изъ которыхъ, пожалуй, можно бы дѣлать неблагопріятныя для его автора заключенія, какъ о лицѣ, склонномъ къ уніи съ Римомъ на желаемыхъ послѣднимъ условіяхъ. Но другое письмо Коссова къ тому же Селявѣ, писанное спустя пять недѣль послѣ перваго (24 мая 1639 г.), въ достаточной степени выясняетъ намъ, на какую унію съ римскою церковью или съ самими уніатами согласны были православные и при какомъ непре-

---

[1]) Theiner, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. t. III, № CCCLXVII.
[2]) Витебская Старина, изд. Сапунова, т. V, ч. I, № 96, стр. 147—148.

мѣнномъ условіи. — „Безъ воли константинопольскаго патріарха— писалъ Коссовъ— я не могу приступить къ уніи, а самую унію понимаю, какъ возвращеніе къ состоянію церкви во время святителей: Григорія, Василія, Аѳанасія. „Tali o Deus — читаемъ въ означеномъ письмѣ—unioni per vos et nos providi, ut Gregoriana, Baziliana, Athanasiana e cineribus suscitata appareant saecula". Подъ актомъ такой уніи Коссовъ готовъ подписаться съ величайшей готовностью (ardentissimo corde [1]).

Во время сейма 1641 года вопросъ о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, разумѣется по иниціативѣ короля, снова былъ поднятъ. Глухое упоминаніе объ этомъ находится въ дневникѣ Радзивилла. Здѣсь подъ 18 сентября читаемъ: „разсужденія сенаторовъ у краковскаго бискупа относительно примиренія уніатовъ со схизматиками" [2]). Возможное дѣло, что здѣсь опять были рѣчи о созваніи общаго изъ представителей той и другой враждующихъ сторонъ собора; возможно, что на такой соборъ дано было согласіе и православными. По крайней мѣрѣ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ подчеркнули, обычныя протестаціи со стороны ультра-католической партіи противъ благопріятной для православныхъ конституціи не были своевременно занесены, очевидно, въ виду ожидаемыхъ послѣдствій отъ состоявшагося на сеймѣ уговора.

Но Римъ упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи по данному вопросу, высказанномъ въ инструкціи папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду, и приказалъ послѣднему занести протестацію противъ состоявшейся на сеймѣ конституціи относительно греческой религіи, что,— какъ мы видѣли—имъ и было исполнено. Словомъ, папа требовалъ отъ короля или повсемѣстнаго введенія въ западно-русскихъ областяхъ уніи на основаніи постановленій Флорентійскаго собора, или же, въ случаѣ несогласія на такую унію со стороны православныхъ, отобранія отъ нихъ выданныхъ привилегій, т. е. уничтоженія извѣстныхъ „статей примиренія", не разъ уже подтвержденныхъ сеймами. Но даже многіе изъ ревностныхъ католиковъ не могли одобрить послѣдняго, такъ какъ для всѣхъ очевидно было, что уничтоженіе статей примиренія неизбѣжно привело бы Рѣчь Посполитую къ междоусобной войнѣ. Поэтому на этотъ разъ папскому нунцію удалось склонить къ означенному протесту самое незначительное количество сановныхъ лицъ.

---

¹) Архивъ греко-уніат. митроп. при Св. Синодѣ,—связка № 38.

²) Pamiętniki Radziwiłła. II. 43.

Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ, возбужденное отношеніями послѣдняго къ его проекту о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, вскорѣ нашло для себя новую пищу и въ другихъ, несогласныхъ съ видами короля, а иногда и прямо оскорбительныхъ для него поступкахъ со стороны папы. До крайности обострены были у Владислава IV отношенія и съ ближайшимъ представителемъ апостольской столицы—нунціемъ Филонардомъ. А когда сдѣлалось извѣстнымъ перехваченное письмо послѣдняго въ Римъ, гдѣ король подвергался разнымъ нареканіямъ, и, между прочимъ, за пріязнь къ еретикамъ и схизматикамъ,—Владиславъ IV энергично требовалъ немедленнаго отзыва Филонарда изъ Польши [1]). Папа нунція отозвалъ, но новаго не прислалъ. Отношенія между римскимъ престоломъ и польскимъ дворомъ приняли характеръ чрезвычайно натянутый [2]).

Потерявъ надежду на благопріятный исходъ своихъ просьбъ въ Римѣ относительно разрѣшенія папы на созваніе собора для указанной нами цѣли и порвавъ дружественныя сношенія съ апостольскою столицею,—Владиславъ IV не только не отказался отъ своихъ замысловъ „уврачевать раны Рѣчи Посполитой“ путемъ религіознаго соглашенія между враждующими сторонами, но и значительно расширилъ ихъ: онъ уже мечтаетъ и заботится не только о религіозномъ примиреніи православныхъ съ уніатами, но о таковомъ же примиреніи между католиками и диссидентами (протестантами разныхъ фракцій), намѣреваясь достигнуть этого и въ послѣднемъ случаѣ тоже чрезъ созваніе общаго собора.

Разумѣется, о такихъ замыслахъ короля скоро узнали въ Римѣ, и здѣсь они произвели тревогу. Что касается до давняго и уже не разъ обсуждавшагося вопроса о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами, то папа, не имѣя въ данное время нунція въ Польшѣ, поспѣшилъ разослать многочисленныя письма къ выдающимся духовнымъ лицамъ, католикамъ и уніатамъ, съ предостереженіями, чтобы они, всячески заботясь о распространеніи уніи, имѣли при этомъ въ виду исключительно интересы католической церкви и чистоту ея ученія, такъ какъ внѣ этой церкви нѣтъ и не можетъ быть спасенія [3]). Одновременно съ этими письмами послано было письмо и къ королю. „Намъ извѣстно—писалъ папа

---

[1]) Ibid. II. 92, 93, 110.

[2]) Ibid. II. 127.

[3]) Theiner. Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III. № CCCLXXIII, примѣч. къ документу № CCCLXXV.

Владиславу IV,—что русскіе уніаты не нуждаются въ ходатайствѣ за нихъ предъ тобою, потому что ты, по внушенію своего примѣрнаго благочестія, всегда окружаешь ихъ своимъ милостивымъ покровительствомъ и употребляешь всѣ средства, зависящія отъ твоей королевской власти, чтобы сдѣлать русскую унію всеобщею. Однако, по своей первосвященнической заботливости объ уніатахъ, мы настойчиво требуемъ, дабы ты неослабно оберегалъ дѣло ихъ, которое есть и дѣло Божіе, и обнаруживалъ непрестанную ревность о славѣ Божіей и общемъ спасеніи" [1]).

Въ это же время папою посланы были письма и къ вліятельнѣйшимъ лицамъ изъ среды православныхъ. Такихъ писемъ извѣстно два: къ черниговскому воеводѣ Адаму Киселю и кіевскому митрополиту Петру Могилѣ.

Въ письмѣ къ Киселю папа, указавъ на то, что „внѣ судна св. Петра, которое направляется къ вратамъ вѣчнаго блаженства", не можетъ быть спасенія,—обращается къ черниговскому воеводѣ, какъ человѣку извѣстному по своему общественному положенію, уму и образованію, съ приглашеніемъ къ соединенію съ римскою церковью, чѣмъ онъ пріумножитъ снисканную имъ славу. „О если-бы—восклицаетъ папа—возсіялъ счастливый и радостный день, когда, при ликованіи ангеловъ, мы могли бы благословить тебя (славный мужъ) какъ призваннаго въ усыновленіе сыновъ Божіихъ"... и т. д. [2]).

Письмо къ Петру Могилѣ приводимъ въ полномъ видѣ.

„Почтенный братъ! спасеніе и свѣтъ Божественной благодати (да пребудутъ съ тобою)! Хотя мы знаемъ, что различіе въ вѣрѣ отдѣляетъ насъ отъ твоего собратства (fraternitatem) не менѣе разстоянія, однако апостольская заботливость обращаетъ къ тебѣ взоры, желая привлечь тебя во святилище католической вѣры, гдѣ Господь избралъ себѣ обитель, и призвать на безопаснѣйшій путь, при шествіи по которому первосвященническіе ключи отверзаютъ вѣрующимъ народамъ врата вѣчнаго царствія. Выслушай, почтенный братъ, спасительные совѣты, которые тебѣ предлагаются не столько городомъ, который есть отечество народовъ и учительница истины, сколько самимъ небомъ. Позаботься о собственномъ спасеніи и о спасеніи другихъ, которые шествуютъ по твоимъ стопамъ и легко воспослѣдуютъ по дорогѣ, которую ты указалъ бы имъ своимъ примѣромъ. О семъ первостепенной важности дѣлѣ тебѣ

---

[1]) Theiner. Vetera Monum. Polon. et. Lithuaniae, t. III, № CCCLXXX.

[2]) Ibid. т. III, № CCCLXXIV.

пришлетъ подробное письмо священная конгрегація кардиналовъ, которая содѣйствуетъ распространенію католической вѣры; если же что потребуетъ болѣе опредѣленнаго разъясненія, ты можешь прислать къ намъ двухъ искуснѣйшихъ монаховъ, которыхъ мы примемъ дружественно и благосклонно. Они, безъ сомнѣнія, распознаютъ, сколь чисто, вѣрно себѣ и богато всевозможными добродѣтелями ученіе, которое исповѣдуетъ достопочтенная каѳедра св. Петра. Тогда, мы надѣемся, они, просвѣщенные спасительными познаніями, возвратятся къ вамъ, проповѣдуя свидѣтельства Господни, при помощи которыхъ души твоихъ людей, будучи исхищены изъ пастей адскихъ волковъ, приведутся въ правдивую овчарню Христову. Мы уповаемъ, что Всевышній, коему въ своихъ усерднѣйшихъ молитвахъ мы всегда поручаемъ весь русскій народъ, по первосвященническимъ прошеніямъ даруетъ желаемый успѣхъ. Ибо если Онъ всесиленъ собрать разсѣянныхъ повсюду Израильтянъ, то можетъ, при наитіи Святаго Духа, произрастить въ твоемъ сердцѣ плоды вѣчнаго спасенія, наполненные драгоцѣнною кровію, истекшею изъ ранъ Господа. Мы желаемъ душѣ нашей такого именно утѣшенія и молимъ Отца свѣтовъ ниспослать тебѣ, братъ, лучи его благодати [1]).

Спустя нѣсколько дней послано было П. Могилѣ упоминаемое въ письмѣ папы посланіе отъ конгрегаціи кардиналовъ. Кардиналы писали, что холмскій уніатскій епископъ Меѳодій (Терлецкій) донесъ конгрегаціи о распространеніи вѣры о высокихъ добродѣтеляхъ, ученіи и ревности его, Могилы, и черниговскаго каштеляна Адама Киселя. Это донесеніе подало высокопоставленнымъ отцамъ немалую надежду увидѣть всю Россію возсоединенною со св. сѣдалищемъ апостольскимъ, подобно тому, какъ около двухъ столѣтій тому назадъ подобное соединеніе состоялось при всероссійскомъ митрополитѣ, впослѣдствіи кардиналѣ, Исидорѣ на вселенскомъ Флорентійскомъ соборѣ. Ибо когда подобное дѣло ведется съ людьми благоразумнѣйшими и къ доброму имѣющими склонность, то ихъ не трудно привести къ познанію истины. Для ознакомленія съ трактуемымъ предметомъ конгрегація посылаетъ въ переводѣ на латинскій языкъ сочиненіе Геннадія, нѣкогда патріарха константинопольскаго, въ защиту опредѣленій Флорентійскаго собора, противъ коихъ возсталъ Маркъ Ефесскій, побужденный къ тому завистью вслѣдствіе неполученія имъ кардинальскаго достоинства, которымъ почтены были Исидоръ и Виссаріонъ. Послѣ безпристрастнаго ознакомленія съ означенною книгою, если-бы въ чемъ либо оставалось сомнѣніе, его можно будетъ

---

[1]) Ibid. т. III, pag. 425.

разрѣшить чрезъ присылку въ Римъ двухъ ученѣйшихъ монаховъ, которые здѣсь будутъ весьма любезно приняты и благосклонно выслушаны. О выполненіи этого предложенія кардиналы усиленно просятъ Могилу. При обсужденіи вопроса о соединеніи съ апостольскимъ сѣдалищемъ, по мнѣнію конгрегаціи, нужно имѣть въ виду и поразмыслить о слѣдующихъ трехъ фактахъ: во-первыхъ, что изъ апостолькихъ столицъ одна только Римская церковь имѣетъ непрерывное преемствованіе первосвященниковъ и содержитъ православную вѣру и ученіе, унаслѣдованныя ею отъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла; ибо на прочихъ столицахъ, въ особенности главнѣйшихъ, каковы: Константинопольская, Александрійская, Антіохійская и Іерусалимская, часто возсѣдали еретики, которые повредили чистоту апостольскаго ученія, и въ настоящее время, когда число патріарховъ умножилось съ названіями (большею частію) примѣнительно къ восточнымъ народностямъ (армяне, несторіане, якобиты, копты, соріане, мелхиты), они унаслѣдовали разнообразныя заблужденія своихъ предшественниковъ. Во-вторыхъ, Римская церковь имѣетъ отъ Господа, въ лицѣ Петра, обѣщаніе, что не оскудѣетъ его вѣра, какое обѣщаніе чрезъ всѣ вѣка и до настоящаго времени, чрезъ упомянутое непрерывное преемство римскихъ первосвященниковъ, исполняется. Въ-третьихъ, что всѣ упомянутые апостольскіе престолы, которые отторглись отъ Римскаго, стенаютъ подъ игомъ рабства невѣрныхъ; римское же сѣдалище, благодаря особенному присутствію въ немъ Духа Святаго, процвѣтаетъ и пользуется полною свободою. Относительно этого находится опредѣленное мнѣніе пророковъ въ книгахъ Судей и Царствъ, изъ коихъ поучаемся, что народъ Божій всякій разъ, какъ только склонялся къ идолопоклонству, т. е. удалялся отъ истиннаго богопочитанія, всегда пребывалъ подъ тяжелымъ ярмомъ рабства Филистимлянъ или Халдеевъ. Письмо заканчивается просьбою обсудить и взвѣсить все сказанное и внимательно ознакомиться съ посылаемыми сочиненіями (кромѣ сочиненія Геннадія, посланы были опредѣленія Флорентійскаго собора), что, при помощи Божіей, можетъ привести къ общей уніи русской церкви съ римской и покроетъ немалою славою ревнующихъ объ этомъ. Какъ на ближайшія послѣдствія отъ означенной уніи (кромѣ надежды на вѣчное спасеніе), конгрегаціею указывается на освобожденіе русской церкви отъ ига константинопольскихъ патріарховъ, которые не учатъ народъ, а только обременяютъ его поборами, сами поставляются незаконно, противоканонически, и другихъ посвящаютъ подобнымъ образомъ, вслѣдствіе всюду царящей здѣсь симоніи [1]).

---

[1]) Рукоп. сборникъ библ. Кіево-Печер. лавры, № 20, л. 15.

Безъ сомнѣнія, означенныя посланія поняты и оцѣнены были Петромъ Могилою надлежащимъ образомъ, и если у него (допустимъ это) еще и доселѣ по временамъ появлялась мысль о возможности взаимообщенія между церквами православною и католическою, съ сохраненіемъ за первою завѣщанныхъ древностью особенностей въ ученіи, управленіи и обрядности, то теперь мысль эта,—надежда на возвращеніе къ церковному единенію первыхъ вѣковъ христіанства,—должна была быть совершенно оставлена. Римскій престолъ ясно и опредѣленно высказалъ свой дышащій фанатизмомъ взглядъ на православіе, какъ религію, ведущую къ душевной погибели, и не обинуясь заявилъ, что на унію онъ смотритъ какъ на средство исхитить изъ пасти адскихъ волковъ души схизматиковъ. Понятное дѣло, поставленный папскою куріею на такую почву, вопросъ объ уніи не могъ имѣть никакого успѣха, и письма папы и его конгрегаціи оставлены были Могилою безъ отвѣта.

Повидимому, болѣе благопріятное теченіе приняло задуманное въ данное время королемъ дѣло о религіозномъ соглашеніи католиковъ съ диссидентами, достигнуть чего—какъ мы замѣтили—Владиславъ IV намѣревался тоже посредствомъ собора, составленнаго изъ представителей той и другой стороны. Правда, и на этотъ соборъ папа не давалъ своего согласія; но король, опираясь на поддержку со стороны польскихъ бискуповъ, рѣшился въ данномъ случаѣ обойтись безъ соизволенія „апостольской столицы“, и съѣздъ (соборъ) для разсужденій о религіозныхъ разногласіяхъ между католиками и диссидентами былъ назначенъ на 10 сентября 1644 года въ Торунѣ. Къ этому времени католическіе богословы дѣйствительно прибыли въ означенный городъ, но по просьбѣ диссидентовъ, желавшихъ подготовиться къ преніямъ съ католиками и просившихъ короля лично присутствовать, въ качествѣ верховнаго судьи, при означенныхъ преніяхъ,—съѣздъ былъ отсроченъ до сентября слѣдующаго (1645) года, когда дѣйствительно и состоялся.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на Торунскомъ colloquium'ѣ католиковъ съ диссидентами, не приведшемъ ни къ какому соглашенію сторонъ и только воочію обнаружившемъ несбыточность оптимистическихъ надеждъ короля по вопросу о примиреніи между разномыслящими въ вѣрѣ; но мы считаемъ не лишнимъ ознакомиться въ существенныхъ чертахъ съ рѣчью Владислава IV, обращенною къ диссидентскимъ депутатамъ, просившихъ его объ отсрочкѣ съѣзда, такъ какъ рѣчь эта характеризуетъ воззрѣнія короля на религіозныя разногласія между его подданными и уясняетъ побужденія, ко-

торыми онъ руководился, прилагая усиленныя старанія къ смягченію указанныхъ разногласій.

Въ упомянутой рѣчи король объясняетъ созваніе съѣзда въ Торунѣ желаніемъ положить конецъ тѣмъ огорченіямъ изъ-за религіозной вражды между католиками и диссидентами, которыя испытываютъ не только диссиденты, но и самъ онъ, король. Его душевное спокойствіе нарушено; онъ со стороны бискуповъ постоянно осаждается настойчивыми просьбами по вопросамъ религіознымъ, которые трудно разрѣшимы. Въ подтвержденіе сказаннаго король указываетъ на виленскую „справу“, во время которой „какія безпокойства и непріятности приходилось ему испытывать, могли бы разсказать, если бы были живы, князь Христофоръ Радзивиллъ, белзскій воевода Рафаилъ Лещинскій и панъ Рей; знаетъ объ этомъ и князь Янушъ Радзивиллъ (подкоморій литовскій)“. Владиславъ IV клятвенно завѣряетъ диссидентскихъ депутатовъ, что его намѣренія по отношенію къ иновѣрцамъ самыя доброжелательныя: онъ всегда держитъ въ памяти присягу, данную при вступленіи на престолъ какъ католикамъ, такъ и диссидентамъ, и потому, если бы онъ усматривалъ для послѣднихъ хотя малѣйшій вредъ и опасность отъ предполагаемаго съѣзда, то не склонялъ бы ихъ къ тому. Притомъ свобода дѣйствій для пріѣхавшихъ вполнѣ обезпечена: каждый можетъ, когда ему угодно, уѣхать изъ Торуня, сохраняя права и неприкосновенность своей религіи, „ибо мы—говорилъ король—желаемъ не преобразовывать васъ въ религіозномъ отношеніи, но примирить (nie reformować, ale conciliare)“. Главная цѣль съѣзда—это разъясненіе недоразумѣній. Слишкомъ много говорится несправедливаго католиками о диссидентахъ и наоборотъ. Если же всѣ эти недоразумѣнія будутъ на съѣздѣ выставлены на видъ, тогда обѣ стороны удобнѣе могутъ усмотрѣть, что существенныхъ религіозныхъ разногласій между ними нѣтъ, или мало. Но еслибы съѣздъ и не имѣлъ никакого успѣха въ смыслѣ религіознаго объединенія между разномыслящими, хорошимъ результатомъ былъ бы и тотъ, еслибы стороны перестали съ отвагою и дерзостью осуждать другъ друга, и католики не говорили бы болѣе: „ты, панъ Рей, ты, панъ Бржостовскій, пойдешь до пекла!“ [1]).

Подготовленія къ Торунскому съѣзду не могли не вызвать нѣкотораго волненія и въ средѣ православныхъ. Вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ уніатами, мысль о соглашеніи съ послѣдними

[1]) Dzieje narodu Polskiego za panowania Władysława IV, Kwiatkowskiego, изд. 1823, стр. 422—424.

была для нѣкоторымъ столь ненавистною, что они, очевидно подъ вліяніемъ толковъ о Торунскомъ съѣздѣ, готовы были вступить въ переговоры о религіозномъ соглашеніи, минуя уніатовъ, непосредственно съ католиками. По крайней мѣрѣ подобную мысль высказалъ на луцкомъ провинціальномъ сеймѣ князь Михаилъ Чарторыйскій. Въ инструкцію, составленную на означенномъ сеймѣ для пословъ, отправляемыхъ на общій Варшавскій сеймъ 1645 г., князь настоялъ включить (непосредственно послѣ пункта, гдѣ трактовалось объ успокоеніи греческой религіи) слѣдующую прибавку: „А когда все это совершенно и дѣйствительно успокоено будетъ, мы съ цѣлію, чтобы на будущее время нѣсколько духовныхъ, принявшихъ унію, не верховодничали надъ всѣмъ русскимъ народомъ и своими дѣйствіями не нарушали миръ и спокойствіе въ Рѣчи Посполитой,— мы сами добровольно желаемъ имѣть съ ихъ милостями панами католиками братскій коллоквіумъ для разсужденія о желаемомъ примиреніи, но не съ тѣми, которые, означенную унію самовольно, въ числѣ нѣсколькихъ только особъ, принявши, внесли въ Рѣчь Посполитую раздоры и вражду. Къ этому присовокупляемъ такое заявленіе, что если означенное соглашеніе при посредствѣ нашемъ и нашего духовенства состоится, то тѣ ихъ милости, которые отъ насъ отдѣлились, должны или возвратиться къ намъ, или же обязаны будутъ уступить всѣ (занимаемыя ими) бенефиціи, церкви, монастыри и каѳедры. Когда все это послами будетъ заявлено и въ исполненіи сеймомъ обезпечено, тогда могутъ они согласиться въ опредѣленное время на означенный коллоквіумъ, а мѣсто для сего указать въ Луцкѣ“ [1]). Разумѣется, это мнѣніе о благовременности коллоквіума православныхъ съ католиками есть личное мнѣніе князя Чарторыйскаго (почему оно къ инструкціи приложено было „на особой картѣ“, за подписью его одного), но оно могло раздѣляться и нѣкоторыми другими лицами, и во всякомъ случаѣ характерно въ смыслѣ иллюстраціи отношеній, установившихся между православными и уніатами, и уясненія взглядовъ первыхъ на послѣднихъ.

Во время приготовленій къ Торунскому съѣзду скончался папа Урбанъ VIII, и 15 сентября 1644 года на его мѣсто избранъ былъ Иннокентій X. Новый папа былъ расположенъ къ Польшѣ и Владиславу IV. Прерванныя отношенія между римскимъ престоломъ и польскимъ королемъ возобновились. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Иннокентія X относительно Польши было назначеніе сюда своего нунція, на каковой постъ избранъ былъ адріанопольскій архі-

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. 1, № XXV, стр. 288.

епископъ Янъ-де Торресъ (сынъ кардинала Торреса, бывшаго тоже нунціемъ въ Польшѣ). Предъ его отправленіемъ къ мѣсту назначенія состоялось подъ председательствомъ кардинала Барберини, 15 марта 1645 года, засѣданіе членовъ конгрегаціи по вопросу о средствахъ привлеченія къ уніи всѣхъ русскихъ, находившихся подъ властью Польши. Ближайшимъ поводомъ къ разсужденіямъ по данному вопросу было письмо Владислава IV къ новому папѣ съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ и тогда же доставленное въ конгрегацію, по всей вѣроятности отъ уніатскаго митрополита Антонія Селявы, мнѣніе о томъ же самомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: Sententia cujusdam nobilis poloni Graecae religionis,— гдѣ шла рѣчь о всеобщей уніи всѣхъ русскихъ съ римскимъ престоломъ, о средствахъ къ ея распространенію и, наконецъ, объ условіяхъ, при которыхъ желательно ея осуществленіе.

Постановленіе конгрегаціи изложено было въ восьми пунктахъ. Въ первомъ говорилось о томъ, что распространеніе уніи въ Польшѣ должно быть всячески поддерживаемо. Королю рѣшено послать письмо, съ выраженіемъ одобренія его ревности въ этомъ дѣлѣ и убѣжденіемъ неослабно чрезъ зависящія отъ него средства заботиться о привлеченіи къ единенію съ Римомъ дизунитскихъ прелатовъ и свѣтскихъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ (воеводъ и другихъ сановниковъ), съ предложеніемъ въ остальномъ (о способахъ уніи) слѣдовать указаніямъ нунція.

Во второмъ пунктѣ категорически заявлялось, что относительно догматовъ русскіе должны слѣдовать опредѣленію Флорентійскаго собора и при этомъ только условіи возсоединяемы съ римскою церковію.

Въ третьемъ—идутъ довольно длинныя рѣчи о томъ, что послѣ введенія уніи русскій митрополитъ можетъ избираться своими архіепископами и епископами, и что самъ онъ можетъ посвящать въ подвѣдомственныхъ ему епархіяхъ епископовъ, не испрашивая на то позволенія отъ апостольскаго сѣдалища. Но означеннымъ правомъ митрополитъ имѣетъ пользоваться только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если сверхъ произнесенія исповѣданія вѣры согласно формѣ, установленной для восточныхъ, и заявленія о послушаніи римскому папѣ, будетъ просить и получитъ отъ него подтвержденіе (confirmationem) своего избранія. Въ необходимости имѣть такое подтвержденіе митрополитъ можетъ быть убѣждаемъ доводами и примѣрами. Изъ доводовъ указываются слѣдующіе: а) согласно съ священными канонами, конфирмація должна быть испрашиваема отъ высшаго, а такъ какъ чрезъ принятіе уніи для митрополита таковымъ старѣй-

шиною является папа, то, слѣдовательно, отъ него онъ и долженъ получить утвержденіе въ своихъ правахъ; б) если бы митрополитъ уклонился отъ обращенія съ означенною просьбою къ папѣ, то онъ оказался бы „акефальнымъ", что находилось бы въ несогласіи и противорѣчіи съ понятіемъ объ уніи; в) общеніе съ апостольскимъ сѣдалищемъ послѣ принятія уніи составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ для него, митрополита, догматовъ, что въ данномъ случаѣ и свидѣтельствуется утвержденіемъ и освященіемъ его по распоряженію означеннаго сѣдалища. — Примѣры приводятся слѣдующіе: а) когда при Климентѣ VIII состоялась унія съ русскою церковью, то тогда въ особенности было установлено, чтобы митрополитъ испрашивалъ себѣ подтвержденія у сѣдалища апостольскаго; б) когда при Иннокентіи III марониты, живущіе въ горахъ Ливанскихъ и другихъ странахъ Сиріи, заключили унію съ сѣдалищемъ апостольскимъ, то при этомъ поставленно было условіемъ, чтобы патріархъ, избранный маронитскими архіепископами и епископами, просилъ подтвержденія у папы, что до настоящаго времени вновь избранными патріархами и исполняется.

Четвертымъ пунктомъ русскому митрополиту предоставляется право отправлять доношенія въ Римъ, а равно получать оттуда всякаго рода буллы и распоряженія, касающіяся уніи, безплатно, какъ это было и до настоящаго времени.

Въ пятомъ пунктѣ идетъ рѣчь о соборѣ, который намѣревается собрать уніатскій митрополитъ въ видахъ болѣе успѣшнаго распространенія уніи между всѣми русскими. Конгрегація рѣшила, что въ этомъ случаѣ должно уступить просьбѣ митрополита, но опять съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на означенномъ соборѣ не участвовали неуніаты. Послѣднее не можетъ быть дозволено по соображеніямъ, высказаннымъ въ инструкціи прежнему нунцію Филонарду.

Шестымъ пунктомъ возлагается на нунція обязанность, прежде какихъ либо опредѣленныхъ рѣшеній относительно распространенія уніи, войти въ сношенія съ высшими уніатскими духовными особами, особенно съ митрополитомъ Селявою и холмскимъ епископомъ Меѳ. Терлецкимъ, и выслушать имъ мнѣніе по данному предмету, такъ какъ они могутъ оказать нунцію существенную помощь; при этомъ предлагается внушить означеннымъ лицамъ, что предполагаемая унія не будетъ введена во вредъ ихъ интересамъ.

Въ седьмомъ пунктѣ трактуется о затрудненіяхъ, на которыя обращено было вниманіе нѣкоторыхъ членовъ конгрегаціи при разсужденіи объ уніи. Именно, указывалось на слѣдующее: во-первыхъ, можетъ случиться, что принять унію изъявятъ желаніе только русскіе іерархи, а народъ отвергнетъ ее; отсюда является опасеніе, какъ бы послѣдній, въ виду удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ, не обратился къ константинопольскому патріарху съ просьбою о посвященіи другихъ схизматическихъ епископовъ; во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы новые уніатскіе епископы уступили свои церкви (каѳедры) прежнимъ уніатамъ и наоборотъ; отсюда неизбѣжно случится, что одна каѳедра будетъ имѣть двухъ епископовъ, а это противорѣчитъ соборнымъ постановленіямъ. — Относительно этихъ затрудненій конгрегація рѣшила въ данное время вопроса не поднимать, такъ какъ о нихъ ничего не говорится въ доставленныхъ въ Римъ проектахъ уніи. Если же со временемъ вопросъ этотъ будетъ поднятъ заинтересованными сторонами, то отвѣтъ на него всегда найдется.

Въ послѣднемъ, восьмомъ пунктѣ идетъ рѣчь объ инструкціи папскому нунцію, которому рекомендуется ознакомиться съ воззрѣніями на предполагаемую унію митрополита и епископовъ неуніатскихъ, въ особенности епископа луцкаго, какъ человѣка болѣе ученаго, разузнать о желаніяхъ по данному вопросу короля, канцлера Оссолинскаго и другихъ лицъ, способныхъ оказать поддержку дѣлу уніи. Всѣ получаемыя свѣдѣнія нунцій долженъ сообщить конгрегаціи [1]).

На другой день (17 марта) нунцію Торресу вручена была и самая инструкція по означенному дѣлу. Приводимъ ее въ полномъ видѣ.

„Русскіе дизуниты чрезъ уніатскаго митрополита (Антонія Селяву) уже два раза изъявляли желаніе соединиться съ римскою церковію; но дѣло это послѣдствій не имѣло, потому что они желали имѣть патріарха на Руси и участвовать (для разсужденія объ условіяхъ уніи) въ засѣданіяхъ на уніатскомъ соборѣ, на что апостольская столица позволить не могла по причинамъ, изложеннымъ въ инструкціи, данной святой памяти монсеньеру Филонарду и прилагаемой здѣсь въ копіи.

„Но такъ какъ въ настоящее время они отказались отъ своихъ претензій, и ихъ митрополитъ (какъ догадывается отецъ Ва-

[1]) Relacye nunciuszow. II. 275—276,

леріанъ, капуцинъ, миссіонеръ конгрегаціи de propaganda fide, прибывшій въ Римъ съ письмами отъ польскаго короля) рѣшилъ заботиться о распространеніи уніи между всѣми русскими,—то конгрегація для распространенія святой католической вѣры, разсуждая, что не слѣдуетъ упускать столь благопріятнаго для сего времени, чрезвычайно желаетъ дать движеніе этому столь важному для спасенія душъ дѣлу, весьма озабочена приведеніемъ его къ окончанію и потому поручаетъ его благоразумію велебнаго пана (нунція). А такъ какъ въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ секретнаго дѣйствованія, ты не долженъ разсуждать о немъ ни съ кѣмъ, только съ королемъ, канцлеромъ Оссолинскимъ, митрополитомъ уніатскимъ и ксендзомъ Терлецкимъ, бискупомъ холмскимъ; отъ послѣднихъ можно узнать, какъ должно воздѣйствовать на гнѣзненскаго епископа, чтобы онъ оказывалъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ передъ королемъ, защищалъ оное и поддерживалъ на сеймѣ, когда оно будетъ туда внесено. Отъ митрополита и холмскаго бискупа можешь получить достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о подготовленіяхъ, наклонностяхъ и намѣреніяхъ дизунитовъ, которые или дѣйствительно стремятся къ доброму, или же только домогаются уничтоженія уніи и отнятія отъ уніатовъ бенефицій и церквей, на что уже неоднократно покушались на сеймахъ.

„Прежде чѣмъ, велебный панъ, приступишь къ разсужденію объ уніи, ты хорошо долженъ разузнать объ образѣ жизни и обычаяхъ Могилы, митрополита дизунитскаго, а также объ его характерѣ, учености и намѣреніяхъ, каковыми онъ руководствуется въ означенномъ дѣлѣ. Они могутъ быть духовныя (и это было бы самое лучшее), но могутъ быть они и земныя (doczesne); однако и послѣднія, будучи обнаружены, могутъ послужить дѣлу уніи, ибо Богъ часто приводитъ людей ко благу путями земныхъ ихъ цѣлей. Также постараешься собрать подобныя свѣдѣнія о луцкомъ епископѣ (Аѳанасіи Пузынѣ), ученѣйшемъ изъ русскихъ дизунитовъ, о которомъ доносили конгрегаціи, что онъ тайный католикъ, потомъ, что онъ уже учинилъ исповѣданіе вѣры согласно формѣ, составленной для грековъ. Копія ея при семъ прилагается въ тѣхъ видахъ, чтобы, когда митрополитъ или другіе дизуниты пожелаютъ приступить къ уніи, ты могъ принять ихъ на лоно костела согласно съ нею.

„При выборѣ средствъ къ заключенію уніи ты долженъ дать преимущество наиболѣе легкимъ и наиболѣе приноровленнымъ къ лицамъ, времени, обстоятельствамъ, съ цѣлью скорѣйшаго достиженія предназначенной цѣли.

„Долженъ узнать объ условіяхъ, на основаніи которыхъ дизуниты желаютъ принять унію, и всѣ ихъ списать, чтобы, имѣя на виду то, что тебѣ поручено конгрегаціею въ этомъ дѣлѣ, могъ знать, на какія изъ этихъ условій можно дать согласіе, а на какія нѣтъ.

„Долженъ разузнать также о затрудненіяхъ, мѣшающихъ дѣлу уніи не только со стороны митрополита, епископовъ и народа дизунитскаго, но и со стороны самыхъ способовъ и условій, представляемыхъ для ея заключенія.

„Долженъ разузнать, наконецъ, какъ всѣ эти затрудненія можно устранить, и обо всемъ донести конгрегаціи, предварительно условившись, о чемъ сказано выше, съ канцлеромъ Оссолинскимъ, уніатскимъ митрополитомъ и холмскимъ бискупомъ, которые сообщатъ тебѣ всѣ означенныя свѣдѣнія, и отъ которыхъ ты не долженъ имѣть ничего секретнаго.

„Разсуждая объ означенномъ дѣлѣ, не обязывайся ни къ чему, но на все отвѣчай, что обо всемъ предлагаемомъ или желаемомъ ты доведешь до свѣдѣнія конгрегаціи, дабы чрезъ посредство нея получить резолюцію папы. Можешь дать понять митрополиту дизунитскому, чтобы онъ въ своихъ условіяхъ ограничился только такими, которыя могутъ быть приняты апостольскою столицею“ [1]).

Приведенные нами документы—послѣдніе изъ извѣстныхъ по трактуемому предмету о попыткахъ къ примиренію православныхъ съ латино-уніатами на почвѣ религіозной за разсматриваемое нами время. Замыслы короля и при новомъ папѣ, болѣе сочувственно къ нимъ относившемся, не привели ни къ чему. Къ тому же,—по крайней мѣрѣ, въ это именно время,—Владиславъ IV до извѣстной степени охладѣлъ къ своей любимой мечтѣ о религіозной уніи или, точнѣе, она отодвинулась у него на задній планъ, уступивъ мѣсто новому грандіозному плану—завоеванію Крыма, Турціи, взятію Константинополя, освобожденію Гроба Господня.... Эти замыслы, благодаря противодѣйствію сейма, тоже не увѣнчались успѣхомъ, какъ и его усиленныя заботы о привнесеніи религіознаго мира въ обуреваемую религіозными страстями Польшу.

Закончимъ свой трактатъ по данному вопросу указаніемъ на нѣсколько случайно проскользнувшихъ фразъ, которыя однако даютъ основаніе думать, что толки въ средѣ православныхъ о возможности

---

[1]) Ibid. II. 28 —288

религіознаго примиренія съ уніатами, подъ условіемъ объединенія тѣхъ и другихъ подъ властью самостоятельнаго патріарха, не прекращались еще въ 1646 году, почти наканунѣ смерти Петра Могилы.

Мы имѣемъ въ виду слѣдующій фактъ.

Въ августѣ 1646 года скончался настоятель Виленскаго Свято-Духова монастыря Никодимъ Жолудь. Извѣщая объ этомъ Петра Могилу, виленскіе братчики въ адресѣ на письмѣ къ нему не обозначили его „митрополитанскаго титула", ограничившись титуломъ „экзарха" константинопольскаго патріарха. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ братчикамъ (отъ 4 сент.), П. Могила, между прочимъ, отмѣчаетъ и этотъ фактъ, считая его для себя оскорбленіемъ, и выражаетъ желаніе, чтобы на будущее время братчики не доставляли ему такого огорченія, „такъ какъ я—писалъ Могила—естемъ и митрополитъ, и екзархъ". [1]) Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ митрополиту (отъ 5 октября), съ извѣстіемъ объ избраніи на мѣсто скончавшагося Жолудя новаго „старшаго" (Іосифа Тризны), виленскіе братчики по поводу означеннаго выговора митрополита представляютъ слѣдующее любопытное объясненіе: „сдѣлали мы это—читаемъ въ ихъ письмѣ—не вслѣдствіе какого-либо злого, не сыновняго побужденія (аффекту),—чего не дай Боже,—но предвидя будущее (futura providendo), притомъ сдѣлали это послѣ общаго совѣщанія съ его милостью ректоромъ кіевскимъ (Иннокентіемъ Гизелемъ), въ то время находившимся въ Вильнѣ". Письмо заканчивается самыми искренними выраженіями любви и признательности къ Могилѣ, какъ своему верховному архипастырю, съ просьбою содержать ихъ, братчиковъ, въ неизмѣнной своей „ласкѣ" [1]).

Въ виду извѣстныхъ намъ свѣдѣній о попыткахъ къ соединенію церквей православной и уніатской за разсматриваемое время (за время управленія П. Могилы кіевскою митрополіею), мы въ означенномъ объясненіи виленскихъ братчиковъ усматриваемъ ясный намекъ, что толки объ этомъ не прекращались и въ 1646 году, причемъ мысль о возможности объединенія православныхъ и уніатовъ на почвѣ религіозной подъ главенствомъ особаго патріарха въ западно-русскихъ областяхъ нѣкоторою частью православнаго общества все еще не считалась несбыточною.

---

[1]) Рукоп. сборн. библ. Кіево-Печ. лавры; № 20, л. 19.

[2]) Ibidem.

VIII.

Общіе выводы и замѣчанія о положеніи православныхъ за разсматриваемое время. Критическое отношеніе къ мнѣніямъ о склонности высшаго православнаго духовенства, въ особенности П. Могилы, принять унію. Новыя данныя о взглядахъ на унію А. Киселя.

Велики были заботы и энергичны усилія православныхъ южноруссовъ (а во главѣ ихъ и нашего митрополита) возстановить нарушенныя чрезъ введеніе уніи юридическія права православной церкви и упрочить ихъ. Эти заботы и усилія, если и не увѣнчались вполнѣ желаемымъ успѣхомъ, однако далеко не были и безплодны. Положеніе православныхъ за разсматриваемое нами время, въ сравненіи съ предшествовавшимъ (при Сигизмундѣ III), значительно измѣнилось къ лучшему. Самымъ существеннымъ улучшеніемъ былъ ужъ самый фактъ признанія за православною церковью правового, огражденнаго закономъ, существованія ея въ государствѣ. „Послѣ провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ—говоритъ Н. И. Костомаровъ—„православная восточная церковь, господствовавшая въ русскихъ областяхъ, по понятіямъ поляковъ, возстановила свое древнее единство съ западною церковью, и польская нація признавала въ предѣлахъ своей Рѣчи Посполитой только эту соединенную церковь законною древнею восточною церковью“. Поэтому, когда въ 1620 г. іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ возстановлена была православная іерархія, то—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь—„какъ митрополитъ (Іовъ Борецкій), такъ и посвященные разомъ съ нимъ архіереи, а затѣмъ и все священство, получившее отъ нихъ рукоположеніе, въ глазахъ польской націи были тѣмъ же, чѣмъ теперь въ наше время должны намъ казаться архіереи и священники поповской секты раскола, не признаваемые ни закономъ, ни властями, никакъ не имѣющіе права на свой санъ и притомъ не могущіе имѣть его до тѣхъ поръ, пока не состоится законъ, признающій возможность существованія самаго сана при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они хотятъ носить его“... [1]). Хотя это мнѣніе и нуждается въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и оговоркахъ [2]), тѣмъ не менѣе въ основныхъ чертахъ

---

[1]) Монографіи XIV. 48–49.

[2]) Польское правительство послѣ Брестской уніи стремилось къ уничтоженію въ государствѣ высшей православной іерархіи, вслѣдствіе чего, не переставая признавать за епископами, не примкнувшими къ уніи, ихъ отверженныя королевскими грамотами права,—лицамъ, вновь избираемымъ православными на митрополичью и епископскія каѳедры, не давало уже обычныхъ привилегій (Іеремія Тиссаровскій.

оно справедливо. Поэтому успѣхи, достигнутые православными на сеймахъ 1632—1633 гг., не безъ основанія считались самими ими „возрожденіемъ своей церкви“, въ смыслѣ возвращенія ей попранныхъ въ предшествующее царствованіе правъ ея. Правда, унія не была уничтожена и правовое ея положеніе осталось непоколебленнымъ въ государствѣ, но въ свою очередь признано на ряду съ нею легальное существованіе и православной церкви, причемъ воспослѣдовало учрежденіе извѣстнаго количества православныхъ каѳедръ, занимавшихся законными и съ государственной точки зрѣнія іерархами, подтверждены права всѣхъ православныхъ учрежденій (братствъ, школъ, монастырей и т. п.), а также обезпеченъ былъ для желающихъ свободный переходъ изъ уніи въ православіе. Послѣднее обстоятельство было причиною отторженія отъ уніи цѣлыхъ народныхъ массъ, по обстоятельствамъ вынужденныхъ дотолѣ скрывать свои симпатіи къ православію и наружно принадлежать къ ненавистному имъ уніатскому вѣроисповѣданію. Непосредственнымъ послѣдствіемъ возстановленія юридическихъ правъ православной церкви было также постановленіе о возвращеніи православнымъ значительнаго количества церквей и церковныхъ бенефицій, находившихся дотолѣ во владѣніи уніатовъ. Правда, послѣдніе, при расшатанности въ Польшѣ государственнаго строя, сильно тормозили приведеніе въ исполненіе

епископъ Львовскій, представляетъ въ данномъ случаѣ исключеніе, вызванное особыми обстоятельствами: лукавствомъ съ его стороны) и потому таковыхъ лицъ, какъ посвящавшихся безъ согласія на то верховной власти, не считало съ государственной точки зрѣнія законными архипастырями. Но настоятелямъ православныхъ монастырей, пользовавшихся до введенія уніи правами автономіи въ управленіи (не зависѣвшихъ отъ митрополита или епископовъ), Сигизмундомъ III, хотя не безъ большихъ усилій со стороны православныхъ, подобныя привилегіи давались, и слѣд. за таковыми настоятелями—архимандритами и игуменами—ихъ правовое положеніе въ государствѣ признавалось (См., напр., грамоту, данную по просьбѣ князей Острожскихъ, Елисею Плетенецкому на архимандрію кіево-печерскую, отъ 22 февр. 1605 г., слѣдовательно спустя почти шесть лѣтъ послѣ его избранія на оную; помѣщ въ А. Ю и З. Р. т. II, № 17, стр. 31—32,—и таковыя же грамоты на ту же архимандрію Захарію Копыстенскому, отъ 7 февр. 1625 г. и Петру Могилѣ отъ 29 ноября 1627 г., помѣщ. въ прилож. къ I тому сочиненія „Кіев. митрополитъ П. Могила“ подъ №№ XLII и LI, стр. 277—278 и 296—297; см. также А. З. Р. IV, № 225). Тѣмъ болѣе польское правительство не могло препятствовать возникновенію новыхъ православныхъ монастырей и церквей, устрояемыхъ православнымъ дворянствомъ на ихъ собственныхъ „грунтахъ“ (дворянство пользовалось въ данномъ случаѣ своими шляхетскими правами и въ томъ числѣ правомъ „подаванья“ и „патронатства“),—и таковые новые монастыри и церкви дѣйствительно возникали, и дѣла объ этомъ юридически оформливались (см., напр., Археогр. Сборникъ докум. Сѣверо-Зап. Руси, т. II, №№ 31 и 33).

правительственныхъ распоряженій относительно этого (опираясь въ данномъ случаѣ на содѣйствіе ультра-католической партіи), и нѣкоторыя церкви, не смотря на всѣ усилія православныхъ, не были возвращены имъ или вновь отнимались отъ нихъ уніатами. Но все-таки подобныя явленія слѣдуетъ признать за исключенія, хотя — какъ мы видѣли—и нерѣдкія. Въ связи съ этимъ и благодаря личному расположенію Владислава IV къ православнымъ, для послѣднихъ открывался доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ на государственной службѣ. Важное значеніе для православія „статей примиренія" было сознаваемо обѣими „разрозненными въ вѣрѣ" сторонами; отсюда—цѣлый рядъ попытокъ со стороны уніатовъ уничтожить эти статьи или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ значеніе; а со стороны православныхъ — упрочить оныя. Отчасти вслѣдствіе неосторожныхъ поступковъ самихъ православныхъ (дѣло С. Гулевича, навлекшее на него инфамію), отчасти вслѣдствіе неизбѣжности при борьбѣ партій идти иногда на компромисы, православные вынуждены были дать согласіе на нѣкоторыя уступки уніатамъ, согласиться на нѣкоторую урѣзку означенныхъ статей; тѣмъ не менѣе, послѣднія въ существенныхъ чертахъ не только не были отмѣнены, но не разъ подтверждались сеймами, притомъ иногда съ дополненіями, благопріятствующими православнымъ. Главное зло заключалось въ сущности не въ этихъ урѣзкахъ (хотя и тяжелыхъ для православныхъ), но въ томъ, что ультра-католическая партія не желала примириться съ правами, данными православнымъ, и готова была при всякомъ удобномъ случаѣ нарушить ихъ. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перевѣсъ матеріальной силы былъ на сторонѣ латино-уніатовъ и во главѣ ихъ стояли паписты фанатики, преслѣдованія православныхъ не прекращались. Правда, нерѣдко эти преслѣдованія вызывали энергичный отпоръ со стороны угнетаемыхъ, и православные отплачивали своимъ противникамъ тою же монетою. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что правонарушеній по дѣламъ религіознымъ (нарушеній противъ „статей успокоенія") со стороны уніатовъ было гораздо болѣе, чѣмъ со стороны православныхъ. Особенно часто такія правонарушенія—какъ имѣемъ основаніе думать—приходилось испытывать православнымъ пастырямъ и ихъ пасомымъ, находившимся въ непосредственной зависимости отъ латино-уніатскихъ помѣщиковъ (шляхты), т. е. сельскому православному люду. Этого пункта мы не касались въ своемъ очеркѣ. Восполнимъ опущеніе.

Извѣстно, что однимъ изъ выдающихся явленій въ церковно-исторической жизни нашего юго-запада было, между прочимъ, такъ называемое право патронатства. Право это выражалось здѣсь разно-

образно и пользовались имъ многія лица. Для нашей цѣли важно собственно указать на значеніе патронатства владѣльческаго. Сущность его состояла въ томъ, что шляхта привыкла смотрѣть на находившійся въ ихъ помѣстьяхъ церкви и монастыри, въ особенности на первыя, какъ бы на свою собственность. Послѣдствія отъ такого положенія вещей еще и до введенія въ литовско-русскихъ областяхъ уніи были разнообразныя: и благопріятныя, и неблагопріятныя. Князья и паны заботились о поддержаніи находившихся въ ихъ имѣніяхъ храмовъ Божіихъ, нерѣдко, при своемъ благочестіи, щедро надѣляли ихъ утварью и угодьями; но вмѣстѣ съ тѣмъ они считали себя во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ церквей, безконтрольными хозяевами: назначали, по своему усмотрѣнію, настоятелей и другихъ членовъ клира, по собственному желанію, безъ всякаго суда и вѣдома о томъ мѣстнаго епископа смѣщали ихъ, распоряжались церковною собственностью и т. п. Со времени провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ добро и зло для православной церкви отъ владѣльческаго патроната приняли бо́льшіе размѣры. Съ одной стороны, если владѣльцами помѣстій являлись лица, искренно преданныя интересамъ православія, они усугубляли свои заботы о дѣлахъ церковныхъ, ограждали своихъ (т. е. находившихся въ ихъ имѣніяхъ) пастырей отъ гнета уніатскихъ бискуповъ и, пользуясь своими шляхетскими правами, безпрепятственно устраивали на своихъ земляхъ новыя церкви, монастыри и другія религіозно просвѣтительныя учрежденія, давали пріютъ въ своихъ владѣніяхъ греческимъ и другимъ православнымъ іерархамъ, присутствіе которыхъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе „оскудѣнія" здѣсь собственной высшей іерархіи, являлось дѣломъ крайне необходимымъ, и т. п. [1]). Но съ другой стороны, когда владѣльцами помѣстій и, вслѣдствіе этого, патронами находившихся здѣсь православныхъ церквей оказывались лица, измѣнившія православію (перешедшія въ унію) и вообще паписты, положеніе православныхъ, если не всегда, то нерѣдко оказывалось

---

[1]) Удалившійся изъ Молдавіи Сергій, владыка Моромороскій и Мокачевскій, очень долгое время („килконадцать лѣтъ") пребывалъ въ Степаньскомъ монастырѣ, находившемся во владѣніяхъ князя К. И. Острожскаго (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. —Дѣла греческ. к. 3, № 2); греческій епископъ Павелъ поселился въ Корцѣ, у князей Корецкихъ (Consideracye, podane panom disunitom... Iana Krzeczmera. Wilno, 1648 r., str. 85); у князя Адама Вишневецкаго въ 1603 г. пребывалъ архіепископъ Критскій, „котораго онъ весьма жаловалъ, потому что онъ былъ ему отецъ духовный" (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Спб. 1858 г. ч. I, стр. 288). О другихъ восточныхъ іерархахъ, пребывавшихъ въ разсматриваемое время въ разныхъ православныхъ обителяхъ, см. Русск. Историч. Библ. т. II, № 166.

весьма затруднительнымъ и даже безпомощнымъ. Панъ могъ лишить находившіяся въ его помѣстьяхъ церкви пріуроченныхъ къ нимъ угодій и даже могъ прямо отнять ихъ у православныхъ священниковъ (въ случаѣ ихъ несогласія принять унію) и передать уніатамъ. А такъ какъ къ началу царствованія Владислава IV множество православныхъ дворянъ, преимущественно „ради славы міра сего", измѣнили уже праотцевской вѣрѣ, принявъ унію или католицизмъ,— то, понятно, сколь неблагопріятными послѣдствіями для православнаго сельскаго люда могло сопровождаться это обстоятельство въ виду указанныхъ нами патронатскихъ правъ владѣльцевъ, несмотря на провозглашенную „статьями успокоенія" религіозную свободу. Значеніе патронатскихъ правъ въ смыслѣ вліянія на ходъ религіозныхъ дѣлъ хорошо было понимаемо въ Римѣ и оттуда шли по этому поводу соотвѣтствующія указанія. Въ письмѣ папы къ одному изъ вліятельныхъ магнатовъ (отъ 1643 г). читаемъ: „Намъ весьма желательно, чтобы не ослабѣвало твое благочестивое усердіе, которое наглядно до сихъ поръ обнаруживалось въ дѣлахъ, касающихся распространенія католической вѣры; желательно, чтобы оно проявилось и въ приведеніи къ уніи русскихъ, живущихъ въ предѣлахъ твоихъ владѣній. Для этого же въ особенности полезно, чтобы на мѣсто священниковъ схизматиковъ, которые, не пожелаютъ отказаться отъ своихъ заблужденій, ставились священники уніатскіе, дабы такимъ образомъ по винѣ тѣхъ, которые должны другихъ учить чистотѣ ученія, не проникла гибельная зараза"... [1]) На провинціальномъ соборѣ, созванномъ перемышльскимъ епископомъ Петромъ Гембицкимъ въ октябрѣ 1637 года, между прочимъ, постановлено: Свѣтскимъ панамъ (помѣщикамъ), которые, пользуясь правами патронатства, будутъ презентовать къ русскимъ церквамъ священниковъ уніатовъ, позволяется давать индульгенціи на 40 дней." Тогда же, когда во время разсужденій о распространеніи уніи выяснилось, что на соборъ въ Перемышлѣ, созывавшійся мѣстнымъ уніатскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Крупецкимъ, никто не явился изъ русскихъ священниковъ, имѣвшихъ приходы во владѣніяхъ епископскихъ, то есть бискупа Петра Гембицкаго, то послѣдній издалъ распоряженіе, чтобы всѣ русскіе парохи или, какъ они обыкновенно называются, „попы", имѣющіе приходы въ имѣніяхъ ключа Родимненскаго и Лукавіенскаго, подъ угрозою удаленія отъ бенефицій, подчинились означенному уніатскому епископу, при чемъ крайнимъ срокомъ для сего назначается праздникъ Рождества Христова по римскому кален-

[1]) Histor. Rus. Monum.

дарю — [1]). Подобныя давленія, опиравшіяся на содѣйствіе патроновъ, дѣлаемы были не на одно православное духовенство, но и на мірянъ, — и, разумѣется, не были безрезультатны, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ внѣшняго подчиненія означенному давленію. Въ библіотекѣ перемышльскаго уніатскаго собора Іоанна Крестителя сохранилось письмо Немировскихъ братчиковъ къ Перемышльскимъ. Въ немъ они извѣщаютъ послѣднихъ, что ксендзъ Крупецкій (уніатскій епископъ) прислалъ къ нимъ универсалъ, а къ ихъ госпожѣ письмо, въ которомъ „размаитыи пострахи задаючи," требуетъ, чтобы она приказала священникамъ и имъ, братчикамъ, явиться на назначаемый въ Перемышлѣ соборъ. Братчики заявляютъ, хотя они съ давнихъ временъ не привыкли слушать означеннаго „имъ незвычайного и церкви святой православной противного пастыря", тѣмъ не менѣе вынуждены исполнить „панское приказаніе" и посылаютъ изъ среды себя двухъ братій — [2]).

Всѣ приведенныя нами данныя настолько ясны и опредѣленны, что не нуждаются въ коментаріяхъ. Къ гражданскому безправію и гнету панскихъ „подданныхъ" со введеніемъ уніи присоединилось еще болѣе тяжелое угнетеніе — религіозное, стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія. Этого угнетенія, при господствовавшемъ въ то время фанатизмѣ по отношенію къ православію ультра-католической партіи, не могли уничтожить и „статьи успокоенія". Но насильственно навязываемая народу унія не могла не раздражать его; въ народной средѣ, подъ личиною вынужденной покорности панскому гнету, въ изобиліи таились жгучіе элементы, которые впослѣдствіи вырвавшись наружу, не мало содѣйствовали злосчастіямъ Польши, а въ концѣ концовъ и ея погибели, какъ самостоятельнаго государства.

Борьба религіозныхъ партій, не прекращавшаяся во все царствованіе Владислава IV, недовольство уніатовъ и вообще ультра-католической партіи „статьями успокоенія," постоянныя жалобы православныхъ по поводу нарушенія этихъ статей, безконечныя препирательства между „разрозненными въ вѣрѣ людьми" изъ-за вопросовъ религіозныхъ, доходившія до открытыхъ столкновеній, — сильно озабочивали короля и были причиною усиленныхъ его заботъ къ согла-

---

[1]) Peremislia sacra..., изд. 1870, стр. 443, — гдѣ указанъ первоисточникъ. См. также: Synodus dioecesana Praemysliensi, praesidente illustr. et reverend. domino Szołdrski..., episcopo Praemysliensi, in ecclesia cathedrali Praemysliensi, anno Domini 1636, die 26 mensis augusti celebrata. (Изд. 1636 г., въ Краковѣ), гдѣ на стр. 13—14 находится постановленіе: de unione Ruthenorum promovenda.

[2]) Подлинникъ въ библ. уніатскаго Перемышльскаго собора.

шенію враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ Владиславъ IV преслѣдовалъ преимущественно цѣли политическія: желалъ уврачевать раны Рѣчи Посполитой, наносимыя ей разгаромъ религіозныхъ страстей. Но всѣ старанія короля въ данномъ направленіи оказались безплодными. Зависѣло это первѣе всего отъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія на это соглашеніе представителей православія и католицизма. Римъ домогался означеннаго соглашенія на условіяхъ Флорентійскаго собора, желалъ привлечь православныхъ къ уніи, которая провозглашена была на Брестскомъ соборѣ, словомъ, стремился къ полному порабощенію православной церкви съ сохраненіемъ за нею только обрядовыхъ особенностей. Представителямъ же православія Брестская унія была ненавистна. Они мыслили объ уніи съ Римомъ, какъ о взаимообщеніи между церквами въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною всѣхъ завѣщанныхъ древностью особенностей въ ея ученіи, управленіи и обрядности. Унію съ Римомъ они понимали въ смыслѣ возвращенія къ состоянію церкви во времена святителей: Григорія, Василія, Аѳанасія,—при чемъ непремѣннымъ условіемъ для соглашенія по означенному вопросу поставлялось участіе въ этомъ дѣлѣ константинопольскаго патріарха. Согласіе послѣдняго на проектируемое соглашеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что выдвигался новый вопросъ: объ образованіи въ западно-русскихъ областяхъ новаго патріархата, что (при сохраненіи религіознаго единенія съ греческою церковью) возможно было только при согласіи на то восточныхъ святителей. Но Римъ, склонявшійся прежде (при Сигизмундѣ III) на учрежденіе въ польско-русскихъ областяхъ такого патріархата, понялъ грозившую для его замысловъ опасность отъ означеннаго учрежденія и съ рѣшительностью началъ протестовать противъ этого проекта. Естественно, что при такихъ разнорѣчивыхъ взлядахъ на религіозное единеніе между церквами состояться оно не могло.

При тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя испытываютъ личности, не отличающіяся твердостью характера и непоколебимою устойчивостью въ своихъ воззрѣніяхъ, нерѣдко случается, что они идутъ на компромиссы и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ лукавству. Къ такому лукавству прибѣгалъ, напр., Іеремія Тиссаровскій, который, съ цѣлью полученія отъ Сигизмунда III привилегіи на львовскую епископію, изъявилъ желаніе принять унію, но, получивъ отъ короля желаемое, остался вѣренъ православію. Едва-ли въ такомъ же лукавствѣ въ разсматриваемое нами время не былъ повиненъ и луцкій епископъ Аѳанасій Пузына: слишкомъ увѣренныя и рѣшительныя свѣдѣнія о его согласіи принять унію, даже о

принятіи оной, идутъ изъ латино-уніатскаго лагеря, хотя, разумѣется, они, въ виду постоянной борьбы сего епископа съ латино-уніатами, нуждаются въ новыхъ подкрѣпленіяхъ [1]). Но что касается до другихъ выдающихся іерарховъ того времени и, въ частности, Петра Могилы, то распространяемые о нихъ латино-уніатами слухи о расположенности къ уніи и желаніи ее принять должны быть признаны, въ той окраскѣ, какая этимъ слухамъ придается, несостоятельными.

Янъ Кречмеръ въ сочиненіи, изданномъ въ 1648 году, подъ заглавіемъ Consideracye и проч., между прочимъ, пишетъ, что мстиславскій епископъ Іосифъ Бобриковичъ († 1634 г). былъ въ душѣ уніатъ, передъ смертью просилъ пригласить къ нему для напутствія въ загробную жизнь уніатскаго священника, за что якобы и былъ удушенъ виленскими чернцами [2]). Но достаточно сопоставить это извѣстіе съ письмомъ уніатскаго митрополита Рутскаго, писаннымъ вскорѣ послѣ кончины Бобриковича, гдѣ послѣдній выставляется, какъ врагъ уніи („Iosephus Bobrikowicz venit Vilnam... spirans minarum") [3]), достаточно хотя поверхностно ознакомиться съ его жизнью, всецѣло посвященною интересамъ православія и борьбѣ съ уніею, чтобы понять всю несостоятельность указаннаго заявленія, вызваннаго, очевидно, желаніемъ хотя послѣ смерти перетянуть въ свой лагерь этого замѣчательнаго іерарха.

Взглядъ Сильв. Коссова на унію, вполнѣ православный, ясно засвидѣтельствованъ имъ въ указанномъ нами письмѣ его къ уніатскому митрополиту Антонію Селявѣ.

Что касается митрополита Петра Могилы, то предположенія о немъ, какъ сторонникѣ уніи съ Римомъ, имѣютъ въ своей основѣ слѣдующія данныя и соображенія:

а) Донесенія въ Римъ, выставлявшія Могилу, какъ лицо, склоняющееся принять унію. Къ этимъ донесеніямъ въ настоящее время слѣдуетъ присовокупить открытое нами письмо нѣкоего Фрука къ уніатскому епископу Баковецкому, гдѣ передаются слухи о таковой же склонности къ единенію съ Римомъ нашего митрополита.—Но

---

[1]) Страннымъ представляется, что актъ присяги Пузыны на унію, безъ сомнѣнія, пересланный въ Римъ, не оказывается въ Ватиканскомъ архивѣ, по крайней мѣрѣ доселѣ не изданъ работавшими въ означенномъ архивѣ и издавшими массу документовъ за время царствованія Владислава IV.

[2]) Consideracye—въ отдѣлѣ: Odpowiedz na kalumnie.

[3]) Архивъ греко-ун. митроп. при Св. Синодѣ № 1178 (прежніе №№ 85, 10037).

до какой степени эти слухи были неопредѣленны и сколь зыбкую имѣли подъ собою фактическую почву, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ инструкція, данная въ 1645 году нунцію Торресу, изъ которой видно, что даже къ концу жизни Петра Могилы папа и его курія, посылавшіе митрополиту письма съ приглашеніемъ принять унію и съ разныхъ сторонъ собиравшіе свѣдѣнія по этому дѣлу, кромѣ неопредѣленныхъ слуховъ, ровно ничего не знали о намѣреніяхъ Могилы по вопросу о соединеніи церквей,—что, разумѣется, не можетъ не показаться въ высшей степени страннымъ и даже положительно необъяснимымъ, если признать серьезность означенныхъ намѣреній и дѣйствительную склонность нашего митрополита къ уніи. При томъ, къ означеннымъ слухамъ,—безъ сомнѣнія, возникавшимъ вслѣдствіе неоднократныхъ обращеній короля къ представителямъ православной церкви съ просьбою о религіозномъ соглашеніи съ уніатами,—сами латино-уніаты, хорошо знавшіе Могилу, относились съ большимъ недовѣріемъ. И есть полное основаніе думать, что переговоры по поводу означеннаго соглашенія съ уніатами, не разъ имѣвшіе мѣсто на сеймахъ, были вызываемы единственно самимъ королемъ, представители же православной церкви во главѣ съ П. Могилою участвовали въ этихъ переговорахъ, такъ сказать, ex officio, не желая вооружить противъ себя расположеннаго къ нимъ короля, и держали себя при этомъ уклончиво, т. е., не отрицая въ принципѣ возможности единенія между церквами (о чемъ они просятъ Бога), осуществленіе этого дѣла ставили въ зависимость отъ условій этого единенія и согласія на то константинопольскаго патріарха, при чемъ, знакомые съ воззрѣніями на унію со стороны Рима, безъ сомнѣнія, не могли имѣть серьезныхъ надеждъ на успѣхъ этого дѣла.

б) Широкія заимствованія П. Могилы при своихъ трудахъ изъ латинскихъ источниковъ. На эти заимствованія, какъ на доказательство склонности нашего митрополита къ уніи, даже принадлежности къ ней, особенно любили указывать въ свое время латино-уніатскіе писатели [1]). Что такія заимствованія допускались нашимъ

[1]) Іезуитъ Θеофилъ Рутка въ сочиненіи: Goliat swoim mieczem porażouy (изд. 1689 г,, въ Люблинѣ) пищетъ: „My iednak tego nie trzymamy o w. Pietrze Mohile (т. е., что онъ былъ православнымъ). Utwierza toie Trzebnik, który z łacinskiey agendy y innych ksiąg łacinskich, a nie greckich, choć udawał, że z greckich, poprawił... Lithos abo Kamien w. Piotr Mohiła pisał? Nie wierzymy. Bo on nie miał ducha heretickiego, ponieważ miał się do ksiag łacinskich katholickich, iako się rzekło o Trebniku (стр. 167). Суша въ своей книгѣ, изданной въ Римѣ,

митрополитомъ, это, разумѣется, фактъ не подлежащій сомнѣнію; но выводы, дѣлаемые изъ него, неосновательны. Подобныя заимствованія изъ латинскихъ источниковъ въ изобиліи встрѣчаются у многихъ тогговременныхъ писателей, ревность которыхъ къ православію и враждебное отношеніе къ уніи сомнѣнію не подлежитъ. Фактъ этотъ можетъ быть объясняемъ проще и естественнѣе. Въ разсматриваемое время западъ далеко опередилъ въ научномъ отношеніи востокъ. Это, между прочимъ, отразилось какъ на болѣе широкой постановкѣ въ первомъ образованія (школы, коллегіи, университеты), такъ и на учено-литературныхъ произведеніяхъ, въ томъ числѣ и богословско-церковнаго характера, а также на приведеніи къ извѣстной систематизаціи догматическихъ вѣрованій (катехизисы) и обрядности (бревіаріи, ритуалы). Православнымъ южноруссамъ, гдѣ науки только что нарождались, естественно было пользоваться научными результатами, добытыми сосѣдними народами, хотя и иновѣрными. Съ этою цѣлью многіе изъ нихъ отправлялись для завершенія образованія въ заграничные коллегіи и университеты, а возвратившись оттуда, пріобрѣтеннымъ научнымъ оружіемъ и добытыми свѣдѣніями пользовались при защитѣ интересовъ православія. Подобное явленіе въ довольно широкихъ размѣрахъ замѣчается въ сочиненіяхъ православныхъ южно-русскихъ писателей, особенно полемическихъ, еще до выступленія П. Могилы на общественное поприще. Относительно, напр., полемическихъ сочиненій дѣло обстояло такъ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ православное вѣроученіе сходится съ католическимъ (напр., относительно почитанія мощей), въ другихъ съ протестантскимъ (отрицаніе главенства папы). И вотъ, когда православнымъ писателямъ приходилось бороться противъ протестантизма, они широко пользуются учеными трудами католиковъ, а когда нужно было ратовать противъ послѣднихъ, они прибѣгаютъ къ помощи сочиненій протестантскихъ [1]). Все это вызывалось необходимостью и

подъ заглавіемъ „Savlus et Pavlus... sive Meletius Smotricius"... во II ч., отд. V, на стр. 107—108 тоже усиливается доказать, что П. Могила et in vita et in morte latino confessus (передъ смертію исповѣдывалъ свои грѣхи латинскому каплану). Отсюда такое мнѣніе о П. Могилѣ занесено и въ другія латино-уніатскія произведенія; см., напр., Игнатія Стебельскаго: „Dwa wielkie swiatła na goryzoncie Polockim"... et caet. т. II (изд. 1782 г. въ Вильнѣ), стр. 225. Защиту памяти П. Могилы по данному дѣлу см. у Іоанникія Голятовскаго въ сочиненіи его: Stary kosciół zachodni nowemu kosciołowi Rzymskiemu pochodzienie Ducha S. od Oyca samego nie od Syna pokazuie" et caet. (изд. 1678 г., въ Новогродкѣ) стр. 93—94.

[1]) Такъ, напр., М. Смотрицкій, при составленіи нѣкоторыхъ отдѣловъ своего Θρῆνοσ'а (изд. 1610 г.) широко пользовался трудомъ протестанта Люберта: De papa Romano"—на что указано К. Студиньскимъ (Пересторога, руський памятник початку XVII віка. У Львові. 1895, стр. 31). Сочиненіемъ Люббертa, безъ сомнѣнія,

осуждать за это ревнителей православія нельзя.... Петръ Могила былъ человѣкъ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ и хорошо понималъ потребности времени. Великій борецъ за интересы православія, но чуждый фанатизма, онъ сознавалъ, что не все у иновѣрцевъ дурно, а много есть у нихъ и хорошаго, и первѣе всего хорошимъ, удовлетворявшимъ потребностямъ времени, онъ считалъ западную науку, которую вслѣдствіе этого и рѣшился перенести въ основанныя имъ коллегіи. Цѣня научное образованіе у иновѣрцевъ, Петръ Могила естественно долженъ былъ цѣнить и научные труды западныхъ ученыхъ, а потому, обогащая ими свою и коллегіатскую библіотеки, не считалъ предосудительнымъ пользоваться ими при своихъ или писанныхъ по его порученію трудахъ, коль скоро находилъ подходящій для намѣченныхъ цѣлей матеріалъ. Всегда ли нашъ митрополитъ избѣгалъ при этомъ (о чемъ онъ заботился) привнесенія въ издаваемые имъ труды чуждаго элемента, это вопросъ иной; но указаніе на самый фактъ заимствованій Могилою изъ католическихъ источниковъ, какъ на свидѣтельство якобы его приверженности къ уніи, должно быть признанно совершенно не выдерживающимъ критики (крайне несостоятельнымъ).

в) Надежды и желаніе Петра Могилы получить патріаршескій санъ послѣ религіознаго соглашенія съ уніатами. Разумѣется, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если бы осуществился проектъ короля Владислава IV объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ особаго патріархата, объединявшаго подъ своимъ управленіемъ религіозно-примиренныхъ между собою православныхъ и уніатовъ,—

пользовался и С. Зизаній въ „Казаньи св. Кирилла объ антихристѣ", изд. въ 1596 году. (Ibid, стр. 164—166). Изъ южно-русскихъ произведеній указаннаго времени, писанныхъ противъ протестантовъ, при пособіи католическихъ писателей, укажемъ на сочиненіе: „О образехъ, о хвалѣ Божіей и хвалѣ и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единое правдивое церкве Христовы",—изданное въ началѣ XVII в. въ Вильнѣ. Авторъ его пользовался сочиненіемъ Вуйки: O Bostwie Syna Bożego,—иногда даже дословно. (Параллельныя мѣста приведены нами въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. IX, стр. 87. Особенно широко пользовались западно-русскіе писатели проповѣдями католиковъ.

Въ библіотекѣ Кіево-печерской Лавры находится обширный сборникъ проповѣдей нач. XVII стол., которыя преосв. Филаретъ (Обзоръ Духовн. Литературы) склоненъ считать за проповѣдническіе труды извѣстнаго южно-русскаго витіи виленскаго архимандрита Леонтія Карповича. Но это недоразумѣніе: означенныя проповѣди суть не что иное, какъ дословный переводъ на южно-русское нарѣчіе нѣкоторыхъ „казаній" Скарги, съ привнесеніемъ самыхъ незначительныхъ измѣненій и дополненій (напр., встрѣчается обращеніе къ кіево-печерскимъ угодникамъ, включены фразы о произнесеніи проповѣдей въ Кіевѣ и т. п.).

то первымъ кандидатомъ на патріашество былъ бы Петръ Могила. Вѣроятно, что послѣдній не чуждъ быль мысли объ этомъ, подъ условіемъ религіознаго примиренія съ уніатами на началахъ, указанныхъ нами выше. Но вѣдь такое примиреніе въ сущности было не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ уніатовъ въ лоно православія, и послѣ подобнаго примиренія всѣ отношенія къ папѣ сводились бы къ почетному признанію его главенства (безъ привнесенія этого главенства въ догму). Если же вопросъ ставить такъ, что Петръ Могила по честолюбію, изъ-за желанія получить патріаршій санъ склоненъ былъ измѣнить православію (т. е. принять унію на условіяхъ Флорентійскаго собора), и не сдѣлалъ этого только по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, то подобное мнѣніе не можетъ быть принято. Оно, главнымъ образомъ, зиждется на мнѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей о Петрѣ Могилѣ, какъ человѣкѣ честолюбивомъ и карьеристѣ, поступившемъ на кіево-печерскую архимандрію изъ-за выводъ житейскихъ и занявшемъ впослѣдствіи кіевскую митрополію, при живомъ митрополитѣ, посредствомъ козней, принесши въ жертву своему честолюбію всѣхъ западно-русскихъ іерарховъ. Сколь несправедливы такія воззрѣнія, это уже достаточно разъяснено нами въ въ прежнихъ трудахъ [1]) и ширить рѣчей по этому поводу нѣтъ надобности. Мы здѣсь отмѣтимъ только одинъ фактъ изъ жизни Петра Могилы въ свѣтскомъ званіи, прежде намъ неизвѣстный. С. Коссовъ въ проповѣди своей, произнесенной имъ (9 апр. 1635 года) при погребеніи мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича, рисуетъ картину, кого почившій іерархъ встрѣтитъ въ обителяхъ небесныхъ, и, указывая на цѣлый рядъ такихъ лицъ, прославленныхъ Богомъ или извѣстныхъ святостью своей жизни, между послѣдними упоминаетъ креховскаго инока Герасима, „который, спустя семь лѣтъ послѣ своей кончины, преосвященнаго въ Богѣ отца и пастыря его милость отца Петра Могилу, еще бывшаго въ то время въ свѣтскомъ званіи, исцѣлилъ отъ тяжкой болѣзни“ [2]). Такъ какъ означенный фактъ отмѣчается какъ чудо, извѣстіе о которомъ очевидно было въ свое время широко распространенно, то естественно возникаетъ предположеніе, нельзя ли поставлять означенное чудесное исцѣленіе Могилы отъ тяжкой болѣзни въ связь съ его желаніемъ посвятить свою жизнь на служеніе православной церкви въ духовномъ званіи?... Какъ бы то ни было, но противъ приверженности

---

1) Кіев. митроп. Петра Могила, т. I, гл. II.

2) Cherubin przy akcie pogrebowym przewielebnego w Bogu Oyca Iozepha Bobrikowicza... et caet. (изд. 1635 г., въ Вильнѣ).

Петра Могилы къ уніи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся его жизнь, непрерывная борьба съ уніатами и неусыпная дѣятельность на пользу православія, — и мы не въ правѣ не вѣрить его предсмертному завѣщанію, всецѣло проникнутому горячею любовью къ православію и православнымъ учрежденіямъ [1]).

Что касается православныхъ южноруссовъ, не принадлежавшихъ къ духовному званію, но близко принимавшихъ къ сердцу интересы православной церкви и энергично ратовавшихъ за оные, то между ними могли находиться лица, болѣе склонные обольщать себя надеждою о возможности сближенія съ Римомъ при условіяхъ взаимныхъ уступокъ съ той и другой стороны, при чомъ этому могли содѣйствовать и не столь устойчивыя (какъ у духовныхъ особъ) воззрѣнія на пункты разногласія съ Восточною и Западною церквами. Съ мнѣніемъ одного изъ такихъ свѣтскихъ лицъ (князя Михаила Черторыйскаго) мы уже до извѣстной степени ознакомлены: разумѣемъ сдѣланное имъ на луцкомъ провинціальномъ сеймѣ 1645 года заявленіе. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что къ числу вліятельныхъ свѣтскихъ особъ, питавшихъ подобныя оптимистическія надежды о сближеніи съ Римомъ, принадлежалъ и болѣе стойкій и популярный борецъ за православную вѣру, извѣстный намъ Адамъ Кисель.

Личность этого замѣчательнаго дѣятеля своего времени не достаточно еще выяснена. Разумѣется, въ нашу задачу не входитъ восполнять этотъ пробѣлъ въ исторической литературѣ. Мы укажемъ только здѣсь на нѣкоторыя данныя изъ жизни А. Киселя или доселѣ неизвѣстныя, или же не обращавшія на себя вниманіе изслѣдователей, и при томъ такія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ затронутому нами вопросу.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что Кисель, начиная съ половины 1632 года постоянно видимый нами какъ ревностный охранитель и защитникъ правъ православной церкви, былъ передъ тѣмъ уніатомъ. Свѣдѣніе объ этомъ находится въ дневникѣ А. С. Радзивилла. Здѣсь, при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто на избирательномъ сеймѣ 1632 г., подъ 15 числомъ октября мѣсяца, между прочимъ, читаемъ: „Кисель, который недавно отступилъ отъ уніи (ktòry niedawno był od unii odstąpił), благодаритъ маршалка за то, что вспомнилъ о мятежѣ (rebellii) греческомъ, и упрашиваетъ, чтобы объ этомъ трактовано было завтра“. Подъ 19

[1]) Памятники Кіев. Комм. т. II, № XII. См. также приложеніе къ Описанію Кіево-Печер. Лавры, преосв. Евгенія. (Кіевъ, 1826 г.) № 8, стр. 32—43.

числомъ того же мѣсяца: „Директоръ (маршалокъ сейма Яковъ Собѣсскій) проситъ (православныхъ депутатовъ), чтобы подождали (съ своими петиціями) до завтрашняго дня. Кисель говоритъ: послѣ выхода нашего увидите, какъ мало останется васъ съ собраніи (w kole). Кухмистръ литовскій отвѣчаетъ, что уніаты и по своимъ правамъ и по числу равны имъ (православнымъ депутатамъ), да и самъ Кисель недавно, въ этомъ году, во время Пасхи, отъ уніи отступилъ“ (i sam Kisel niedawno, tego roku, na wielkanoc, od unii odstąpił)—[1]). Когда А. Кисель совращенъ былъ въ унію, неизвѣстно; но самый фактъ совращенія и, слѣдовательно, достовѣрность сообщаемыхъ въ дневникѣ Радзивилла свѣдѣній по трактуемому вопросу сомнѣнію не подлежитъ. Въ связи съ означеннымъ фактомъ уясняется и то (безъ констатированія самаго факта могущее казаться страннымъ) обстоятельство, что А. Кисель находился съ уніатскимъ владимирскимъ епископомъ Іоакимомъ Мороховскимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и послѣдній предъ смертью, завѣщавъ ему въ знакъ своего расположенія („на освядчене хути своей“) 500 золотыхъ и нѣкоторыя вещи, назначилъ его главнымъ своимъ душеприказчикомъ [2]); а по смерти Мороховскаго большая часть отказанныхъ имъ суммъ на разныя уніатскія церкви и учрежденія, разумѣется съ согласія на то уніатскаго духовенства, взята была А. Киселемъ заимообразно („на выдеркафъ“ [3]). Важно въ дневникѣ Радзивилла указаніе на время возвращенія Киселя къ православію. Это возвращеніе, состоявшееся еще до кончины короля-фанатика (Сигизмунда III), очевидно не вызывалось житейскими соображеніями (что могло имѣть мѣсто при Владиславѣ IV,—разумѣемъ новыя вѣянія въ политикѣ верховной власти), а было плодомъ искренняго убѣжденія и усилившейся привязанности къ праотцевской вѣрѣ. Пребываніе Киселя въ „овчарнѣ св. отца“ не сдѣлало его фанатикомъ въ дѣлахъ религіозныхъ, какъ это нерѣдко случалось съ лицами, подпадавшими вліянію латино-уніатской партіи; напротивъ, онъ проникнутъ былъ широкими идеями относительно вѣротерпимости. Но означенное пребываніе въ уніи и, разумѣется, нерѣдкія бесѣды о религіи съ представителями католицизма, всегда выдвигавшими при этомъ на первый планъ излюбленную догму о главенствѣ папы, отразились на религіозныхъ воззрѣніяхъ Киселя и именно въ смыслѣ склонности считать означенную догму имѣющею прочную

---

[1]) Pamiętniki Radziwiłła I. 51, 57.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I т. VI. № CCLIV, стр. 630 и слѣд.

[3]) Ibid. ч. I, т. VI, № CCLVI, стр. 634—637 и примѣч. къ документу.

основу въ св. писаніи. Какъ самый фактъ увлеченія А. Киселя доктриною католицизма о главенствѣ папы, такъ отчасти и мотивы, побудившіе его, не взирая на это увлеченіе, возвратиться къ праотцевской вѣрѣ, можно усматривать изъ обширнаго акта Киселя (составленнаго 15 сент. 1643 г.) о фундаціи имъ въ своемъ помѣстьѣ Низкиничахъ мужского Покровскаго монастыря. Въ этомъ актѣ, между прочимъ, находится слѣдующее въ высшей степени замѣчательное „исповѣданіе“ фундатора: „Такъ какъ я въ сей святой вѣрѣ и древнемъ обрядѣ церкви святой восточной греческой родился отъ „старожитныхъ“ предковъ моихъ означеннаго греческаго обряда, въ этой вѣрѣ предокъ мой со своимъ монархомъ Владиміромъ былъ окрещенъ, въ той же вѣрѣ предки мои и моего дома присоединились къ Коронѣ Польской, теперешней нашей отчизнѣ, и я самъ въ означенной вѣрѣ жилъ,—то я желаю, при помощи Божіей и весь свой вѣкъ пребывать въ ней. Исповѣдую единаго Бога, въ Тройцѣ единаго, едино крещеніе и единую ортодоксальную, какъ называютъ славяне, православную вѣру; исповѣдую и единую вселенскую апостольскую церковь, за которую святые мученики кровь свою святую проливали; исповѣдую также, что какъ въ іерархіи небесной хотя св. писаніе изображаетъ разные чины (ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ), но находятся они подъ управленіемъ единаго Господа и Бога, такъ таковый же порядокъ имѣетъ быть и въ церкви Божіей (земной), которая во всемъ должна сообразоваться съ небесною, тріумфуючею,—и какъ ветхозавѣтное устройство было прообразомъ Новаго Завѣта, а тамъ Ааронъ былъ верховнымъ первосвященникомъ на землѣ, и какъ та республика есть совершеннѣйшая, которая имѣетъ единаго администратора: подобно сему и означенная республика церковная (церковь), будучи подъ (невидимымъ) управленіемъ своего основателя Господа и Бога, въ совершеннѣйшей своей формѣ не можетъ быть здѣсь на землѣ безъ (видимаго) единаго администратора и начальника, и какъ при жизни апостоловъ одного изъ нихъ матерь наша церковь святая въ пѣснопѣніяхъ своихъ исповѣдуетъ верховнымъ, такъ и преемникамъ сего апостола и его наслѣдію принадлежитъ то же единое верховенство. Но такъ какъ въ настоящія несчастливыя времена церковь Божія, въ особенности въ отчизнѣ нашей и народѣ русскомъ, разъединена вслѣдствіе тягостныхъ и величіе Божіе оскорбляющихъ распрей, и, по грѣхамъ нашимъ, въ этотъ суровый вѣкъ убогіе христіане терпятъ (преслѣдованія), и святая вѣра, въ обрядѣ греческомъ непорочная, подвергается различнымъ посмѣяніямъ: посему, покуда Господь Богъ, во всемогущей рукѣ котораго находится это дѣло, не соединитъ

всѣхъ во едино, я, какъ всегда въ сей Рѣчи Посполитой ревностно стоялъ за права, свободу и привилегіи праотцевской религіи, такъ и въ настоящее время, учинивъ означенное исповѣданіе, новоустроенный монастырь... и проч. (Ад. Кисель желаетъ, чтобы означенный монастырь былъ дочерью монастыря Кіево-Печерскаго и находился въ вѣдѣніи его архимандритовъ [1]).

Спустя три года (въ 1646 г.) Адамъ Кисель, давая фундушъ на католическій костелъ, находившійся въ его помѣстьи Свойчовѣ, относится весьма примирительно къ разногласіямъ между церквами Восточною и Западною и не теряетъ надежды на возможность соединенія ихъ. „Богу Тріединому (читаемъ въ актѣ на означенный фундушъ) слава. Всѣ мы православные исповѣдуемъ единую, святую, каѳолическую, апостольскую церковь, изъ коей Христосъ Господь образовалъ недѣлимое духовное тѣло, которое блаженнѣйшіе мученики, греки и латиняне, святѣйшею (своею) кровію обагрили. Проповѣдуется одинъ Богъ, одна вѣра, одно крещеніе; равно какъ не двоякая (т. е. различная) есть вѣра, которая чтится обрядами латинскимъ и греческимъ, двойственность же въ исповѣданіи вѣры (въ дѣлахъ религіозныхъ) привнесли единственно несчастныя обстоятельства времени, и такимъ образомъ, по прегрѣшеніямъ, произошло дѣйствительное раздѣленіе, вслѣдствіе чего должно просить всемогущее Божество, отъ коего зависитъ благопріятный исходъ, дабы оно, то, что нѐдѣлимо, а между тѣмъ раздѣлено, возвратило къ прежнему святѣйшему единенію. Такимъ образомъ и намъ должно заботиться объ осуществленіи этого желанія и объ обоюдной братской любви, знаками и доказательствами которой должны быть дѣла. И такъ, въ удовлетвореніе нашей христіанской любви, я, худшій изъ людей и величайшій изъ грѣшниковъ, Адамъ изъ Брусилова Кисель, каштелянъ и генералъ земли Кіевской..., пребывающій въ древней религіи своей греческой и желая всегда чтить оную, какъ славную, вознамѣрился... и проч. (далѣе идетъ рѣчь о самомъ фундушѣ [2]).

Принимая во вниманіе заявленія, сдѣланныя Киселемъ въ указанныхъ документахъ, и сопоставляя ихъ вообще съ его дѣятельностью, какъ борца за интересы православія, мы, по интересующему насъ вопросу, приходимъ къ слѣдующему предположенію.

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн 1028, л. 969 и слѣд. Сравн. тамъ же № кн. 2160, л.л. 551—554, гдѣ, впрочемъ, не достаетъ начала означеннаго акта.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ, № книги 1022, л. 1134 об. и слѣд.

А. Кисель, увлеченный идеею соединенія церквей, примкнулъ къ уніи, чему—можетъ быть—не мало содѣйствовалъ уніатскій епископъ Мороховскій, съ которымъ у Киселя были тѣсныя связи. Но какъ у человѣка, преданнаго праотцевской вѣрѣ и высоко ее цѣнившаго, при томъ человѣка съ большимъ умственнымъ кругозоромъ, у него должны были открыться глаза, и онъ уразумѣлъ, что вводимая въ западно-русскихъ областяхъ унія не есть взаимообщеніе между церквами Восточною и Западною, а въ сущности—порабощеніе послѣднею первой, при чемъ на самую унію римскій престолъ смотритъ какъ на нѣчто, терпимое только по времени, какъ на переходную ступень принявшихъ ее къ полному католицизму; что, наконецъ, унія вводится посредствомъ такихъ средствъ, которыя сопровождаются постояннымъ попраніемъ правъ, свободы и привилегій всего русскаго народа. Кисель понялъ, что сдѣлалъ ошибку, что симпатіи его лежатъ на сторонѣ угнетаемой праотцевской вѣры, и, не взирая на воспринятую имъ доктрину о необходимости въ церкви видимой главы, каковая честь должна принадлежать римскому папѣ, какъ преемнику верховнаго апостола, порвалъ связи съ уніею, возвратился въ лоно православной церкви и съ этого времени сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и энергичныхъ защитниковъ ея правъ. Когда Владиславомъ IV предприняты были попытки къ религіозному примиренію враждующихъ сторонъ, естественно Кисель, при своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ, долженъ былъ оказаться въ числѣ лицъ, наиболѣе сочувствовавшихъ означенному проекту. Но унію съ Римомъ Кисель тоже понималъ. какъ взаимообщеніе между церквами Восточною и Западною въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною завѣщанныхъ древностью особенностей въ ея ученіи и обрядности, хотя въ этомъ отношеніи онъ—какъ мы замѣтили—существенно расходился съ воззрѣніями духовныхъ представителей православной церкви: именно, находилъ возможнымъ признать главенство папы, какъ догматическую доктрину,—словомъ, при всей своей стойкости въ борьбѣ за интересы православія и любви къ праотцевской вѣрѣ, былъ на торномъ пути къ католицизму. И можно думать, что въ ряду лицъ, содѣйствовавшихъ планамъ Владислава IV о примиреніи церквей, въ смыслѣ подготовленія почвы для сего, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ именно Киселю. На каждомъ сеймѣ самый ревностный борецъ за интересы православія, чрезъ борьбу съ уніатами стяжавшій себѣ въ средѣ ультра-католической партіи имя „закоренѣлаго схизматика"—Кисель открыто заявляетъ, что хотя онъ пребываетъ и до конца жизни будетъ пребывать въ своей древней и славной праотцевской вѣрѣ, тѣмъ не менѣе за совершеннѣйшее благоустрой-

ство церкви считаетъ нахожденіе ея подъ верховнымъ управленіемъ единой видимой главы! Понятное дѣло, что такія рѣчи, исходящія изъ устъ не католика или уніата, а великаго ревнителя православія, должны были въ свое время производить на умы православныхъ сильное впечатлѣніе. Поэтому, не взирая на подобныя рѣчи, стойкость Киселя и его нежеланіе идти на предлагаемые Римомъ компромиссы, клонившіяся къ привлеченію православныхъ къ подножію апостольскаго престола на основаніяхъ Флорентійской уніи, нельзя не признать обстоятельствомъ, значительно облегчавшимъ задачи представителей православной церкви при борьбѣ ихъ съ посягательствами на нее со стороны папской куріи.

С. Голубевъ.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

Г. Александръ Колесса, профессоръ малорусскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, прислалъ мнѣ, съ просьбой дать рецензію, оттиски своей статьи: „Dialectologische Merkmale des südrussischen Denkmales: Žitije sv. Savy“ *). Я, вмѣсто того чтобы рецензировать статью г. Колессы, принужденъ былъ заняться рецензіей сочиненій г. Соболевскаго и указаніемъ филологическихъ пріемовъ послѣдняго; читатель ниже увидитъ, почему мнѣ пришлось такъ поступить. Опровергнуть мнѣнія г. Соболевскаго можно было бы двумя путями. Одинъ— болѣе короткій: пересмотрѣть тѣ рукописные подлинники, о которыхъ онъ говоритъ. Какъ будетъ показано ниже, есть много основаній думать, что г. Соболевскій указалъ не всѣ факты, и такимъ образомъ пересмотръ затронутыхъ имъ рукописей сразу далъ бы матеріалы для опроверженія теорій его. Для меня однако, въ Сиріи, вдали отъ московскихъ и петербургскихъ рукописныхъ книгохранилищъ, этотъ путь невозможенъ, и я избралъ другой: провѣрить показанія г. Соболевскаго о рукописяхъ печатными показаніями другихъ филологовъ, равно какъ

*) Изъ „Archiv für slavische Philologie“, т. XVIII.

подвергнуть внимательному осмотру тотъ матеріалъ, который обнародованъ самимъ г. Соболевскимъ. Быть можетъ этотъ второй путь будетъ нѣсколько длиннѣе, но и онъ хорошо приведетъ къ истинѣ.

Бейрутъ. 1898. Апрѣля 14.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое галицко-волынская гипотеза и какъ смотрятъ на нее ученые.

Малорусское нарѣчіе, довольно консервативное въ области морфологіи, является далеко не такимъ въ области фонетики (вспомнимъ, напр., утрату звука *ы*, переходъ *ô* въ *i* и т. п. и т. п.); великорусское же нарѣчіе—наоборотъ—въ фактахъ фонетическихъ отступило отъ древне-русскаго типа гораздо менѣе, чѣмъ въ морфологическихъ. Долгая раздѣльная историческая жизнь обѣихъ народностей и разныя условія этой жизни сдѣлали то, что и лексическій матеріалъ обоихъ нарѣчій сталъ значительно различаться. Такимъ образомъ къ настоящему времени оба нарѣчія успѣли обособиться настолько, что великоруссъ и малоруссъ уже съ трудомъ понимаютъ другъ друга.

Ощутительная разница обоихъ нарѣчій повела къ тому, что обыкновенно они признаются не за два нарѣчія, а за два отдѣльныхъ языка. Поляки, напр., считаютъ малорусскую рѣчь за вѣтвь польской; нѣкогда это мнѣніе было распространено и среди русскихъ, благодаря Гречу. Сами малоруссы въ повседневномъ разговорѣ и въ сочиненіяхъ нефилологическихъ (а многіе—даже въ филологическихъ) называютъ свое нарѣчіе языкомъ, находя его языкомъ самостоятельнымъ, независимымъ ни отъ великорусскаго (т. е. русскаго), ни отъ польскаго. Самостоятельнымъ языкомъ называютъ малорусское нарѣчіе и такіе знаменитые западные славяновѣды, какъ Миклошичъ. И среди великоруссовъ часто слышатся такіе же голоса. Извѣстный знатокъ великорусскихъ нарѣчій Вл. Даль не согласился внести

словъ малорусскихъ въ свой „Словарь", такъ-какъ находилъ, что рѣчь малоруссовъ—это совсѣмъ особый языкъ*). А казалось бы, что Даль, изучившій такъ хорошо всевозможныя нарѣчія великорусскія и бѣлорусскія, менѣе чѣмъ кто-либо долженъ былъ бы находить рѣчь малоруссовъ такою чужою для себя! Извѣстный славяновѣдъ П. Лавровскій даже раздражался, если говорили, что рѣчь малоруссовъ близко родственна великорусской, а не образуетъ самостоятельнаго нарѣчія**). Историкъ Погодинъ, при всемъ своемъ стремленіи объединитъ малорусскую народность съ великорусскою***), открыто сознавался, что малорусское и великорусское нарѣчіе разнятся *между собою* болѣе, чѣмъ *между другими* славянскими нарѣчіями, и даже отказывался вѣрить, что бы они принадлежали „къ одному роду" ****). Это воззрѣніе привело его наконецъ къ особой исторической гипотезѣ.

Съ идеей о полной самостоятельности какого-нибудь языка у многихъ какъ-то невольно рождается другое представленіе (далеко не всегда вѣрное)—что признаки самостоятельности даннаго языка должны датироваться *издавна*. Даже среди очень почтенныхъ филологовъ можно найти порядочное число лицъ, признающихъ за малорусскимъ языкомъ не меньшую давность, чѣмъ за любымъ славянскимъ языкомъ. Неудивительно послѣ этого, если нефилологъ Погодинъ рѣшилъ, что два такъ рѣзко различающіеся языка, какъ малоруссовъ и великоруссовъ, должны были возникнуть до начала исторической жизни Руси; этнографическія особенности племени малорусскаго и великорусскаго еще болѣе утверждали Погодина въ его мысли, что

---

*) Толковый словарь живого великорусскаго языка. М. 1863, ч. I стр XXVII—XXVIII.

**) См. его статью въ „Основѣ" 1861 г., авг.: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину". Здѣсь авторъ резюмировалъ свою статью, помѣщенную въ Журналѣ Минист. Нар. Просв." 1859 г.

***) Вспомните его дѣятельность въ Галичинѣ и его роль въ исторіи развитія той партіи, которую поляки прозвали „москалефильской".

****) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина, т. II. Происхожденіе Варяговъ-Руси. О славянахъ. М. 1846, стр. 390.

это издавна было два самобытныхъ племени.—„Такъ! но какое же изъ двухъ племенъ жило въ древнемъ Кіевѣ, въ этой матери городовъ русскихъ“?—представляется вопросъ. Погодинъ рѣшеніе этого вопроса думалъ найти въ изслѣдованіи языка Начальной лѣтописи. Филологомъ онъ не былъ *), понятія о филологическихъ пріемахъ и объ исторіи языка не имѣлъ,—немудрено, что въ полуцерковномъ языкѣ лѣтописи онъ находилъ большее сходство съ великорусской рѣчью (собственно фонетикой), чѣмъ съ малорусской; а того соображенія, чтобы въ начальный періодъ русской исторіи могъ быть *одинъ* общерусскій языкъ, не малорусскій и не великорусскій, онъ не допускалъ и считалъ за „новость неслыханную“. Такимъ образомъ у Погодина составилось мнѣніе: „До татарскаго нашествія въ Кіевѣ малороссовъ не было; они жили гдѣ то вдали, за Карпатами, а въ южную Русь пришли они ужъ въ XIII в., послѣ разоренія кіевской земли татарами и бѣгства ея кореннаго населенія на сѣверъ. До того времени въ Кіевѣ жили великороссы, и не только въ Кіевѣ, но и южнѣе: близъ береговъ Чернаго моря и въ окрестностяхъ Солуня; великорусское нарѣчіе было тожественно съ церковно-славянскимъ языкомъ“ **). Такъ возникла въ Россіи пресловутая „галицкая“ теорія происхожденія малоруссовъ. Въ 1883 г. ее подновилъ г. Соболевскій на филологическихъ основаніяхъ, причемъ къ числу старо-малорусскихъ областей присоединилъ еще Волынь, а срокъ пребыванія великороссовъ въ Кіевѣ продлилъ до конца XV вѣка.

Какъ отнеслась наука къ галицко-волынской теоріи?

Погодинъ, не чувствуя въ себѣ филологической силы, попытался поддержать свою гипотезу кой-какими историческими соображеніями. Въ происшедшей полемикѣ Максимовичъ, а затѣмъ (1862) Котляревскій нанесли гипотезѣ Погодина сильнѣй-

*) Онъ самъ часто повторялъ: „Я не филологъ, а историкъ“, „филологія не мое дѣло“. срв. „Русск. Бес.“ 1857, кн. IV, стр. 22 и сл. Въ какомъ отношеніи стоятъ его филологическія соображенія къ сочиненіямъ Срезневскаго и Лавровскаго, я считаю излишнимъ здѣсь распространяться

**) См. „Извѣстія русск. отд. Акад. наукъ“ 1856: „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“. Тоже въ VII т. „Лекцій“. См. еще „Москвитянинъ“ 1856, № 2.

шіе удары [1]). Черезъ десять лѣтъ Бестужевъ-Рюминъ, sine ira et studio, подвелъ полемикѣ итоги въ слѣдующемъ отзывѣ о Погодинскомъ мнѣніи: „Подобныхъ предположеній наука, *конечно,* не можетъ признать" [2]). Въ 1882 г. авторитетнѣйшій историкъ южной Руси В. Б. Антоновичъ въ своей монографіи о Кіевѣ [3]) вновь опровергъ мнѣніе Погодина (которое впрочемъ никого ужъ тогда не соблазняло); а насколько убѣдительны его доказательства, видно изъ слѣдующаго факта: проф. Халанскій въ своемъ сочиненіи о былинахъ сознается, что для объясненія отсутствія былинъ у малоруссовъ самымъ удобнымъ средствомъ была бы Погодинская теорія, но онъ не смѣетъ къ ней прибѣгнуть, потому-что послѣ изслѣдованій Антоновича считаетъ ее окончательно рѣшенной въ отрицательномъ смыслѣ [4]). Когда она была возобновлена г. Соболевскимъ [5]), В. Б. Антоновичу пришлось еще разъ взяться за ея разсмотрѣніе съ исторической точки зрѣнія и показать ошибочность мнѣнія г. Соболевскаго; одновременно высказались противъ того-же мнѣнія проф. Дашкевичъ и др. [6]). Проф. Владимирскій-Будановъ [7]), признавая, что татары произвели опустошеніе дѣйствительно очень сильное, все

---

[1]) Подробности полемики можно найти въ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія" П. И. Житецкаго, въ „Спорѣ южанъ и сѣверянъ" Пыпина, въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли" Грушевскаго и наконецъ въ статьѣ г. Колессы (ст. 437 и сл.), изъ-за которой мнѣ приходится писать объ этомъ вопросѣ,

[2]) Русская Исторія. Спб. 1872, т. I, стр. 294.

[3]) Кіевск. Стар. 1882, янв. И отдѣльно въ „Монографіяхъ".

[4]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884, № 3, стр. 139 и сл.

[5]) „Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV—XV в."? Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, Кіевъ 1883, II, стр. 215 и слѣд. А подробно мотивирована теорія въ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка"—Университетскія Извѣстія 1883—1884 г. (есть отдѣльный оттискъ 1884 г.).

[6]) См. названный томъ „Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца", стр. 223 и слѣд. Съ филологической точки зрѣнія возражалъ тогда г. Соболевскому П. И. Житецкій.

[7]) „Населеніе ю.-з. Россіи отъ половины XIII до полов. XV в." Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. VII, I, (Малорусскій переводъ, или компиляція этого изслѣдованія помѣщены въ „Правді" 1889). „Населеніе Ю.-З. Россіи отъ половины XV в до Люблинской уніи"—Архивъ т. VII, II.

же находитъ, что опустошеніе не было полное; а изслѣдуя этнографическій составъ окраинъ литовскаго государства въ половинѣ 16-го в., онъ приходитъ къ такому заключенію: „Пришлые элементы претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ коренного населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украйны сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранялась древняя закваска туземнаго, кіевскаго и сѣверскаго, племенного начала. Кіевское населеніе не все поголовно было сносимо бурями татарскихъ опустошеній" [1]). Опровергъ теорію Погодина и Соболевскаго также М. Грушевскій (нынѣшній профессоръ малорусской исторіи въ Львовскомъ университетѣ) въ своемъ трудѣ объ исторіи Кіевской земли [2]). Въ VIII томѣ „Записокъ наукового товарыства имени Шевченка [3]) проф. Грушевскій, коснувшись статьи А. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій" [4]), показалъ еше разъ, къ какимъ историческимъ несообразностямъ приводитъ галицко-волынская теорія. Изслѣдователь русскихъ древностей Ѳ. Леонтовичъ [5]), коснувшись вопроса о мнимомъ запустѣніи южной Руси, присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что оно является ничѣмъ инымъ, какъ историческимъ миражемъ" (выраженіе В. Б. Антоновича) [6]). „Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Эфрона [7]) прямо констатируетъ, что послѣднее слово исторіи стало на сторону мнѣнія Максимовича, а не Погодина. Вообще въ настоящее время нельзя указать ни одного сколько-нибудь серіознаго русскаго историка, который

---

[1]) См. второе изъ вышеназванныхъ изслѣдованій, стр. 188.

[2]) Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. К. 1891. стр. 427—443.

[3]) Рикъ 1895, кныжка четверта, въ отдѣлѣ „Библіографія". стр. 9—14.

[4]) Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1894, кн. VI, 1—12.

[5]) Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовско-русскаго государства. Ѳ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета. Спб. 1894.

[6]) Стр. 169, примѣч. 3.

[7]) 1896 года, полутомъ 35, стр. 442.

признавалъ бы малоруссовъ выходцами съ запада и утверждалъ бы, что старые кіевляне не предки нынѣшнихъ. Вскорѣ противъ галицко-волынской теоріи должна заговорить и развивающаяся антропологія, которая и теперь ужъ начинаетъ показывать, что антропологическій типъ западныхъ и восточныхъ малоруссовъ не одинъ и тотъ же.

Итакъ, г. Соболевскій взялся за возобновленіе такой гипотезы, которую историческія свидѣтельства не только не могутъ подтвердить, но—напротивъ—рѣшительно опровергаютъ, и которая историками осуждена. Правда, г. Соболевскій съ своей стороны тоже обратился было къ изслѣдованію лѣтописей и написалъ небольшую историческую статью противъ В. Б. Антоновича, да кромѣ того въ своихъ „Лекціяхъ" сдѣлалъ нѣсколько желательныхъ для себя толкованій изъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ; но его критика на В. Б. Антоновича ужъ разобрана, какъ слѣдуетъ, у М. Грушевскаго, а до чего странны его прочія историческія соображенія, это читатель увидитъ ниже, въ 3 главѣ. Собственно говоря, показанія исторіи и не могутъ быть важны для г. Соболевскаго, такъ какъ противъ нихъ у него есть превосходный афоризмъ: „Если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ, то недостатокъ историческихъ данныхъ—явленіе обычное" [1]). Единственнымъ оружіемъ г. Соболевскаго являются только филологическія его соображенія. Способъ доказательствъ у г. Соболевскаго такой: Онъ подбираетъ извѣстное количество рукописей XII—XV вв. съ особымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вм. *е*, называетъ эти рукописи галицко-волынскими и утверждаетъ, что названное употребленіе *ѣ* вм. *е* есть малорусская черта. Въ старо-кіевскихъ памятникахъ (а ихъ, отъ т. н. кіевскаго періода мы имѣемъ только два: Изборники Святослава 1073 и 1076 г.) такого *ѣ* нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что рѣчь древнихъ кіевлянъ

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, 2-е изд., стр. 257. Къ сожалѣнію г. Соболевскій забываетъ, что исторія не молчитъ, а даетъ положительныя указанія о неисчезновеніи кіевлянъ послѣ татарскихъ погромовъ.

была или великорусская, или составляла особое нарѣчіе во всякомъ случаѣ не малорусское.

Диссертацію свою, въ которой изложена эта теорія, г. Соболевскій защищалъ у незабвеннаго А. А. Потебни. Изъ свидѣтельствъ очевидца—проф. Н. Ѳ. Сумцова [1]) выясняется, что защита эта вышла крайне „своеобразной" (по деликатному выраженію г. Сумцова). Намъ приходится глубоко жалѣть, что разборъ Потебни остался ненапечатаннымъ [2]). Изъ печатныхъ возраженій самыя важныя тѣ, которыя сдѣлалъ филологъ-славистъ академикъ Ягичъ. Сводятся они къ слѣдующему. 1) Галицко-волынское *ѣ* отмѣчается впервые въ памятникѣ 1164 г. Въ предыдущихъ галицкихъ памятникахъ, напр., въ Евангеліи 1144 года, такого *ѣ* нѣтъ,—значитъ, въ это время оно еще не развилось. Съ какой же стати г. Соболевскій требуетъ, чтобы въ такихъ раннихъ памятникахъ, какъ кіевскіе изборники Святослава 1073 и 1076 года, ужъ было это *ѣ*!? [3]). 2) Въ той группѣ памятниковъ XII—XV вв., которые г. Соболевскій назвалъ галицко-волынскими и въ которыхъ есть пресловутое *ѣ*, находится нѣсколько такихъ памятниковъ, какіе не могутъ быть отнесены къ Галичинѣ и Волыни; слѣдовательно, была еще третья область, въ которой говорили по-малорусски. Такой областью можетъ быть только Кіевская. Притомъ существуетъ памятникъ „Рязанская кормчая" 1284 г., списанная съ кіевскаго оригинала и однако заключающая въ себѣ такое же *ѣ*, какое встрѣчается въ „галицко-волынскихъ" памятникахъ. Итакъ, въ Кіевѣ XII—XV вѣка говорили по малорусски, но съ извѣстными отличіями отъ малорусскаго нарѣчія Волыни и Галичины, каковая разность нарѣчій сохранилась и до настоящаго времени [4]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1892, янв. стр. 8.

[2]) Какъ видно изъ 53-го тома (№ 8, стр. 32) Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, упомянутый разборъ сохранился въ бумагахъ покойнаго. Желательно было бы, чтобы онъ былъ поскорѣе изданъ.

[3]) Послѣ того г. Соболевскій рѣшилъ навязать Кіеву нѣсколько памятниковъ изъ XII—XIII в., безъ „галицко-волынскаго" *ѣ*. Объ этихъ странныхъ, мнимо-кіевскихъ памятникахъ намъ придется еще говорить подробно.

[4]) См. Ягича: „Четыре палеографическія статьи" въ Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Акад. Н., 1884 г. т. 33-й № 2, и „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка" въ Сборникѣ Ак. Н., 1889, т. 46, № 4.

Доказательства Ягича считаются вообще убѣдительными. Конечно, ихъ не призналъ г. Соболевскій, въ силу очень понятной психологической причины [1]); не признаютъ ихъ также кой-какіе другіе филологи, которые примѣшиваютъ къ наукѣ политику и которые въ храмѣ науки являются не жрецами, а торжниками, продажу и куплю дающими; кромѣ того, сторонникомъ теоріи г. Соболевскаго является и г. А. Шахматовъ [2]). Но, напр., рецензентъ трудовъ А. Шахматова г. Борисъ Ляпуновъ [3]) сожалѣетъ, что г. Шахматовъ считаетъ мнѣніе г. Соболевскаго доказаннымъ и не обращаетъ вниманія на возраженія Ягича. Въ большинствѣ русскихъ университетовъ, гдѣ въ видѣ пособія для студентовъ приняты „Лекціи" г. Соболевскаго, преподаватели велятъ студентамъ пропускать размышленія автора о древне-русскихъ говорахъ, какъ неимѣющія научнаго значенія. Въ западномъ ученомъ мірѣ, понятно, господствуетъ мнѣніе Ягича, а не Соболевскаго.

Мы подошли къ статьѣ г. Колессы. Въ 1890 г. И. Помяловскій издалъ „Житіе св. Саввы Освященнаго" по рукописи конца XIII в.,—памятникъ, который г. Соболевскимъ внесенъ въ реестръ галицко-волынскихъ, а Ягичемъ отнесенъ къ числу кіевскихъ. На этомъ „Житіи" сперва г. Мочульскій (проф. Новороссійскаго университета) захотѣлъ наглядно повторить возра-

¹) Если онъ и сдѣлалъ уступку въ своемъ мнѣніи, то самую небольшую: въ 1883 г. онъ считалъ древне-кіевскій говоръ прямо за великорусскій (Очерки, стр. 68), а въ 1888 г. (Лекціи стр. 36) онъ выразился сдержаннѣе,—именно, что о немъ мы имѣемъ „крайне скудныя свѣдѣнія". Во всякомъ случаѣ нынѣшнее малорусское нарѣчіе Кіевщины г. Соболевскій продолжаетъ считать за пришлое, не происходящее отъ старокіевскаго: то исчезло-де безслѣдно.

²) Добавимъ: „незнающій малорусской рѣчи и потому не могущій понять въ чемъ ошибки теоріи г. Соболевскаго". Впрочемъ (и это мы укажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ), г. Шахматовъ ввелъ въ ученіе г. Соболевскаго о „галицко-волынскомъ" ѣ очень существенныя измѣненія, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи совсѣмъ подрываютъ значеніе того ѣ. Что г. Соболевскій далеко не склоненъ счисчитать г Шахматова своимъ истолкователемъ, это видно изъ его рѣзкой рецензіи на „Изслѣдованія въ области русской фонетики" Шахматова (см. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1894, апрѣль).

³) Стр. 16 отдѣльнаго оттиска изъ „Живой Старины", вып. I, 1895.

женія Ягича противъ теоріи г. Соболевскаго, но сдѣлалъ это неудовлетворительно [1]), а затѣмъ ту же задачу обстоятельно исполнилъ г. Колесса въ той статьѣ, о которой мы упомянули въ первыхъ своихъ строчкахъ (Arch. für sl. Phil., B. XVIII).

Какое значеніе имѣетъ трудъ г. Колессы? Прежде всего спросимъ: достигаетъ ли онъ своей цѣли?—Если (какъ мы видѣли) возраженія Ягича считаются убѣдительными и опровергающими гипотезу г. Соболевскаго, то и за статьей г. Колессы надо признать такое-же свойство: ложная галицко-волынская гипотеза г. Соболевскаго, утверждающая, будто древніе кіевляне не были малоруссы, статьей г. Колессы подрывается [2]). Слѣдовательно, цѣли своей онъ достигъ.

Но значитъ ли это, что онъ дѣйствительно стоитъ у истины?—Нѣтъ, не значитъ. Къ возраженіямъ г. Колессы прекрасно примѣняется замѣчаніе одного восточнаго любителя логики: „Если кто-нибудь тебѣ скажетъ; „Нѣтъ безсмертія души! ибо два и три составляютъ семь“, и если ты отвѣтишь: „Ошибаешься: вѣдь два и три—пять, а не семь,—значитъ, душа безсмертна“, то думаешь ли ты, что ты дѣйствительно доказалъ безсмертіе души“?!

Доказательства гг. Ягича и Колессы могутъ имѣть приблизительно только такое значеніе, какое имѣетъ reductio ad absurdum: они разбиваютъ г. Соболевскаго его собственными принципами, его собственной теоріей о малорусскости „галицко-волынскаго“ ѣ. Но ни г. Ягичъ, ни г. Колесса не дали себѣ труда провѣрить анализъ памятниковъ, произведенный г. Соболевскимъ. А если бы провѣрили, то увидѣли бы, что г. Собо-

---

[1]) В. Мочульскій: Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго. Одесса 1894 (оттискъ изъ 62-го тома „Записокъ Новороссійскаго Университета“, стр 383—406). Недостатки работы Мочульскаго съ нѣкоторой запальчивостью отмѣчены Колессою въ спеціальной рецензіи (Записки товарыства имени Шевченка“, т. VII) и въ часто упоминаемой нами статьѣ о теоріи Соболевскаго Archiv, XVIII Band.

[2]) Изъ „Литературно-науковаго Вистныка“ (1898, февр., отд. II, стр. 136) я узнаю, что проф. Т. Флоринскій, прочитавши статью г. Колессы, призналъ необходимость основательнаго пересмотра цѣлой теоріи г. Соболевскаго.

левскій обращается съ филологическими фактами совершенно произвольно, что его разборъ рукописей страдаетъ натяжками и извращеніями, что его „авторитетные кіевскіе памятники“ никогда Кіева и не видѣли, что его, такъ называемые, „галицко-волынскіе“ памятники написаны большей частью въ сѣверо-западной Россіи, а вовсе не въ какой нибудь малорусской области, что никакого „галицко-волынскаго“ *ѣ* не существуетъ, и что, слѣдовательно, г. Соболевскій не имѣлъ права даже мало-мальски возбуждать, путемъ филологіи, сомнѣніе въ малорусскости старыхъ кіевлянъ, отвергнутое теоріей. Чтобы показать все это г. Колессѣ, я приступаю къ пересмотру соотвѣтствующихъ сочиненій г. Соболевскаго. Считаю удобнымъ сдѣлать этотъ пересмотръ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Сперва коснуться воззрѣній г. Соболевскаго на малорусскую рѣчь. При этомъ откроются нѣкоторыя данныя для уясненія филологическихъ пріемовъ г. Соболевскаго.

2) Разсмотрѣть тѣ доказательства великорусскости старыхъ кіевлянъ, какія предлагаетъ г. Соболевскій сверхъ изслѣдованія своихъ ятевыхъ (мнимыхъ галицко-волынскихъ) памятниковъ. Это также дастъ намъ очень интересные матеріалы для оцѣнки его научныхъ методовъ.

3) Произвесть обзоръ памятниковъ, какъ дѣйствительно писанныхъ въ Кіевѣ, такъ и навязанныхъ Кіеву г. Соболевскимъ. Окажется, что въ древнемъ Кіевѣ не было ничего немалорусскаго.

4) Произвесть обзоръ мнимыхъ галицко-волынскихъ памятниковъ. Увидимъ, что почти всѣ они навязаны Галичинѣ и Волыни только произволомъ г. Соболевскаго.

5) Въ заключеніе—показать отсутствіе совпаденія „галицко-волынскихъ“ ятевыхъ начертаній съ фактами живого малорусскаго языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе г. Соболевскаго къ малорусской рѣчи и степень его знакомства съ нею.

Что такое малорусская рѣчь? языкъ или нарѣчіе?

Правду говоря, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безусловнымъ образомъ, потому-что каждый языкъ можетъ въ то же время считаться и нарѣчіемъ другого языка. Мы всегда говоримъ: „*языкъ* польскій", „*языкъ* сербскій" и т. п., но, имѣя въ виду отношеніе ихъ къ общеславянскому праязыку, мы имѣемъ право также говорить о *нарѣчіи* польскомъ, о *нарѣчіи* сербскомъ и т. д.; да въ нашихъ университетахъ каѳедра славянскихъ языковъ такъ таки и именуется „каѳедрой славянскихъ нарѣчій". Что касается рѣчи малорусской, то въ обиходномъ разговорѣ какъ-то странно бываетъ называть „нарѣчіемъ" ту рѣчь, которая имѣетъ такъ много самостоятельныхъ признаковъ, которая служитъ органомъ обширной литературы, болѣе богатой талантливыми писателями, чѣмъ, напр., литература болгарская и сербская [1])—рѣчь, которая является орудіемъ науки и даже орудіемъ университетскаго преподаванія въ Галиціи. Однако для тѣхъ филологовъ (составляющихъ теперь, повидимому, большинство), которые признаютъ, что малорусская и великорусская рѣчь не выдѣлились изъ общеславянскаго языка одновременно съ польской, сербской и др., но что сперва выдѣлился праязыкъ *обще*-русскій, распавшійся на двѣ вѣтви лишь впослѣдствіи,—для тѣхъ филологовъ гораздо удобнѣе говорить не о языкахъ русскомъ и малорусскомъ, но о *нарѣчіяхъ* великорусскомъ и малорусскомъ. Поэтому, напр., Потебня, переведшій на малорусскую рѣчь міровыя произведенія Гомера и, слѣдовательно, считавшій малорусскую рѣчь достойной свѣтлаго будущаго, называлъ ее въ своихъ сочиненіяхъ не иначе, какъ на-

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ", рецензируя въ 1895 г. (дек.) произведенія Кропивницкаго, находитъ, что малорусская литература богаче талантами, пожалуй, даже, чѣмъ чешская.

рѣчіемъ. И П. И. Житецкій тоже въ своихъ трудахъ вездѣ говоритъ: „малорусское нарѣчіе“. Что касается пишущаго эти строки, то и онъ находитъ, что въ филологическихъ сравнительно-историческихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ употреблять терминъ: „малорусское нарѣчіе“, а не „языкъ“: иначе возможна сбивчивость [1]).

Г. Соболевскій тоже говоритъ, что рѣчь малороссовъ не языкъ, а нарѣчіе. Казалось бы, что такимъ образомъ нѣтъ никакой разницы въ нашихъ воззрѣніяхъ на этотъ пунктъ. Однако пути, которыми г. Соболевскій приходитъ къ своему выводу, настолько оригинальны, что заслуживаютъ вниманія и разоблаченія. Если кому-нибудь изъ нашихъ читателей, мыслящихъ логично, предложатъ силлогизмъ такого рода:

Богъ есть камень.
Камень—существо всевѣдущее.
Ergo: Богъ всевѣдущъ—

то читатель, хоть ничего не будетъ имѣть противъ вывода, будетъ вѣдь съ негодованіемъ протестовать противъ посылокъ. Посылки г. Соболевскаго, которыми онъ мотивируетъ необходимость признать рѣчь малороссовъ за нарѣчіе, очень смахиваютъ на вышеупомянутыя.

На взглядъ г. Соболевскаго малорусское нарѣчіе просто потому должно считаться нарѣчіемъ, а не языкомъ, что никакихъ серіозныхъ отличій отъ великорусскаго нарѣчія у него, будто бы, нѣтъ.—„Какъ?!“ спроситъ читатель: „но вѣдь мы, слава Богу, знаемъ малорусское нарѣчіе и знаемъ, насколько оно отличается отъ великорусскаго. Помнимъ также слова великоросса Погодина и другихъ великороссовъ, что отъ малорусскаго нарѣчія великорусское отличается рѣзче, чѣмъ отъ всѣхъ славянскихъ языковъ“.—Все это—недоразумѣніе,—говоритъ г. Соболевскій

---

[1]) Если же сбивчивость не угрожаетъ, то я позволяю себѣ употреблять выраженіе: „малорусскій языкъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выраженіе „языкъ“ гораздо удобнѣе, чѣмъ „нарѣчіе“; напр., когда приходится говорить о нарѣчіяхъ украинскомъ, галицкомъ и т. д., то совокупность ихъ удобнѣе называть языкомъ, чѣмъ нарѣчіемъ же. Терминъ „поднарѣчіе“ будетъ для нихъ слишкомъ слабъ, пожалуй

левскій:—все это «крупная ошибка», ибо до сихъ поръ никто не зналъ, чтò собственно надо считать за типъ малорусскаго нарѣчія.

Какъ же было дѣло до сихъ поръ и чѣмъ г. Соболевскій недоволенъ?—Извѣстно, что преобладающее большинство малороссовъ говоритъ на такъ называемомъ нарѣчіи украинскомъ и галицкомъ. Но есть часть малороссовъ, рѣчь которыхъ сильно уклоняется отъ общаго типа; такъ, напр., въ Галичинѣ лемки имѣютъ языкъ ополяченный, а въ Россіи—другая крайность—полѣшуки говорятъ рѣчью, плохо понятною для прочихъ малоруссовъ и близкою къ бѣлорусской (г. Шахматовъ думаетъ даже, что сѣверные малороссы—омалорушенные бѣлоруссы, а не чистые малоруссы). При изученіи малорусской діалектологіи никто никогда не игнорируетъ никакихъ малорусскихъ говоровъ, даже самыхъ малораспространенныхъ, но никому также не приходитъ въ голову считать ихъ за норму малорусскаго нарѣчія: нормальнымъ типомъ малорусскаго нарѣчія всѣ до сихъ поръ считали ту рѣчь, которую употребляетъ *огромное, всецѣло преобладающее большинство* малоруссовъ, т. е. рѣчь украинскую и обыкновенную галицкую (безъ горныхъ говоровъ). Вообще, въ цѣломъ мірѣ и ученые, и неученые люди при опредѣленіи типа какого-нибудь языка руководятся рѣчью огромнаго большинства, а не пограничными говорами. Что такое настоящій нѣмецкій языкъ?—языкъ большинства нѣмцевъ, а не пограничныхъ жителей. Что такое французскій языкъ?—языкъ большинства французовъ, а не тѣ пограничные говоры, которые близки къ нѣкоторымъ говорамъ итальянскимъ, и т. д., и т. д. А какимъ бы страннымъ показалось, напр., слѣдующее положеніе: „Если мы возьмемъ всю массу французскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и провансальскихъ, такъ-какъ провансальское нарѣчіе есть, *конечно*, часть французскаго) и сопоставимъ ихъ со всей массой итальянскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основаній видѣть въ каждой группѣ особый самостоятельный языкъ“. Человѣка, который захотѣлъ бы такимъ образомъ отрицать са-

мостоятельность итальянскаго языка, всѣ приняли бы или за шутника [1]) или за ненормально размышляющаго. А между тѣмъ это разсужденіе находится, *слово въ слово*, въ „Лекціяхъ" г. Соболевскаго (стр. 2), только вмѣсто итальянскаго языка онъ говоритъ о малорусскомъ, вмѣсто провансальскаго—о бѣлорусскомъ, а вмѣсто французскаго о великорусскомъ. По мнѣнію г. Соболевскаго будетъ „крупная ошибка"—сопоставлять общеупотребительные говоры малорусскіе съ общеупотребительными говорами великорусскими: по его мнѣнію, если требуется производить сопоставленіе, то при этомъ непремѣнно надо съ великорусской стороны выставить окающіе говоры и бѣлорусское нарѣчіе („которое, *конечно*, есть часть великорусскаго нарѣчія"), а съ малорусской стороны—малоупотребительную и мало понятную прочимъ малоруссамъ рѣчь полѣсскую. Г. Соболевскій не скрываетъ отъ себя, что сѣверные малорусскіе говоры „по своимъ фонетическимъ особенностямъ *болѣе близки къ великорусскимъ* окающимъ говорамъ, *чѣмъ къ* другимъ *малорусскимъ*—къ украинскому, галицкому" (стр. 2), тѣмъ не менѣе даетъ имъ рѣшающую роль въ вопросѣ о *всей* малорусской рѣчи цѣликомъ и побѣдоносно заявляетъ, что *вся* она слишкомъ мало отличается отъ великорусской и не заслуживаетъ имени „языка".

Эта игра въ дѣтское уравненіе съ „полумертвымъ" и „полуживымъ"—что она такое? Насмѣшка надъ читателемъ? Шутка? Но нѣтъ! это не шутка: г. Соболевскій серіозно думаетъ, что онъ исправилъ „крупную ошибку" своихъ предшественниковъ!

Я ужъ имѣлъ случай упомянуть выше, до какихъ курьезовъ можетъ довести сличеніе языковъ по методу г. Соболевскаго: напр., по этому методу итальянскій языкъ окажется тождественнымъ съ французскимъ. Болгарскій и сербскій языки, если дать по способу г. Соболевскаго рѣшающее значеніе рѣчи македонянъ, тоже окажутся очень близкими нарѣчіями, а не от-

---

[1]) Есть, напр., шутливое уравненіе: „полумертвый равенъ полуживому", изъ котораго заключаютъ: „мертвый равенъ живому". Заключать о тождествѣ двухъ языковъ по тождеству ихъ небольшихъ частей будетъ видоизмѣненіемъ этого шутливаго уравненія.

дѣльными языками. Но наибольшій курьезъ—тотъ, что малорусская рѣчь, такъ побѣдоносно введенная г. Соболевскимъ въ лоно великорусской, можетъ, благодаря тому же методу г. Соболевскаго, очутиться не менѣе побѣдоносно въ лонѣ всѣхъ другихъ ея сосѣдей. Если г. Соболевскій сличитъ говоръ малоруссовъ—лемковъ съ нѣкоторыми говорами мазурскими, то, оставаясь последовательнымъ, онъ долженъ будетъ отнесть малорусскую рѣчь къ польскимъ нарѣчіямъ и подать руку галицкимъ полонизаторамъ. Сербы, сравнивши говоры Керештурскихъ или Рушевскихъ малоруссовъ съ сербскими, заявятъ, что *всѣхъ* малоруссовъ надо считать сербами (причемъ найдутъ нѣкоторую поддержку себѣ въ сочиненіяхъ Лавровскаго),—а г. Соболевскій долженъ будетъ признать, что и опи правы. Чехи, словаки, даже румыны, чего добраго и нѣмцы—всѣ они могутъ, по методу г. Соболевскаго, присвоивать себѣ малоруссовъ!..

Таковъ-то способъ, предложенный г. Соболевскимъ для исправленія „крупной ошибки“ другихъ ученыхъ, которые видятъ у малорусскаго нарѣчія серіозныя оригинальныя черты и склоняются признавать его за особый языкъ. Замѣчательно, что г. Соболевскій позволяетъ себѣ просто замалчивать имена тѣхъ ученыхъ. Въ 1-мъ изданіи „Лекцій“ еще было упомянуто имя Миклошича, хоть въ скобкахъ, а во 2-мъ изданіи г. Соболевскій ужъ совсѣмъ не нашелъ нужнымъ съ нимъ считаться и неуважительно назвалъ его просто „кое-кто“. Но, если мы будемъ поступать такъ съ Миклошичами и вычеркивать ихъ изъ области науки, то, по справедливому замѣчанію проф. Сумцова, въ концѣ концевъ останутся лишь „столь скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ г. Соболевскаго“ [1]).

Говоря объ отношеніяхъ г. Соболевскаго къ малорусскому нарѣчію, характеризующихъ научные пріемы его, не мѣшаетъ отмѣтить еще одну интересную черту научности г. Соболевскаго: малорусскаго нарѣчія, о которомъ онъ берется судить вкривь и вкось, онъ не знаетъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно взять наудачу нѣсколько примѣровъ изъ его „Лекцій“.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1892, янв., стр. 8.

Извѣстно, что въ малорусскомъ нарѣчіи до сихъ поръ вполнѣ сохранилась особая форма для повелит. наклоненія 1-го лица мн. ч. и строго различается по смыслу и употребленію отъ изъявит. накл. Никто никогда не смѣшаетъ „будьмо братамы“ съ „будемо братамы“, „тикаймо“ съ „тикаемо“, „втечимъ“ со „втечемо“, „ходимъ„ съ „ходымо“; „заберимъ“ съ „заберемо“ и т. п. А г. Соболевскій на стр. 226 говоритъ: Формы 1-го мн. пов. н. на *ѣмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ, мѣсто заняли формы 1-го мн. настоящаго времени съ значеніемъ будущаго“. Г. Соболевскій, значитъ, не знаетъ самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ малорусскаго нарѣчія, онъ даже не поинтересовался прочитать стр. 143 „Studien“ Огоновскаго. Кстати: на той же 226-й страницѣ „Лекцій“ г. Соболевскій сочиняетъ несуществующее повелит. наклоненіе: „ищіте“.

Глаголъ „бути“ до сихъ поръ сохранилъ свои формы наст. вр.—у западныхъ малоруссовъ. Первое лицо—„есьмъ“, „емъ“ (гуц. „сме“ и „сми“); 2-е лице—„еси“, „есь“, „сь“; 1 л. мн. ч.—„есьмо“, „смо“; 2-е л. мн. ч.—„есте“, „сте“ и т. п: Хотя это факты общеизвѣстные и о нихъ обстоятельно говорится въ „Studien“ Огоновскаго (стр. 112, 138, 144), но г. Соболевскій ничего этого не знаетъ и заявляетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи изъ формъ 1-го и 2-го лица глагола „быть“ есть только одна: „еси“ (стр. 220).

На стр. 157-й „Лекцій“ читаемъ: „Формы род. множ. на *овъ, евъ* имѣютъ широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ... Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. падежа мн. ч. больше: „годъ“, „часъ“, „конь“, но они все таки являются исключеніями“. Что въ малорусскомъ нарѣчіи еще попадаются старыя формы род. мн., сходныя съ имен. ед., это правда (напр: „шість візъ“, „пъять годъ“ и др.), но, вздумавши привести для примѣра слова „часъ“ и „конь“, г. Соболевскій обнаружилъ свое незнаніе малорусской рѣчи, такъ какъ эти слова имѣютъ род. пад. всегда „часівъ“ и „коней“. Форма „конь“ уродлива еще и потому, что написана черезъ „*о*“, тогда-какъ

въ этомъ словѣ малороссы имѣютъ „*ô*“ (т. е. „кôнь“ или „куонь“).

На стр. 171: „Вмѣсто древнихъ формъ мѣстоименій (им. п. мн. ч.) „ты“, „оны“, „одны“, „самы“, „ины“ и т. д. явились новыя формы: „*тѣ*, *онѣ*, од*нѣ*, сам*ѣ*, ин*ѣ*. Формы т*ѣ*, он*ѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусскія: т*і*, вон*і*, сам*і* и т. д.“. По поводу мѣстоименія „воні“ (съ *і*, и притомъ съ *і* мягкимъ, ятевымъ) замѣтимъ, что оно всецѣло принадлежитъ фантазіи г. Соболевскаго (пожалуй, слово „воні“ существуетъ у малоруссовъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстоименію „він“, а овначаетъ „дурные запахи“). Форма „т*і*“ (съ ятемъ), которая, по словамъ г. Соболевскаго, тождественна съ великорусскимъ „т*ѣ*“, также сочинена г. Соболевскимъ, потому что у малороссовъ въ формѣ „ті“ звучитъ не ять (т. е. мягкое *і*), но *і* твердое.

На стр. 167: „Современный языкъ знаетъ формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вм. *ы*: у голодной кум*ѣ* все хлѣбъ на умѣ, изъ Москв*ѣ*; малорусское „справд*і*“, „*до* торбинк*і*“ и т. п.“ Мнимоятевая форма „торбинк*і*“—сочиненіе самого г. Соболевскаго: если бы онъ потверже зналъ малорусское нарѣчіе, то не упустилъ бы изъ виду, что передъ *ѣ* задненебные звуки смягчаются переходнымъ смягченіемъ и что „торбинк*ѣ*“ должно было обратиться въ „торбинц*і*“. (Если иногда слышится произношеніе „торбинк*і*“ вм. „торбинки“, то объясняется это присутствіемъ задненебнаго звука *к*, послѣ котораго *и* звучитъ мягче обыкновеннаго; срв. „кидати“, „кислий“, „кипіти“ и т. д.).

Таковы свѣдѣнія г. Соболевскаго въ самыхъ общеизвѣстныхъ вопросахъ малорусскаго нарѣчія! И въ слѣдующихъ главахъ намъ много разъ еще придется отмѣчать полное незнакомство г. Соболевскаго съ общеизвѣстными данными этого нарѣчія. А знакомства съ болѣе мелкими фактами—хоть и не спрашивай! Такъ, г. Соболевскій не подозрѣваетъ, что „заяць“ (въ Галичинѣ и Подоліи) имѣетъ косвенные падежи „заяця“, „заяцеви“ и т. д. (стр. 94), что и въ малорусскомъ нарѣчіи

(въ Угорщинѣ) есть „што“ (стр. 102), что твердое окончаніе 3-го л. („любит“, „люблят“ вм. „любить“, „люблять“) обширно существуетъ на Подольи и Волыни, а въ Кіевщинѣ большей частью отсутствуетъ (стр. 107), что малорусское „рятува́ти“ (спасать) ни по значенію, ни по происхожденію не тождественно съ великорусскимъ „ра́товать“ и происходитъ очевидно отъ нѣмецкаго retten*) (стр. 121) и т. д. и т. д.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) Это вполнѣ ясно изъ слова „ратунокъ“ (Rettung); срв. „рахунокъ“ (Rech nung), „гатунокъ“ (Gattung), „пакунокъ“ (Packung), „вербунокъ“ (Werbung и т. д.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ.*)

1857—1865.

17. **)

Данило Семеновичъ!

Въ шкапу на третьей полкѣ справа, лежатъ брошюры матеріаловъ для Малороссіи и Бубновская сотня между ними. Отберите отъ ненужныхъ брошюрокъ и вручите М. А. (Марьѣ Александровнѣ Марковичъ?)

Когда выйдетъ 1-й т. Пушкина, въ маѣ, отдайте его Макарову для доставки мнѣ или М. А.

Добудьте изъ Кіева матеріалы для Уніи Иванишева и вручите Макарову для доставки мнѣ. Тотчасъ пишите въ Кіевъ, чтобъ кто нибудь отправился къ Иванишеву и купилъ для меня. Очень нужно. Я напишу романъ уніатскій. Да и для моей повѣсти о Ю. Р. нужно.

Если еще что случится подобное (у Овсянникова спросите), то пользуйтесь такимъ случаемъ, какъ Макаровъ, чтобъ передать.

Надѣюсь много сдѣлать дѣла, если задушу въ себѣ змѣю-тоску, которая ѣстъ меня живьемъ.

(1859 г.)

---

*) См. Кіевск. Стар. 1893 г., май, стр. 222.

**) Настоящее письмо не имѣетъ даты, но что оно писано въ началѣ 1859 г., это видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ.

18.

26 апр. 1859. Ковно.

Насилу доѣхалъ на четвертую ночь. 700 верстъ! Проснувшись, почувствовалъ бодрость неожиданную. Великолѣпная погода. Берега Нѣмана восхитительные. Отсюда поѣду водою до Кенигсберга, а тамъ—желѣзной дорогой. Тоска поуменьшилась, и я, по всей вѣроятности, буду вести себя такъ, какъ вы совѣтовали. Хорошо я сдѣлалъ, что уѣхалъ не въ Малороссію. Для больного духомъ очень много значатъ удобства, дающія возможность быть, какъ хочется, ѣхать, куда хочется. Изъ Берлина вы получите извѣстіе, какъ я устрою жизнь свою. Думаю, что она съѣдетъ на путешествіе пѣшкомъ, съ долгими отдыхами, въ живописнѣйшихъ мѣстахъ. Надѣюсь много писать. Планы, давно брошенные мною, являются въ головѣ съ живыми лицами. Учусь быть одинокимъ: надежнѣе этого положенія ничего нѣтъ на свѣтѣ. Быть въ толпѣ одинокимъ, все слышать видѣть, чувствовать и оставаться ни отъ кого независимымъ,—что можно выдумать лучшаго? Едва ли я усижу долго въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Швейцарія сильно манитъ меня къ себѣ. Она одна и въ ту поѣздку успокоила мою тоску.

Для А. М. заказана мебель, за которую слѣдуетъ доплатить 35 р. Было предположеніе—возвратиться къ веснѣ въ Малороссію. Улучите удобное время и спросите ее, желаетъ ли она оставить за собою ту мебель, или же ей вовсе не нужно. Въ послѣднемъ случаѣ пошлите 35 р. при прилагаемомъ письмѣ въ Борзну.

Пора отправить къ Мизко *Молву.*

Передайте Макарову записочку, на другой половинкѣ листка.

У Юнгмейстера лежитъ одинъ томъ русскихъ лѣтописей съ отмѣченными карандашемъ книгами (на оберткѣ), которыя намѣренъ былъ я купить. Теперь эту покупку надо отсрочить, но выручить отданный мною съ отмѣтками томъ лѣтописей, а то пропадетъ задаромъ—позабудется.

Николаю Яковлевичу, кромѣ 1-го тома Пушкина, вручите еще 3-ю кн. *Народнаго чтенія.* Не позабудьте же писать въ

Кіевъ объ изданіи Иванишева,—матеріалъ для исторіи Уніи, чтобы привезъ мнѣ его Макаровъ.

Соколову передайте слѣдующія слова, написавши ихъ на бумажкѣ.

Хуторъ Заригь или Зарожскіе Хутора находятся близъ мѣстечка Оржицы въ лубенскомъ уѣздѣ (есть Оржица въ пирятинскомъ). Изъ Лубенъ ѣхать на Исковцы, а потомъ на Оржицу, а тамъ 4 версты. Между козачими поселеніями спросить въ Зарожскихъ хуторахъ *Банвщину, де живъ Кулишъ.* Изъ Пирятина ѣхать на Слѣпородъ, на Рудку, на Савинцы, на Денисовку.

Адресъ: вь Борзну, Александру Ильичу Боголюбцеву (съ 35 р.).

19.

1859, апр. 28 стар. стиля.

Здравствуйте безцѣнный другъ Данило Семеновичъ!

Пишу къ вамъ изъ Кенигсберга дряннымъ нѣмецкимъ перомъ, и пишу для разогнанія тоски. Слава Богу, она начала понемногу отступать, но все еще томитъ мою душу. Стараюсь развлечь себя всякою всячиною, и нахожу, что эти старанія вовсе не такъ ничтожны, какъ мнѣ казалось. Убѣгать себя мало-по-малу можно, и я этому душевно радъ. До сихъ поръ была самая скучная часть путешествія. Ѣхали 4 ночи, или почти 4, вь почтовой каретѣ, а потомъ плыли по Нѣману два раза по 12 часовъ съ ряду—очень скучно! Жиды наполняютъ пароходы, стремясь къ Кенигсбергскому порту. Отсюда начнется желѣзная дорога. Завтра увижу Маріенбургъ, о которомъ писаніе гласитъ:

Z Marienburgskiej wieży zadzwoniono,
Działa zabrzmiły, w bębny uderżono...

Проведу ночь въ Маріенбургѣ, потомъ въ Берлинъ часовъ 10 ѣзды, а оттуда пущусь въ саксонскую Швейцарію дня на три, на четыре, пока подоспѣютъ въ Берлинъ спутники, съ

которыми, можетъ быть, я не такъ буду чувствовать глупую болѣзнь свою—скуку.

Къ великому моему счастью, отъ Пскова подсѣлъ ко мнѣ русскій французъ Марсель, поверхностный и веселый господинъ. Я съ нимъ толкую о всякомъ вздорѣ, пью и ѣмъ, какъ самый беззаботный человѣкъ. Это меня очень поддерживаетъ, какъ оно ни странно самому мнѣ. Марсель говоритъ: „Я былъ женатъ два раза, но сыновьямъ своимъ говорю: не женитесь, друзья мои, а живите съ любовницами: это гораздо честнѣе и во сто разъ будете счастливѣе!“ Съ этакимъ хватомъ въ 55 лѣтъ мы расхаживаемъ между нѣмцами, молоденькими франтами, и кто на насъ ни посмотритъ, всякій подумаетъ, что ни у одного изъ насъ не скребутъ на сердцѣ кошки; а онѣ между тѣмъ скребутъ! Не совѣтую вамъ быть мною: это самое горестное существованіе, которое ничѣмъ не удовлетворено и которое мудрено удовлетворить чѣмъ бы то ни было. Настоящій мой элементъ—*война*. Я по ошибкѣ попалъ въ мирные граждане. Но, можетъ быть, я еще попаду на свое поприще. Погодите, дайте мнѣ только выздоровѣть отъ адской тоски. Кажется мнѣ, что я выздоровѣю. Видъ чужихъ городовъ и людей производитъ на меня теперь отрадное впечатлѣніе; что то тихое водворяется въ въ душѣ, и она только по временамъ вскрикиваетъ, какъ сумасшедшая...

Не забудьте объ изданіи Иванишева, о брошюркахъ въ шкапу, да еще—вручите Николаю Яковлевичу книгу, оставшуюся у меня на столѣ: Jadwiga i Jagełło. Пусть не потяготится этимъ грузомъ.

На каждый заграничный паспортъ выдаютъ въ банкѣ 60 полуимперіаловъ *). Пускай Николай Яковлевичъ возьметъ для себя; а если ему не нужны деньги золотыя, то дайте ему 300 руб. для меня, пускай привезетъ. Я останусь за границей не меньше году. Сами согласитесь, что въ Петербургѣ немного

*) И Марсель получилъ безъ всякаго промедленія.

для меня радостей зимою. Мнѣ надобно забыть все непріятное и напитаться совсѣмъ иною жизнію, а пожалуй—составить новыя связи. Надѣюсь, что вы не будете противъ этого, особенно, когда увидите, что я работаю; а работать я буду: это чувствуется. Дайте только мнѣ выздоровѣть отъ тоски.

Обнимаю васъ отъ всей души.

20.

Берлинъ. 1859, апр. 30/мая 12.

Не могу надивиться, какъ это вы всегда умудряетесь смущать меня неисправностью отвѣтовъ! Изъ Кенигсберга послалъ я на ваше имя телеграфическую депешу—нѣтъ отвѣта! Положимъ, что М. А. была больна или разстроена, или что бы тамъ у нея ни было въ душѣ, но вамъ слѣдовало немедленно передать ея слово, или ваше собственное о ней. Какъ можно не отвѣчать на телеграфическую депешу! Я въ совершенномъ отчаяніи: я вижу, что только одинъ я для себя *другъ*, а больше никто не хочетъ. Вы все считаете шуткою, что происходитъ въ моемъ сердцѣ . . . . *).

Ахъ, какъ вы подорвали меня своимъ молчаніемъ на депешу!

21.

Берлинъ. 1859, май 14 н. ст.

Наконецъ я получилъ отъ васъ телеграфическій отвѣтъ. Линія занята политическими депешами, а потому я ждалъ 26 часовъ. Вы не ожидаете, что ваши слова произвели на меня успокоительное впечатлѣніе **)...

Я намѣренъ прожить въ Дрезденѣ довольно долго,—можетъ быть до пріѣзда Макарова, которому покажите это письмо и сообщите все, что для него интересно знать. Я съ нимъ хочу путешествовать.

---

*) За симъ слѣдуетъ большой пропускъ.

**) Снова слѣдуетъ большой пропускъ.

22.

Тверь. 1859, мая 16.

Прочелъ я дорогою полученные отъ васъ листки *Повѣсти о Южной Руси.* Теперь только я вижу, какъ это плохо написано,—какъ неровно, неполно! Вырванныя цензоромъ мѣста еще больше обезобразили ихъ. Но и корректура носитъ на себѣ слѣды разбросаннаго въ разныя стороны вниманія, въ чемъ да проститъ васъ россійская публика! Помѣстите въ опечаткахъ, при журналѣ и при отдѣльныхъ оттискахъ, слѣдующія поправки:

Стр. 3, примѣч. 2-е должно было быть помѣщено первымъ.

Стр. 10, строка 11, вмѣсто *обложилъ* слѣдовало *обложили.*

Стр. 23 стр. 8, вм. *епископовъ* слѣдовало *епископствъ.*

Стр. 36, стр. 9, вм. *литературахъ* слѣдовало *литературной.*

Пожалуйста не забудьте сдѣлать указаніе этихъ опечатокъ. Особенно непріятно поразила меня послѣдняя строка, *заключительная.*

Тверь городокъ—Москвы уголокъ. Есть публичный садъ, тѣнистый и благоухающій сиренью. Волга здѣсь протекаетъ, какъ на картѣ: не умѣли ею воспользоваться и спустить къ ней сады. Вкуса къ живописности рѣшительно не достаетъ тверитянамъ. Останемся здѣсь еще сутки. Въ городѣ безлюдно, выраженіе лицъ простодушное. Насъ принимаютъ за важныхъ персонъ, что нѣсколько досадно, но вмѣстѣ и забавно. Это—отъ непривычки видѣть людей, чисто одѣтыхъ. Поплывемъ далѣе на пароходѣ общества *Самолетъ.* Я собираю мысли о Южной Руси, не напишу ли продолженія.

Не могу еще назначить вамъ, куда писать, чтобъ не опередить намъ вашего письма, но думаю, что въ Казань, poste restante, можете написать навѣрное, не дожидаясь дальнѣйшаго назначенья. Не думаю впрочемъ, чтобы было нужно вамъ писать ко мнѣ немедленно,—не о чемъ. Грустно было мнѣ оставлять васъ въ такомъ печальномъ расположеніи духа, и не вижу, что можетъ васъ развеселить. Я, слава Богу, не скучаю. Александра Михайловна кланяется вамъ усердно.

Напишите къ Мизко (Никол. Дм., въ Новомосковскъ, Екатериносл. губ.) о матеріалахъ для 3-го т. *З. о Ю. Р.* Спросите у Вольфа остальные томы Мицкевича и возьмите 1-й т. у Н. А., если ей не нуженъ.

Первоцвітъ отдадите также В. М—чу для *Хаты*. Меня занимаетъ изданіе *Хаты* посредствомъ другихъ: я былъ бы полезнѣе въ качествѣ сотрудника, право. Возня съ цензурою и съ сотрудниками поглотила бы мои силы, а при моей прямотѣ въ объясненіяхъ съ авторами, я бы вооружилъ ихъ противъ себя еще больше. Надоѣло мнѣ ссориться съ людьми.

Чувствительность мнѣ докторомъ запрещена,—
Я воду Леты пью.

23.

Нижній Новгородъ, неизвѣстно котораго мая.

Глава третья Повѣсти о Южной Руси, около одного печатнаго листа, почти готова, но вышлю ее изъ Казани. Сперва я хотѣлъ послать простымъ пакетомъ, но боюсь пропажи. Вы получите посылкою. Въ Казань же мы выѣзжаемъ завтра, а пріѣдемъ черезъ сутки. Думаю, что правительственныя распоряженія для 4-й книжки не скоро напишутся и пока наберутся, посылка моя будетъ у васъ. Я писалъ вчера къ Оболонскому.

Александра Михайловна проситъ васъ позаботиться объ ея шкафѣ, который разбирается и потому удобенъ къ переноскѣ. Поставьте его въ кабинетѣ между моей софой и стѣной.

Снеслись ли вы съ харьковскимъ нашимъ коммисіонеромъ?

Наведите справки: правда ли, что Х—ій продаетъ мои книги по удвоеннымъ цѣнамъ? Это говорилъ А—рѣ М—нѣ студентъ кіевскій Б—ерскій. Если и онъ не вѣренъ честности, то гдѣ и искать честныхъ людей?

Путешествіе по Россіи очень назидательно. Когда придется мнѣ изобразить русскаго человѣка, у меня въ умѣ будетъ много готовыхъ лицъ. Разговоръ въ каютахъ и на палубахъ бываетъ иногда очень интересенъ. Судьба швыряетъ людей за десятки

тысячъ верстъ, и здѣсь часто встрѣчаешь изъѣздившихъ огромныя пространства.

Пишите ко мнѣ въ Таганрогъ, poste restante, да не откладывайте. Ну, что *Хата?*

Каково живется вамъ на свѣтѣ?

Можетъ быть я напишу въ Казани и четвертую главу. Но если нѣтъ, печатайте одну третью, чтобъ не прерывать повѣсти, а для пятой книжки будетъ ужъ двѣ главы.

Увѣдомьте, какъ принята 3-я книжка *Народнаго Чтенія*. Не произвела ли цензурныхъ сенсацій? Жаль будетъ Оболонскаго, который хочетъ достигнуть распространенія своего журнала путемъ, противоположнымъ популярности.

На пароходѣ одинъ господинъ, не зная, кто я, сказалъ при мнѣ въ разговорѣ: „у него цензура всегда вычеркиваетъ половину". Онъ думаетъ, что и изъ *Маіора* много вычеркнуто. Я оставилъ его въ пріятномъ заблужденіи. Сблизился я съ однимъ офицеромъ, отправляющимся на Амуръ, ревностнѣйшимъ патріотомъ. Онъ много, много толковалъ о малороссійской народности, и какъ былъ бы радъ, узнавъ, что его слушаетъ одинъ изъ ея усердныхъ служителей; но имя мое осталось ему неизвѣстнымъ. Когда я вижу, что идея народности распространяется въ разнообразныхъ обществахъ и кружкахъ, я почти не вѣрю ушамъ своимъ: я слишкомъ долго носилъ ее въ душѣ непризнаваемою никѣмъ, слишкомъ долго считали меня люди ученые и благоразумные—полупомѣшаннымъ. Теперь случается слышать мнѣ толки въ пользу моей идеи отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые мнѣ противорѣчили; случается слышать даже ободренія и наставленія. Чудеса въ решетѣ!

24.

Казань. 1859, **мая** 27.

Глава третья кончена еще въ Нижнемъ Новгородѣ, но нельзя было послать въ тотъ день. Потомъ плаваніе. Потомъ первыя заботы по пріѣздѣ въ Казань по части мытья

своихъ особъ, ихъ насыщенія и прочая. Въ тотъ же день случился страшный пожаръ, истребившій, какъ говорятъ, 800 домовъ (другіе насчитываютъ 1500). Мы все смотрѣли на него. Зрѣлище было великолѣпно. Ходили еще и вечеромъ. Вечеромъ еще лучше. Устали такъ, что пока на другой день насытились кофеемъ, одѣлись и собрались выдти, было уже около 12 часовъ. Здѣсь же, на востокѣ 12 часовъ раньше, чѣмъ у васъ; а почтовая контора принимаетъ письма только до 12. Еще сутки пропали. Наконецъ посылаю рукопись вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, страховымъ способомъ. Глава кажется, интересна очень. Четвертую откладываю, чтобъ написать получше,—тѣмъ болѣе, что она будетъ иного содержанія. Въ третьей топографія, въ четвертой—этнографія старинной Украины. А потомъ уже изъ этихъ данныхъ начну прясть нити событій, долженствовавшихъ случиться въ силу обстоятельствъ. Вышлите мнѣ пожалуйста немедленно, въ Керчь, купленную вами книгу о церковной Уніи. Я забылъ взять ее съ собою. Если я и раньше буду въ Керчи, то сдѣлаю распоряженіе о доставкѣ мнѣ оной. Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за молчаніе о моемъ путешествіи. А. М. все записываетъ, а я по ея запискамъ напишу потомъ для печати. Тогда и вы прочитаете. Теперь же все у меня какъ то вертится въ головѣ отъ множества впечатлѣній, часто весьма тягостныхъ. Примите также во вниманіе лѣнь, происходящую отъ жары. Смотрѣть, думать и чувствовать еще кое какъ можно, но писать—было бы истиннымъ геройствомъ. Вообще, для вашего спокойствія, скажу, что я очень доволенъ избраннымъ маршрутомъ. Волга ниже Саратова и выше Царицына соединяется съ Дономъ посредствомъ конной желѣзной дороги. Мы спустимся въ Азовское море по Дону. Тутъ я буду искать случай получить ясное понятіе о землѣ войска Донскаго. Кавказъ тоже хочется мнѣ сколько-нибудь изучить собственными наблюденіями.

Пишите ко мнѣ на всякій случай въ Саратовъ, съ припискою: въ квартирѣ г-жи Костомаровой, а навѣрное—въ Керчь, poste restante.

25.

Малиновка. Іюля 15-го, 1859.

Въ дорогѣ я испилъ холоднаго, распотѣвши, и до сихъ поръ кашляю. Голова болѣла несносно. Теперь поправляюсь и сегодня могъ уже писать. Но ощущается сильная потребность въ чтеніи для перебоя и освѣженія собственныхъ мыслей. Нечѣмъ наполнить всего времени, хотя можно каждый день кататься на хорошихъ лошадяхъ и купаться, у самаго дома, въ текучей водѣ. Исполнитесь великодушія и пришлите полученный безъ меня Р. Вѣстникъ, Современникъ и От. Записки, на имя Олимпія Мих., въ Балашовъ, сарат. губ.,—да не откладывайте, а съ первымъ же утромъ. Пишите о себѣ, ладите ли вы съ жизнью и ея заботами. Здѣсь мнѣ покойнѣе, нежели гдѣ либо до сихъ поръ. У меня отдѣльный кабинетъ, въ которомъ ничего не слышно, кромѣ шелесту садовыхъ деревьевъ передъ окномъ. Розы цвѣтутъ въ изобиліи, и свѣжій букетъ постоянно стоитъ въ стаканѣ передо мною.

Справьтесь о 1-мъ т. Пушкина и пришлите, если вышелъ.

Еще бы я хотѣлъ прочесть историковъ и публицистовъ, вышедшихъ при *Соврем.* и при *От. Зап.* Они не дороги, особенно для подписчиковъ на эти журналы. Вышлите ихъ другою посылкою.

26.

Прекрасный у васъ обычай—поступать съ выѣхавшими изъ Петербурга такъ, какъ съ вынесенными на кладбище! Я живъ еще—не безпокойтесь, и меня еще на многое хватитъ. Пишите ко мнѣ о чемъ хотите, только не молчите. Въ Малиновкѣ застряли мы потому, что я началъ писать многое и помногу. Не хочу прерывать работы. Здѣсь намъ хорошо. Никто и ничто не мѣшаетъ. Журналы получаются. Зайдите къ Совре-

меннику и направьте его сюда, а ту книгу, которая пришла къ вамъ по отправкѣ двухъ нумеровъ, пришлите вмѣстѣ съ *Исторической Библіотекой*, печатающейся при *Современникѣ*, которую немедленно купите и пришлите. А *публицистовъ* при Отеч. Зап. совсѣмъ не надо. Здѣсь мы останемся до октября, а потомъ пріѣдемъ вмѣстѣ съ Ол. Мих. Но, на всякій случай, очистите отъ всякаго посторонняго громозду и хламу кабинетъ и бывшую вашу комнату. Вашъ П. К.

10 августа, Малинка.

Историческую Библіотеку пожалуйста не откладывайте ни одного дня посылать. Очень нужна!—Помните, что для подписчиковъ Современника Историческая Библіотека отпускается дешевле.

27.

12 сентября, 1859. Малиновка на Хопрѣ

Нынѣшній день—одинъ изъ благополучнѣйшихъ въ моей жизни: я кончилъ романъ, задуманный на Волгѣ и начатый въ Малиновкѣ. Этому роману имя—*Исправницкая Дочка*; онъ содержитъ въ себѣ около 23 листовъ, или немного болѣе; онъ докажетъ моимъ друзьямъ, что я еще *живу* на свѣтѣ,—этимъ друзьямъ, которые почти всѣ оказались безсмысленнѣе и потому злѣе моихъ враговъ. Въ этомъ романѣ я слилъ комическое съ патетическимъ, и знаю, что это—лучшее мое произведеніе. Что я былъ оживленъ мыслью и чувствомъ, едва вмѣщавшимся въ слово,—доказательство вы увидите на самой рукописи, которой $^9/_{10}$написаны безъ всякихъ помарокъ, какъ подъ диктовку. Эти три мѣсяца, которые я просидѣлъ за работою, прерываемою только купаньями въ Хопрѣ, я долженъ назвать счасливѣйшими въ моей жизни. Подобной тишины и спокойствія вокругъ меня едвали можно надѣяться и въ царствѣ небесномъ, гдѣ судя по монашескимъ изображеніямъ онаго, должна быть смертельная

скука. Я пріѣхалъ сюда все еще разстроенный и долго не могъ собрать себя, какъ выражаются нѣкоторые—очень вѣрно. Нынѣшній мой романъ мелькалъ передо мной въ такомъ видѣ, какъ противоположный берегъ Женевскаго озера изъ Hôtel des Alpes: то видно было кое-что освѣщенное солнцемъ, то полузакрывалось отъ меня туманомъ, то ничего нельзя было совсѣмъ разсмотрѣть. Я хотѣлъ *заставить* себя что-нибудь дѣлать и насѣлъ на *Липовыя Пущи*; но критика моя сдѣлалась такъ строга, что изъ шести написанныхъ главъ осталось только двѣ да прологъ, но и эти двѣ главы написаны большею частью вновь. Планъ совсѣмъ измѣнился, и по вечерамъ, слушая чтеніе, я рисовалъ разныя предполагаемыя сцены изъ событій гайдамачества. Вы увидите ихъ у Александры Мих. множество. Нѣкоторые смѣшили насъ своими драматическими надписями. Но романъ все таки двинуться не могъ: онъ еще не созрѣлъ во мнѣ. Та область мыслей и чувствъ не прожита еще мною вполнѣ. Я началъ повѣсть, извѣстную вамъ подъ именемъ *Скандалъ*, и написалъ три главы довольно живописно, но запнулся на планѣ, который не былъ обдуманъ заблаговременно. Жажда дѣятельности была у меня такъ велика, что я принялся за продолженіе *Алексѣя Однорога*, обдумалъ часть плана довольно широко и написалъ большую главу. Тутъ же началъ продолженіе *Повѣсти о Южной Руси*, но какъ вы ничего не пишете и я не знаю, нравится ли то, что напечатано и то, что послано вамъ изъ Казани, то я и бросилъ дѣло на пяти листкахъ. Между тѣмъ образовалась у меня форма задуманнаго романа и я попалъ на тонъ его. Тутъ уже все отложено было въ сторону—и романъ писался такъ быстро, что мой переписчикъ, Александра Михайловна, далеко осталась у меня позади. Въ чужой рукописи я лучше его выправлю — вотъ для чего переписывается, да страшно таки, чтобъ и не пропалъ, существуя въ одномъ экземплярѣ.

Въ журналѣ Василія Мих. я не намѣренъ помѣщать потому своего романа, что онъ—архи-малороссійскій, и я боюсь, чтобъ

не запретили журналъ прежде, чѣмъ романъ будетъ допечатанъ,—или же другая бѣда: цензоръ потребуетъ такихъ обрѣзокъ для помѣщенія въ *украинскомъ журналѣ*, что я самъ не соглашусь печатать. Другое дѣло *Русскій Вѣстникъ*, смѣлѣйшій и солиднѣйшій изъ нашихъ журналовъ. Тутъ господствующій духъ — англійскій, прямой либерализмъ, подъ который очень подходитъ мой романъ, не смотря на его архи-малороссіянизмъ. Наша Малороссія вообще ближе къ Англіи, чѣмъ какая-либо часть имперіи. Поэтому я остановлюсь на недѣлю въ Москвѣ и предложу свои условія *Русскому Вѣстнику*. Если мои условія *Русскій Вѣстникъ* найдетъ неудобоисполнимыми, тогда для меня будетъ все равно, гдѣ ни печатать, и разумѣется прежде всего у Вас. Мих., если цензоръ прочтетъ благосклонно и подпишетъ рукопись. Conditio sine qua non. Какъ ни плохи мои финансовыя обстоятельства, но я скорѣе поселюсь въ мужицкой хатѣ, чѣмъ пожертвую искренностью убѣжденія задѣльной платѣ. Это значитъ, что печатать я не стану иначе, какъ безъ цензорскихъ помарокъ. Подтвердите Василію Мих., что статьи, отданныя ему въ журналъ я согласенъ печатать только въ такомъ случаѣ, *когда не будетъ зачеркнуто ни одно слово*, въ полномъ смыслѣ этого выраженія.

Немедленно по полученіи этого письма, вышлите въ Москву, въ магазинъ Щепкина и на его имя, шляпку Александры Мих., вмѣстѣ съ деревяннымъ ящикомъ, въ который она уложена. Въ этотъ ящикъ со шляпкою вложите мою складную шляпу, вынувъ ее изъ футляра. Мы выѣзжаемъ отсюда надняхъ и я долженъ найти посылку уже въ Москвѣ, а то намъ придется покупать то и другое вновь, поелику у насъ все лѣтнее.

Вы поступили отвратительно, что не выслали приложеній при Современникѣ. Мнѣ необходимо было прочесть исторію XVIII столѣтія. Хотя она по видимому не имѣетъ ничего общаго съ моимъ романомъ, но романъ мой вышелъ бы шире.

Что вы не выслали денегъ,—это даже коварно, если только вы не представите оправданія. Я не нуждаюсь въ нихъ, увлекшись работою и раздумавъ ѣхать далѣе, но *могъ бы* страшно нуждаться.

28.

Писалъ я къ вамъ отъ 12 сент., по почтѣ. Но можетъ быть письмо гдѣ нибудь застряло, такъ какъ теперь почтари сдѣлались, говорятъ, очень любопытны. Написалъ я, вашими молитвами, романъ *Исправницкая Дочка*, которымъ доволенъ. 23 печатныхъ листа, а можетъ быть и 25. Хочу печатать у Каткова, во избѣжаніе цензурныхъ притѣсненій, если бы я печаталъ въ *украинскомъ* журналѣ. Пишите въ Москву на имя магазина Щепкина и вышлите шляпку Ал. Мих., взявъ ее у Над. Мих. и вложите въ тотъ же ящикъ мою складную шляпу.

Сент. 15. (Москва?)

29.

8 окт. 1859. Москва.

Пришлите статью мою для *Нар. Чт.* Я не хочу ее печатать не исправивши. Постараюсь написать и продолженіе.

Не въ убыткѣ ли издатели?

Я еще ни съ кѣмъ не видѣлся.

Почему вы не позволили Симонову пожить у меня?

Готова ли квартира къ моему пріѣзду, (съ которымъ я конечно не спѣшу и спѣшить не буду)?

Сколько экземпляровъ соч. Гог. приблизительно не продано. У меня есть надежда выручить значительныя деньги за свой романъ, и пополнить ими недочетъ. Пишу большую повѣсть въ противоположномъ тонѣ. Но, ради Бога, не думайте, что моимъ перомъ управляетъ желаніе добыть деньги. Я истощилъ

всѣ усилія продолжать *Лип. Пущи* и не могъ продолжать, а это само пишется.

Шлоссера я получилъ передъ выѣздомъ.

Изъ Керчи другія письма мнѣ присланы, но ваше не прислано.

Осмотрѣвшись буду писать, что тутъ дѣлаетя между писателями.

Если есть интересныя письма ко мнѣ, пришлите; а пустыхъ не присылайте.

Вышлите въ магазинъ Щепкина шубу А—ры М—ны; а если моя пришла изъ Малой Россіи, то и мою.

Вышлите письма, которыя получены у Над. М—ны на имя А—ры М—ны.

30.

Съ полученіемъ сего, вышлите мнѣ, на мое имя, въ редакцію Русской Бесѣды, приготовленныя мною для переизданія мои сочиненія съ написанными къ нимъ предисловійцами. Послѣ узнаете, для чего это.

Реманъ свой я уже передалъ цензору Гилярову, который ко мнѣ очень блатоволитъ и обѣщалъ сдѣлать вся, елика возможна суть. А дѣло въ томъ, чтобы, во-первыхъ, рѣшить, цензуренъ ли онъ, а во-вторыхъ—зарекомендовать редакціи Р. В., если онъ ему понравится, такъ какъ сама редакція менѣе Гилярова способна оцѣнить сочиненіе изъ жизни малороссійской.

Наняли мы на мѣсяцъ квартиру, но какъ я еще не знаю имени дома, то адресуйте ко мнѣ письма въ редакцію Русской Бесѣды, съ которою я буду жить почти vis-a-vis.

Іеромонахъ Климентій напечатанъ въ Р. Бесѣдѣ со всѣми тѣми фразами, о которыхъ вы говорили: „ну, зачѣмъ такое писать, когда вы сами внаете, что этого напечатать нельзя!“ Я какъ нельзя больше кстати получилъ 193 р. 75 к.

10 октября, 1859. Москва.

31.

19 окт. (1859 г.)

Данило Семеновичъ.

Мнѣ нужны бумаги, посланныя вами на имя Мизко (Никол. Дм.), въ Новомосковскъ. Я просилъ васъ завести съ нимъ объ этомъ переписку. Если вы къ нему не писали, то увѣдомьте, чтобы я самъ могъ возобновить объ этомъ дѣло. Увѣдомьте также, взяли ли вы отъ Вольфа послѣдніе томики Мицкевича, переплели ли все изданіе по 2 томика въ одинъ корешокъ, съ буквами *N. M.*, и отправили ли къ Мизко?

Жду отвѣта на всѣ вопросы въ моихъ письмахъ, и удивляюсь, что вы отвѣчать мнѣ считаете послѣднимъ долгомъ.

Адресъ. На углу Никитской и Кисловскаго переулка, въ домѣ Зотова. Входъ съ Кисловск. переулка.

32.

Полтава Апрѣля 28. (1860 г.)

Былъ у Квитки *) и нашелъ въ немъ прекраснаго человѣка, но роскошнаго барина, который не знаетъ, какъ ему жить покойнѣе и упрочить будущность единственнаго сына, 10-лѣтняго мальчика. Употребляетъ разныя мѣры, но всѣ онѣ недѣйствительны отъ стихіи, въ которой мальчикъ живетъ. Жена Квитки умная и пріятная женщина, но тоже съ панскою придурью. Изъ Харькова уѣхалъ я скоро потому, что нашелся хорошій попутчикъ съ своимъ тарантасомъ. Очень достойный молодой человѣкъ. Онъ лѣкарь, но лѣчится самъ въ Крыму, который расхваливаетъ въ отношеніи возстановленія силъ и зоветъ меня туда убѣдительно. Можетъ быть, я поѣду изъ Одессы. Вѣрнаго ничего не знаю. Здѣсь дождусь Симонова и заѣду въ Баивщину. А теперь ѣду съ Трушковскимъ къ матери Гоголя.

---

*) Валеріана?

У Чижака Литургіи я видѣлъ экз. 50 въ старой оберткѣ. Новой онъ не получалъ. Съ первою почтою вышлите непремѣнно.

Первое мѣсто, куда ко мнѣ адресовать—въ Кіевъ, къ Быкову, а такъ какъ я можетъ быть скорѣе, чѣмъ думаю, буду въ Одессѣ, то адресуйте Александру Сем. Великанову, въ собст. книжный магазинъ, на Дерибасовской улицѣ. Это родственникъ Яхненка и заводитъ книжный магазинъ. Я ѣхалъ съ его уполномоченнымъ, Кузьминымъ. Имъ можно послать по 10 экз. всѣхъ нашихъ книгъ и Кобзаря, на коммисію. Транспортъ заплатится ими въ Одессѣ. Можно съ этимъ и не спѣшить, потому что они накупили у надувшаго ихъ Кожанчикова. А въ Орелъ—тоже и Кобзаря.

Будьте по возможности спокойны и веселы. Дѣла наши книжныя устроятся отлично, какъ вы узнаете отъ меня потомъ. Теперь некогда. Напишу уже изъ Кіева.

Вашъ П. К.

33.

1860, мая 10. Васильевка.

Симоновъ сообщилъ мнѣ о вашихъ безпокойствахъ на счетъ книгъ, которыя долженъ былъ я передать Горбунову. Изъ этого я вижу, что вы не получили моего московскаго письма. Я писалъ къ вамъ и изъ Орла, и изъ Харькова, гдѣ видѣлся съ Квиткою, т. е. гостилъ у него. Въ Полтавѣ прожилъ я сутки и уѣхалъ въ Васильевку. Оттуда воротился въ Полтаву и пробылъ трое сутокъ, въ прекрасномъ урочищѣ Трибахъ, варя съ угольщиками кашу и гуляя по цвѣтущимъ пустынямъ. Послѣ этого, полтавцы разныхъ сословій, украинцы и великороссіяне, дали мнѣ обѣдъ, сопровождавшійся множествомъ шумныхъ рѣчей и тостовъ. Интересно, въ какомъ видѣ дойдутъ до васъ объ этомъ слухи; но гости были такъ веселы и оживлены, какъ никогда. Первую рѣчь произнесъ Пильчиковъ, по рукописи, на украинскомъ языкѣ. Я отвѣчалъ ему изустно, тоже по украински, и потомъ уже всѣ говорили изустно по-украински, по-русски, по-польски, по-чешски.

Накладите немедленно ящикъ книгъ, на половину *Кобзаря* и *Хаты*, да Основьяненка экземпляровъ 10, и отправьте въ Полтаву, на имя Пильчикова, съ означеніемъ срока доставки. За это назначается плата побольше, но плату примутъ на себя книгопродавцы, и заплатится она въ Полтавѣ. Всего замѣчательнѣе, что на обѣдъ взяли билеты два бородача—калужцы. Ихъ приняли радушно всѣ гости, и одинъ изъ нихъ такъ одушевился, что импровизировалъ за обѣдомъ ко мнѣ привѣтствіе въ стихахъ, а потомъ предложилъ тостъ *за правду*.

Въ Полтавѣ я познакомился съ крымскимъ помѣщикомъ, котораго усадьба на берегу моря, возлѣ Евпаторіи. Онъ убѣдительно просилъ меня къ себѣ на морскія купанья. Замѣчательно, что онъ былъ жандармскимъ офицеромъ въ 1847 году и сторожилъ меня въ III Отдѣленіи, а теперь участвовалъ въ данномъ мнѣ обѣдѣ и провожалъ меня, въ числѣ другихъ, за 10 верстъ отъ Полтавы съ шампанскимъ, изъ сочувствія къ тѣмъ идеямъ, за которыя Дубельтъ устроилъ мнѣ прогулку изъ Варшавы въ Петербургъ.

Теперь я опять въ Васильевкѣ, куда меня просили для нѣкоторыхъ общихъ нашихъ дѣлъ, а отсюда проѣду прямо уже на дорогу къ Лубнамъ. Симоновъ уѣхалъ впередъ.

Воскресная школа въ Полтавѣ увеличивается сильно. На обѣдѣ сдѣланы были новыя для нея пожертвованія. Присутствовалъ и одинъ цивилизованный еврей, и благодарилъ рѣчью русскихъ литераторовъ въ моемъ лицѣ за наше мнѣніе въ пользу евреевъ.

Когда одинъ изъ представителей великорусской народности выразилъ сочувствіе своихъ соотечественниковъ украинской словесности, то я сказалъ, что оно засвидѣтельствовано представителемъ сѣверно-русской литературы Тургеневымъ, посредствомъ перевода Марка Вовчка, и предложилъ тостъ за здоровье переводчика. Тутъ вспомнили объ украинскихъ женщинахъ писательницахъ и пили за здоровье Марка Вовчка и Ганны Барвинокъ. Но всего не пересказать. Пишите ко мнѣ въ Кіевъ: еще успѣете.

Постарайтесь хорошенько напечатать собраніе моихъ сочиненій и немедленно высылайте цѣлый ящикъ Пильчикову, а другой въ Кіевъ. Впрочемъ, если найдется оптовый покупщикъ, то продайте, а развѣ малую часть вышлите таки, если онъ не потребуетъ *всѣ* экземпляры. Странно, что молчаніе или благосклонные отзывы журналовъ такъ мало имѣютъ вліянія на южную публику. Не только малороссіяне, но и великороссіяне здѣсь смотрять на мои книги и журнальныя статьи вовсе не по-петербургски, что я имѣлъ случай не разъ замѣтить и во время дороги, и въ Полтавѣ. Я не встрѣчалъ человѣка, который бы при моемъ имени не выражалъ радости, что случай позволилъ ему меня видѣть. Послѣдніе два года много сдѣлали. Репутація моя, какъ писателя, даетъ мнѣ вездѣ входъ и радушный пріемъ. Признаюсь, это очень пріятно уже потому, что доставляетъ большія удобства. Одинъ полтавецъ, изъ разряда ходатаевъ по дѣламъ, просто сдѣлался моимъ камердинеромъ, такъ что мнѣ было даже совѣстно. Я только говорилъ, чтó мнѣ нужно, и все дѣлалось и доставлялось съ величайшею радостью. Чтобъ чѣмъ нибудь отвѣчать на сочувствіе полтавцевъ, я роздалъ 12 экземпляровъ *Черной Рады*, взявши въ магазинѣ, лицамъ, произносившимъ рѣчи или стихи. Гости мои на половину только были воспитанники университетовъ, изъ учителей гимназіи и чиновниковъ; остальные изъ офицеровъ, купцовъ и мѣщанъ. Многіе, узнавъ о билетахъ поздно, собрались въ саду, по которому я долженъ былъ пройтись съ процессіею и пить шампанское подъ открытымъ небомъ. Тутъ ужъ развязались языки и у людей вовсе нелитературныхъ.

Когда готовы будутъ брошюры, то присылайте транспортъ Пильчикову: тутъ сдѣланы распоряженія о ихъ распродажѣ въ разныхъ городахъ.

Хата сдѣлала здѣсь впечатлѣніе сильное, и Галаганъ съ братіею очень глупо считаетъ вреднымъ изданіе этой книги. Что поднимаетъ въ обществѣ лучшія человѣческія чувства, то можетъ быть вредно для однихъ лицемѣровъ и плутовъ.

34.

Черниговъ. 3 Іюня 1860 г.

Данило Семеновичъ!

Не сердитесь, что рѣдко пишу къ вамъ. Напишу изъ Кіева, прочитавши ваши письма, а о довѣренности я забылъ въ Борзнѣ; но вышлю или отсюда (изъ Чернигова), или изъ Козельца.

Въ Черниговѣ я уже другую недѣлю, и провожу здѣсь время съ такимъ удовольствіемъ и пользою, какъ никогда и нигдѣ.

Вашъ П. К.

Увѣдомьте въ Кіевъ, какъ идетъ печатаніе моихъ повѣстей, которыхъ тотчасъ по отпечатаніи вышлите ящикъ, черезъ транспортъ, на имя Дорошенка. Ушибъ руку въ купальнѣ, потому пишу дурно.

Съ первою почтою извольте выслать въ Одессу мою шиту сорочку (въ столѣ) и ту, которая вышита у Надежды А—ны, но у которой не достаетъ рукава. На югѣ рѣшительно нѣтъ возможности ходить въ панталонахъ, и я уже сшилъ себѣ шелковые шаровары, а къ нимъ понадобились и украинскія сорочки.

35.

Черниговъ. 1860. Іюня 22 *).

Вы желали, Василій Михайловичъ, чтобы я „отзывался" къ вамъ отъ времени до времени. Ну, вотъ я былъ въ Борзнѣ, а потомъ въ прилуцкомъ уѣздѣ, у Бабенка, который сохранилъ въ себѣ многія черты запорожскаго рыцаря. Я провелъ у него часовъ 10 въ совершенномъ удовольствіи, какое рѣдко испытывалъ; но разказать вамъ, въ чемъ дѣло, мудрено. Какъ интересна наша Украина даже и въ послѣднемъ своемъ упадкѣ; но путе-

---

*) Сверху карандашемъ: „Прочитайте, Данило Семеновичъ, и защитайте, что это и къ вамъ писано.

шествовать по ней можно не всякому съ удовольствіемъ и пользою. Я самъ только теперь умѣю путешествовать, и, можетъ быть представлю доказательства, что въ самомъ дѣлѣ дѣлаю дѣло, тратя много времени и денегъ. Въ Черниговѣ люди живутъ такъ хорошо, какъ только можно желать отъ небольшаго провинціальнаго городка. Работаютъ какъ-то весело,—точно жнецы на собственномъ лану. Особенно пріятная личность—Нисъ [1]), авторъ *Заверухы*, который пришлетъ вамъ много и много драгоцѣнныхъ этнографическихъ матеріаловъ. Это имя у насъ будетъ безсмертнымъ. Это такой человѣкъ, въ которыхъ и историкъ, и поэтъ наиболѣе нуждается. Онъ межъ народомъ—свой, безъ малѣйшей натяжки. Въ сравненьи съ нимъ, я уже джентельменъ, т. е. отрозненный отъ народа недостаточностію народнаго воспитанія. Онъ учится у народа и прекрасно учится. Выше его нѣтъ у насъ этнографа, и нѣкоторая даже ...... умственныхъ даровъ помогаетъ ему черпать матеріалы для этнографіи во всей ихъ чистотѣ, безъ посторонней примѣси.

И у Глѣбова есть хорошіе стихи. Напримѣръ:

Доле моя, нене моя: де ты, озовыся!
Ой нá що жъ мы любылыся, нá що розійшлыся...

Никто больше Глѣбова видомъ, манерою и чтеніемъ не похожъ на поэта. Его назначеніе было высокое, и въ иномъ обществѣ, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы превосходный эстетическій критикъ и поэтъ. Но гніющая жизнь въ панскомъ нашемъ сословіи сгубила его. Онъ не живетъ, а отживаетъ, хотя и сама развалина прекрасна въ этой личности, задуманной природою въ самую счастливую минуту.

Здѣшніе сотрудники готовы печатать у васъ въ журналѣ gratis; но я вамъ совѣтую давать имъ какую нибудь плату. Все возвратится вамъ сторицею, потому что вызоветъ много трудовъ, которые безъ того существовать не будутъ. 25 и 30 р. за листъ—плата очень хорошая для нихъ, и они употребятъ эти деньги на прiисканье матеріаловъ, на собраніе свѣдѣній и пр. т. п. Надѣюсь въ Кіевѣ найти отъ васъ письмо.

---

[1]) Ст. Дан. Носъ. „Заверуха" его разсказъ, напечатанный въ „Основѣ".

36.

Іюня 28. (1860) Кіевъ.

Штролингеръ и Дейкунъ (случившійся въ Кіевѣ) сообщили мнѣ, что Литовъ [1]) получаетъ отъ Овсянникова книги, не платя за пересылку. Овсянниковъ подписываетъ такъ: *Литову, коммиссіонеру Публичной Библіотеки*, и отправляетъ въ самую Библіотеку. Тамъ прикладываютъ печать, и почтамтъ отсылаетъ, какъ казенную посылку. Этимъ способомъ Литовъ понижаетъ цѣны такъ, что за Кобзаря беретъ только 1 р. 75 к., т. е. еще четвертакъ и барыша. Постарайтесь пресѣчь это злоупотребленіе черезъ Варфоломеева, одного изъ главныхъ чиновниковъ библіотеки, знакомого со мной.

Мнѣ весело въ Кіевѣ, какъ и въ Черниговѣ. Передо мною совершаются такія чудеса, между прочимъ, что только человѣкъ, перегорѣвшій, какъ я, въ огнѣ страстей, и притомъ человѣкъ честный, можетъ не увлекаться до глупостей, ведущихъ за собой напрасныя сожалѣнія. Я однакожъ изумляюсь: какія бываютъ въ жизни явленія! Какихъ прекрасныхъ тайнъ полна движущаяся передъ нами прозаически жизнь! Какой великій поэтъ сердце человѣческое!.. Но довольно: все равно вы ничего изъ этого не поймете. А разсказывать все—былъ бы трудъ не по силамъ и можетъ быть—напрасный трудъ.

Братьевъ вашихъ я видѣлъ. Предлагалъ имъ немного денегъ,—не взяли. Окончившій курсъ очень полюбился мнѣ, и я желалъ бѣ видѣть его въ Петербургѣ подлѣ васъ. Перезывайте смѣло. Можетъ быть, я самъ его привезу, если буду возвращаться на зиму.

Пишите въ Одессу. Когда выѣду—не знаю еще, но, вѣроятно, скоро.

---

[1]) Тогдашній кіевскій книгопродавецъ.

37.

1860, Іюля 4. Кіевъ.

Сердытесь, може, тамъ на мене, сердытесь,—лаете, може, тамъ мене, лаете.

А я соби: дарма, дарма!

Я уже писалъ вамъ, что со мною тутъ происходятъ чудеса. Женщины за мной волочатся, какъ за Донъ-Жуаномъ. Это составляетъ и счастье, и несчастье моей жизни. Счастье потому, что я пріятно занятъ и забываю свое поганое прошедшее, а несчастье потому, что романы мои грозятъ мнѣ новыми бѣдствіями. Но судьба хранитъ меня до сихъ поръ чудеснымъ образомъ. До сихъ поръ я не сдѣлалъ ни одного шага, въ которомъ бы могъ горько раскаиваться. Мысль у меня стоитъ на стражѣ чувства, и потому я не погружаюсь въ преисподнюю любви. Между тѣмъ человѣкъ открывается мнѣ въ женщинѣ поразительно! Узнавая съ каждымъ днемъ, что такое женщина, я вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣваю лучше и нашего брата, мужчину. Раза два я чуть-чуть было не надѣлалъ глупостей, но именно судьба спасала меня. Теперь я осмотрительнѣе; но никогда не буду считать сближенье съ женщинами недостойнымъ возвышеннаго характера. Это-то и есть именно жизнь; а то, что называютъ жизнью ученые и дѣловые люди, то—надворняя работа. Истинная жизнь въ хатѣ и подъ хатою, въ виду женщины. Все, что вдали отъ нея—эпизоды, вяжущіеся съ главнымъ.

Когда то, во времена оны, Василій Блаженный [1]) высказалъ мнѣ, что въ мои годы не возможно надѣяться любви со стороны женщины, и оно было похоже на истину. Но теперь я убѣдился, что мнѣ надо было пожить на свѣтѣ и только сохраниться въ такой степени, какъ я, чтобы у женщинъ, морально развитыхъ, имѣть полный успѣхъ. Ни съ однимъ юношей не могутъ онѣ быть такъ скоро *своими*, какъ со мною... Но, можетъ быть, вы глумитесь надъ моими письмами и посылаете къ черту всѣхъ

[1]) Одинъ изъ близкихъ Кулишу людей.

Милитрисъ Кирбитьевенъ. Притомъ же у меня нѣтъ охоты описывать свои исторіи. Скажу только, что я былъ дѣйствующимъ лицомъ въ такихъ сценахъ, которыя до сихъ поръ встрѣчалъ у самыхъ смѣлыхъ и поэтическихъ романистовъ. Скажу болѣе: въ моихъ романахъ участвовали отцы, матери, братья сестры моихъ героинь—творили волю мою. Интрига, соблазнъ никогда не были и не будутъ моею цѣлью. Я хотѣлъ только жить и училъ другихъ, какъ слѣдуетъ жить. Тупость понятій или противодѣйствіе со стороны побочныхъ и стороннихъ лицъ, портили намъ дѣло, а все таки оно было дѣломъ и останется имъ навсегда для главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Одинъ изъ моихъ романовъ разстроился надолго,—пожалуй навсегда; за то другой вступаетъ въ блистательнѣйшій періодъ развитія. Сколько я узналъ тайнаго, чего не знаютъ люди, живущіе всю жизнь съ моими героинями! Какъ ясенъ для меня дѣлается механизмъ нашей семейной жизни—на разные лады и тоны! И сколько прекраснаго открылось мнѣ! Идеалъ вѣчно будетъ царствовать въ мірѣ; напрасно наши закорявѣвшіе критики вопіютъ противъ него. Но довольно. Описывать разныя встрѣчи кіевскія не буду: вы видите, что я—романистъ по преимуществу. Все прочее для меня болѣе или менѣе—сторона. Выѣзжаю изъ Кіева завтра, одинъ, но проѣхавъ 200 верстъ, буду имѣть попутчицу или попутчицъ. Жажду наконецъ постояннаго мѣстопребыванія и работы,—и къ этому все мнѣ способствуетъ чудеснымъ образомъ, какъ это ни странно вамъ читать послѣ всего вышеписаннаго. Письма мои есть не что иное, какъ уносимые вѣтромъ лоскутки изъ обширной книги: что же вы изъ нихъ поймете? Будьте только спокойны за меня. „Не загынувъ есы у неволи—не загынешъ теперъ на воли“. Въ Одессѣ буду къ 1-му августа, не раньше. Но вы пишите такъ, какъ бы я прямо туда ѣхалъ. Лучше пускай письма меня ждутъ, чѣмъ я писемъ.

38.

Корсунь. 1860, іюля 9.

Извольте, Данило Семеновичъ, выслать на имя Вареоломея Григ. Шевченка транспортъ всѣхъ нашихъ изданій на сѣверно-русскомъ и украинскомъ языкахъ въ *Корсунь, кіевской губ.*, кромѣ Гоголя. Вышлите не одинъ, а два ящика. Онъ возьмется за торговлю по ярмаркамъ. У него есть хороши хлопци, а онъ—купецъ и платитъ гильдію. Этимъ способомъ онъ хочетъ попробовать книжную торговлю, а потомъ взяться и за неподвижную, основавши лавку въ какомъ-нибудь удобномъ для этого дѣла городѣ. Высылайте жъ съ назначеніемъ срока, приплативши немного за это лишняго. Нѣтъ, здѣсь будетъ заплачено за книжки т. е. за ящики.

Тутъ мыни добре. Купаюсь гарно въ каскадахъ, и братъ Шевченкивъ—дуже розумный и гарный чоловикъ. Отъ и все. Не люблю богато пысаты. Вы мене знаете, а я васъ. Не сумуйте про мене—не зопсуюсь, дарма що нибы-то, байдыкы бъю да за жиноцтвомъ знай ганяюсь.

Брошюрокъ прысылайте найбильше.

39.

Гдѣ я теперь? А вотъ гдѣ. Проѣхалъ я изъ Корсуня еще разъ черезъ жидовскій Богуславъ, сдѣлалъ двѣ станціи—и опять зацѣпился, найдя въ Лысянкѣ превосходный садъ. Онъ хорошъ не только рѣкою Тикичемъ, не только скалистыми берегами, но и своею пустынностію. Владѣльцы давно его оставили, и только рыбаки да сторожа владѣютъ имъ. Вчера я купался, бросаясь со скалы въ трехсаженную глубину; потомъ пилъ превосходную воду изъ превосходной каменной криницы, потомъ слышалъ журчанье минеральныхъ ключей, стремящихся въ скалистую и кой-гдѣ окутанную высокими бурьянами рѣку. Деревья тихо шумѣли. Вдали гремѣлъ громъ; тучи величественно надвигались и омрачали водное зеркало. Я рѣшился провести

въ этомъ картинномъ уединеньи нѣсколько дней. Въ саду—домикъ на подобіе хатки; въ виду ея—полуразрушенная постройка минеральныхъ ваннъ, въ которой, какъ говорятъ, по ночамъ неистовствуютъ черти. Попробую читать и писать. Еще не знаю, можно ли мнѣ будетъ зажить въ самомъ саду. Впрочемъ, онъ—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи, и дорога черезъ огороды.

Какъ пріятно быть любимымъ, Боже, какъ это пріятно! И пустыня населена тогда роскошными грезами, и одиночество—вовсе не одиночество. Еще недавно я получилъ такія письма, которыя вознаграждаютъ меня за многое прошедшее. Теперь только я начинаю жить, и на это у меня самыя отрадныя доказательства. Но не воображайте какой нибудь пошлой исторіи.

. . . .

До сихъ поръ я къ нимъ не прикасался, и если это когда нибудь—не скоро, очень не скоро—случится, то не иначе, какъ самымъ достойнымъ человѣка образомъ. Впрочемъ, такая чистая, такая романическая и необыкновенная связь дѣлаетъ остальное почти ненужнымъ. Душа слишкомъ занята, слишкомъ много испытываютъ обѣ стороны.

Но, можетъ быть, въ Одессѣ ждутъ меня ваши письма, требующія немедленнаго отвѣта; а я подвигаюсь такъ медленно впередъ. Вѣрьте, что иначе невозможно. Вы знаете, что я вообще не медлителенъ. Будьте на мой счетъ спокойны, сколько можете. Довольствуйтесь тѣмъ, что я спокоенъ, бодръ духомъ и всѣ мои способности при мнѣ. Вы знаете, въ какомъ я состояніи выѣхалъ изъ Петербурга. Вы сомнѣвались даже, чтобъ я *могъ* успокоиться, и не воротился въ Петербургъ преждевременно. Нѣтъ, я смотрю все на полудень: тамъ соединены для меня всѣ моральные интересы, и не знаю, когда стану смотрѣть на сѣверъ. Побудьте безъ меня малу-толику; дайте мнѣ отдохнуть и обновиться душой и тѣломъ. Это стоитъ всего, что дѣлалъ бы я въ Петербургѣ.

Къ вамъ будутъ доходить нелѣпые толки обо мнѣ. Они доходятъ и до меня. Я смѣюсь безъ всякой горечи. Какъ мало

люди способны проникать въ истину даже и тогда, когда передъ ними не скрываешься. Чѣмъ проще дѣйствуешь, тѣмъ глубокомысленнѣе они догадываются, въ чемъ дѣло. Здѣсь фантазія у разнокалиберныхъ моихъ судей разыгралась до того, что меня считаютъ какимъ то агентомъ правительства. Кому изъ нихъ придетъ въ голову, что такой человѣкъ, какъ я, ищетъ тихаго убѣжища, какъ подстрѣленная птица? Мой веселый, оживленный видъ, сердечная радость, проглядывающая въ моихъ рѣчахъ о разныхъ разностяхъ—сводятъ моихъ наблюдателей съ ума, и они не могутъ рѣшить, какой именно бѣсъ или какіе бѣсы сидятъ въ этомъ человѣкѣ. А въ немъ тихо поютъ ангелы, но только никому не передаетъ онъ, о чемъ поютъ они. Да и какъ передашь? и кто этого стоитъ?

Пишите въ Одессу. Надѣюсь быть тамъ къ 1-му августа непремѣнно, а пожалуй и раньше. Обнимаю васъ крѣпко.

(1860 г.) Іюля 16. Лысянка.

Получено отъ управляющаго разрѣшеніе занять хатку въ саду, и съ нынѣшняго утра я предаюсь всѣмъ наслажденьямъ бытія: т. е. купаюсь въ рѣкѣ, или беру въ оной постройкѣ ванну желѣзистой, а не то—сѣрной воды. Тутъ же ловятъ рыбу, и я выбираю любую для ухи, которую варитъ рыбалка-дидъ въ казанку. Кругомъ—поля, усѣянныя копами и жнецами. Да, кое-что удается и нашему брату!

40.

Подвижная книжная торговля В. Г. Шевченка опирается теперь на Великанова, который даетъ на первый разъ 500 р. для устройства и выправки въ дорогу возовъ съ книгами, да открываетъ книгами неограниченный кредитъ, а когда дѣло пойдетъ успѣшно, то дастъ Шевченку жалованье, равное нынѣшнему его содержанію, чтобы тотъ оставилъ управительство и и весь отдался книжной торговлѣ. Въ число книгъ для Шевченка намѣшайте молитвенничковъ гражданской печати, да поскорѣе высылайте.

Сержусь на васъ за нелѣпое ваше молчаніе. Адресуйте теперь письма *въ Ялту, таврической губ.*, на имя *Александра Андр. Иванова, на дачу Абазы.* Въ Одессѣ я другія сутки.

(1860 г.) 22 іюля. (Одесса).

41.

(1860 г.) Іюля 25. Кіевъ.

Насилу добрался до Кіева. На почтовой станціи за Козельцемъ столкнулся съ Александровичемъ [1]), котораго имѣніе въ 4 верстахъ отъ станціи, и долженъ былъ заѣхать еще къ нему на сутки. У него можно будетъ проводить по нѣскольку осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, никого не стѣсняя и не будучи никѣмъ стѣсняему.

Я не понимаю вашего вопроса о моей *внутренней жизни*. Если вы подъ этими словами разумѣете авторство, то я ничѣмъ не могу васъ „успокоить". И неужели для вашего спокойствія я долженъ вѣчно быть беременною и рождающею женщиною? Я доволенъ своимъ внутреннимъ миромъ—чего жъ вамъ еще больше? Къ Петербургу чувствую отвращеніе и никогда желалъ бы въ него не возвращаться. Мнѣ кажется, что я всего только двѣ недѣли, какъ выѣхалъ изъ этого скопища нечестивыхъ. Но я вовсе не полнѣю, потому что сильно живу и иногда не сплю отъ нервическаго раздраженія. Научился множеству новыхъ пѣсенъ. Въ Петербургѣ у меня не было голосу, а теперь есть. Въ Петербургѣ я былъ такъ подавленъ, что оченъ рѣдко просилъ даже васъ спѣть что-нибудь, а теперь пою или насвистываю безпрестанно. Душевное здоровье мое очень поправилось, и меньше всего я думаю *) . . . .

Портретъ Котляревскаго вложенъ въ экземпляры Марка Вовчка, отправленные къ вамъ изъ Борзны.

Книги въ Полтаву пошлите, разумѣется, для продажи. Что за подарки такіе!

---

[1]) Митрофанъ Николаевичъ.

*) Слѣдуетъ въ двѣ строки пропускъ.

Великановъ пишетъ изъ Одессы отъ 2 іюня, что у него ужъ почти вышли мои изданія, пріобрѣтенныя отъ Кожанчикова. А вы, вѣрно, до сихъ поръ не собрались послать.

Въ Черниговѣ транспортъ до сихъ поръ не полученъ.

Орисю не худо бы напечатать, вмѣстѣ съ Путешествіемъ по тому свѣту и Очаковскою бѣдою. Можетъ быть, я вышлю сіи послѣднія въ испр. видѣ.

Конечно, вы на чиновническія мнѣнія Блаженнаго не обратите никакого вниманія.

Изъ *Хаты* печатайте что хотите и какъ хотите. Да и вообще поступайте, какъ хотите съ моими сочиненіями. Я не знаю, сколько печатать *Хаты*. Не 600 ли? Любители удовлетворены, такъ едва ли больше раскупится.

Не торопитесь печатать брошюрокъ. Еще будетъ время для Натали, которую надо сократить.

Довѣренность послана изъ Козельца.

Братьевъ найду. Я только вчера пріѣхалъ. Пишите на имя Великанова, а кратко—въ Кіевъ, на имя Хильчевскаго,—на всякій случай.

Быковъ уѣзжаетъ на Кавказъ и передастъ дѣла по изданію въ руки другого зятя, Головни. Я напишу, чтобъ доставили вамъ адресъ, какъ высылать деньги [1]. . . . .

1) Засимъ слѣдуетъ пропускъ.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(*По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

(*Окончаніе* [1]).

„*Шведская инкурсія*“. Эта глава едва ли не самая интересная въ книгѣ г. Уманца, такъ какъ въ ней разсказывается заключительный актъ политической жизни Мазепы, который собственно и придалъ имени этого человѣка, можно сказать, всеобщую извѣстность.

Разсказывая объ этомъ драматическомъ эпилогѣ Мазепиной жизни, г. Уманецъ ставитъ три вопроса: 1) измѣняя, чего хотѣлъ Мазепа? 2) Почему не удалась измѣна? и 3) Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ? Исходной точкой для разрѣшенія перваго вопроса служатъ автору слѣдующія положенія:

а) „Глубокій старикъ и бездѣтный вдовецъ, Мазепа, въ случаѣ удачи, не можетъ воспользоваться плодами своей измѣны. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгода, не объясняя измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣль“.

б) „Онъ не могъ работать для родственниковъ; будучи знатокомъ Малороссіи, Мазепа, не могъ думать о наслѣдственной передачѣ гетманства“.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., №№ 3 и 4.

в) Самъ Мазепа, по свидѣтельству Орлика, такъ выразилъ причины своего замысла, въ рѣчи къ единомышленной старшинѣ: „Присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, и не для оныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властію и региментомъ моимъ зостаючихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчизны бѣдной, Украины, всего Войска Запорожскаго и народу малороссійского, и для подвышеня и розширеня правъ и вольностей войсковыхъ“... Изъ другихъ словъ Орлика можно предполагать, что Мазепа желалъ полной независимости Малороссіи. Къ этому г. Уманецъ добавляетъ: „да и могло ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй, нѣкоторые шансы успѣха имѣла только идея самостоятельнаго государства“.

Значитъ, вотъ чего хотѣлъ Мазепа, по мнѣнію г. Уманца. Свидѣтельству Орлика, о томъ что Мазепа обращался къ старшинѣ съ этою рѣчью, конечно, не представляющею собою буквальнаго ея содержанія, слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ это обстоятельство во время написанія Орликомъ своего письма, могло быть повѣрено живыми свидѣтелями, хотя бы, напр., Апостоломъ. Но дѣло не въ томъ. Насколько патріотизмъ Мазепы былъ искрененъ? Насколько Мазепа на самомъ дѣлѣ могъ имѣть въ виду лишь одно „общее добро отчизны“?

Мазепа гетмановалъ двадцать два года,—время совершенно достаточное для того, чтобы можно было познакомиться, какъ съ общественною его дѣятельностью, такъ и съ личнымъ характеромъ этого человѣка. Правда, источникомъ для такого знакомства служитъ почти исключительно письменный матеріалъ офиціальнаго характера. Мазепинское время бѣдно и чужими, сосѣдними, мемуарами, а своихъ за это время и совсѣмъ нѣтъ; бѣдно оно и другимъ письменнымъ матеріаломъ частнаго характера, напр. частною перепискою. Мало сохранилось бумагъ и мѣстныхъ офиціальныхъ изъ мазепинскаго времени, такъ какъ тѣ архивы, гдѣ хранились бумаги объ офиціальной дѣятельности Мазепы, погибли въ пожарѣ Батурина...

Что же за человѣкъ былъ Мазепа?—Не смотря на бѣдность матеріала, у историка все же остается извѣстное представленіе о личности этого гетмана послѣ знакомства съ тѣмъ печатнымъ и архивнымъ матеріаломъ о Мазепиномъ времени, который сохранился и извѣстенъ... Достаточно прочтено архивнаго матеріала, касающагося времени Мазепы, и пишущимъ эти строки, при чемъ личность послѣдняго всегда интересовала читающаго, и каждая черта изъ дѣятельности этого гетмана присоединялась къ суммѣ представленій о немъ. Намъ Мазепа представляется, прежде всего, человѣкомъ, любившимъ власть и умѣвшимъ ею пользоваться. Не имѣя семьи, Мазепа личные интересы сосредоточивалъ въ этой самой власти. Близкое знакомство съ польскимъ аристократизмомъ и его личная тенденція къ этому аристократизму дали основаніе Мазепѣ устроить около себя „дворъ“ не съ одними „дворянами“, но и съ подраздѣленіемъ ихъ на *крайчихъ*, *конюшихъ* и проч. Мазепа скоро усвоилъ себѣ тотъ *гоноръ*, который заставлялъ окружавшихъ его людей смотрѣть на своего региментаря если не съ уваженіемъ, то съ преклоненіемъ. Затѣмъ, это былъ человѣкъ холоднаго разсчета, выгоды или не выгоды въ томъ или другомъ дѣлѣ. Природный умъ Мазепы былъ еще изощренъ его жизненными перипетіями и въ особенности частыми сношеніями съ геніальнымъ и сильнымъ *повелителемъ*, въ лицѣ Петра В.—Близкихъ людей, не говоря уже о друзьяхъ, у Мазепы нѣтъ. Да онъ въ нихъ и нужды не чувствовалъ, потому что совершенно удовлетворялся своимъ превосходствомъ надъ окружающими. Самымъ близкимъ человѣкомъ, въ сферѣ офиціальной дѣятельности, у Мазепы долженъ былъ быть генеральный писарь. Съ перваго дня его гетманства и до 1700 г. должность эту занимаетъ добрый и по своему честный, но вполнѣ безличный (такихъ людей въ Малороссіи называютъ „плохими“)—Кочубей. Никакой оригинальности въ этомъ человѣкѣ не было, но въ ней Мазепа и не нуждался, потому что совѣтники для него были лишними. Ему нужны были у подчиненныхъ: умѣнье и исполнительность. Качества эти у Кочубея, въ сферѣ его дѣятельности, должны были быть потому, что Мазепа очень долго держалъ его около себя

на писарствѣ. Отношенія съ старшиною у Мазепы были сухія. Кого жаловалъ или кто былъ нуженъ—того онъ щедро награждалъ, а кого не любилъ и за кѣмъ не стояла многочисленная родня,—тѣхъ не миловалъ. Зналъ онъ личныя дѣла своей старшины до мелочей; зналъ, кто богатъ, а кто бѣденъ. Велъ себя съ этою старшиною такъ, что высшіе урядники „Войска" не смѣли дѣтей женить, „не доложившись" своему „региментарю". Уряды раздавалъ и отнималъ по своему усмотрѣнію. Подарки за уряды бралъ несомнѣнно. Непотизму при Мазепѣ было широкое мѣсто. Въ случаяхъ болѣе или менѣе сложныхъ, хитрилъ и говорилъ одно, а дѣлалъ другое, какъ это дѣлаютъ вообще умные и разсудочные люди.—Такимъ представляется намъ Ма зепа.—Для нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь чертъ его характера имѣются прямыя доказательства, для другихъ—сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ, а для третьихъ—та вѣроятность, которая является естественнымъ послѣдствіемъ частыхъ встрѣчъ съ человѣкомъ, хотя бы только и на страницахъ разнообразнаго содержанія документовъ...

Могъ ли быть Мазепа тѣмъ патріотомъ, какимъ онъ себя рисуетъ въ рѣчи къ старшинѣ?—Мы бы сказали, что нѣтъ, основываясь на томъ, что Мазепа въ лѣвобережной Малороссіи былъ человѣкъ чужой, и она ему была чужою... Никакихъ воспоминаній, никакихъ симпатій съ лѣвымъ берегомъ у Мазепы не связывалось. На лѣвый берегъ Мазепа пришелъ, имѣя отъ роду во всякомъ случаѣ лѣтъ подъ сорокъ. Нашелъ онъ здѣсь обстановку частной жизни совсѣмъ не ту, къ которой привыкъ съ молодости. Связью съ лѣвобережной Малороссіей у него служило одно—власть. Не будь этой власти, ему не зачѣмъ было бы оставаться на лѣвомъ берегу; онъ удалился бы на правый берегъ, гдѣ внѣшняя культура у людей была та, съ которою онъ сроднился и отсутствія которой на лѣвомъ берегу онъ, должно быть, не могъ не чувствовать.

Задумавъ отторженіе Малороссіи отъ Московскаго государства, Мазепа разумѣлъ конечно одну только лѣвобережную Малороссію, потому что только надъ нею онъ властвовалъ. Правый берегъ онъ могъ имѣть въ виду лишь въ послѣдствіи...

Но могла ли быть у Мазепы какая нибудь прочная связь съ лѣвобережнымъ народомъ?—Вѣдь его же долженъ былъ онъ имѣть въ виду, когда произносилъ свою клятву предъ старшиною, а не одну эту старшину: Ломиковскихъ, Максимовичей, Зеленскихъ и другихъ своихъ болѣе или менѣе *близкихъ*... Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, кàкъ почиталъ народъ Мазепу, но есть отголоски уличнаго мнѣнія о Мазепѣ батуринскаго населенія... Мнѣніе это было далеко не въ пользу гетмана: народъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не оставлявшемъ „мелкихъ, эротическихъ похожденій“ и въ старости... Были и другіе слухи, что достаточно было съ Мазепою „покумиться“, чтобы „взять власть“ и позволять себѣ насилія... (Опис. Ст. Малор., II, 389). Вотъ этотъ самый Мазепа будто бы задумалъ напречь всю свою духовную мощь, чтобы освободить „отчизну“ отъ гибели московской и шведской! Ничего опредѣленниго мы не знаемъ о той формѣ, въ которую должна была, по мыслямъ Мазепы, преобразиться освобожденная отчизна. Г. Уманецъ полагаетъ, что имѣлась въ виду „полная независимость Малороссіи“. Дѣйствительно, въ письмѣ Орлика находимъ свидѣтельство, что Мазепа, въ случаѣ первыхъ шаговъ успѣха, предполагалъ писать Петру: „мы, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣ теперь отходимъ и подъ протекціей короля шведского *совершенного нашего освобожденія будемъ ожидать*“... Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что Мазепа, разсчитывая на затрудненіе Петра В. въ шведской войнѣ и надѣясь на удачу шведовъ, имѣлъ въ виду „отойти отъ Московскаго государства и стать, въ видѣ „свободнаго народа“, подъ протекцію Швеціи... Слѣдуетъ думать, что это былъ лишь временный разсчетъ у Мазепы, такъ какъ Швеція отъ Украины, по своему географическому положенію, была слишкомъ далека. Непосредственными сосѣдями у малорусскаго народа оставались все таки тѣ же—Московское государство, Польша и Крымъ. Среди этихъ народностей приходилось жить Украинѣ въ случаѣ удачи Мазепинаго замысла. Но трудно, да пожалуй и совсѣмъ невозможно было Украинѣ прожить среди этихъ сосѣдей, не попавъ подъ протекцію, а то и подъ ферулу, одного изъ нихъ, какъ это было съ Украиной во

всѣхъ предыдущихъ вѣкахъ, начиная съ паденія княжеской Руси. За протекціей Швеціи должна была слѣдовать чья-либо иная... Московская протекція въ этотъ моментъ была уже невозможна, а крымская—и всегда была непрочна и ненадежна. Оставалась протекція—Польши, столь знакомой для Малороссіи по недавнему прошлому, а для Мазепы—по личнымъ къ ней отношеніямъ. Трудно допустить предположеніе, чтобы Мазепа, при его умѣ и опытности, могъ питаться идеей о „самостоятельномъ государствѣ", такъ какъ исторія не представляла такого примѣра въ судьбахъ Украины. Малорусскій народъ, обособленный этнографически, никогда, повидимому, не выразилъ тенденціи къ политическому обособленію, даже въ наиболѣе благопріятный для того моментъ—въ половинѣ XVII в. Едва ли могло быть мѣсто такой тенденціи со стороны народа и спустя болѣе чѣмъ полвѣка послѣ сего момента. Конечно, популярный властелинъ могъ до нѣкоторой степени развить въ народѣ такую тенденцію, но Мазепа такимъ властелиномъ не могъ быть потому, что онъ не пользовался никакою популярностью и вообще далеко стоялъ отъ народа, по условіямъ прежней своей жизни. Поэтому, намъ кажется, что Мазепа, замысливъ отложеніе отъ Русскаго государства, необходимо имѣлъ въ виду постоянную протекцію другого своего сосѣда. Выбора между Крымомъ и Польшею не было. Онъ долженъ былъ разсчитывать прикрыться тѣмъ же польскимъ крыломъ, какимъ полвѣка назадъ думалъ прикрыться и Выговскій. Программа обособленнаго политическаго бытія Малороссіи въ гадяцкихъ „пактахъ" была готова. А по доносу Кочубея, Мазепа ихъ читалъ передъ измѣной, и не одинъ, а въ присутствіи единомышленной ему старшины. Протекцію Польши имѣлъ въ виду Мазепа, когда совѣтовалъ Кочубею не торопиться съ выдачею дочери за Чуйкевича, а подождать, пока явится возможность выбрать жениха изъ числа шляхтичей „зъ лядской стороны" „*якъ будемъ зъ ляхами въ едности*". (Источн. Мал. Ист., Бант.-Кам., II, 101). Въ Польшѣ мы видимъ цѣль Мазепы послѣ того, когда онъ разсчитывалъ, при помощи Швеціи, освободиться изъ подъ ферулы Русскаго государства. Вотъ

чего хотѣлъ Мазепа!—сказали бы мы въ отвѣтъ на первый вопросъ г. Уманца.

Почему же не удалась измѣна?—Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ сначала на первые шаги Мазепинаго замысла въ его дѣйствіи, когда Мазепа 30 октября 1708 г., покинувъ Батуринъ, направился къ шведамъ. Г. Уманецъ видитъ стеченіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, явившихся послѣ того, какъ Мазепа открылъ свой замыселъ. Первая неудача заключалась-де въ томъ, что Карлъ рѣшилъ идти въ Малороссію, и слѣдовательно направлялъ за собою и армію русскую „на послѣднюю Украины руину". Затѣмъ, будто бы вступленіе шведовъ чрезъ Стародубскій полкъ было роковымъ какъ для шведовъ, такъ и для Мазепы. Это потому-де, что „этотъ полкъ позднѣе сдѣлался независимымъ отъ польскаго владычества, былъ менѣе *проникнутъ* козацкимъ духомъ и ранѣе всѣхъ другихъ вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ... Карлъ и Мазепа, разобщенные отъ Запорожья и приднѣпровскихъ полковъ, ограниченные предѣлами одного Стародубскаго полка, сразу очутились какъ бы въ мѣшкѣ. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, прежде всего отпадала вторая часть плана Мазепы—самостоятельное возстаніе южной Малороссіи и Запорожья... Но у Мазепы остается еще одинъ шансъ: быстрый переходъ шведовъ къ Батурину и далѣе, въ Полтавскій полкъ..." Но Карлъ „почему то медлилъ". Это обстоятельство было причиною, что „вмѣсто того, чтобы, выждавъ шведовъ (въ Батуринѣ?) въ кругу старшинъ, показавъ имъ на югѣ волнующееся козацкое море и поднимающійся народъ на сѣверѣ, идти далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа, Мазепа долженъ теперь самъ спѣшить къ шведамъ на сѣверъ, въ сомнительную Стародубщину, провожаемый отрядомъ *наполовину разбѣжавшихся козаковъ* и *двусмысленными взглядами населенія*, относительно равнодушнаго къ идеѣ независимой Малороссіи"... Къ довершенію полной неудачи, Меншиковъ обошелъ Мазепу и шведовъ и—истребилъ Батуринъ... „Узнавъ объ этомъ, Мазепа сказалъ: Украина устрашенная Батуриномъ, будетъ бояться

вмѣстѣ съ нами держаться".—Неожиданный приходъ шведовъ въ Малороссію если и нарушилъ планы Мазепы, то все же не долженъ былъ имѣть гибельнаго значенія для его дѣла, такъ какъ для осуществленія этого плана имѣлась въ виду главнымъ образомъ *сила* шведовъ, ихъ превосходство надъ русскимъ войскомъ. Сила эта осталась въ прежнемъ положеніи. Вступленіе шведовъ въ Малороссію чрезъ Стародубскій полкъ тоже, если и имѣло невыгоду для Мазепы, то не потому, что этотъ полкъ „ранѣе вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ" (Рославецъ не представлялъ собою полка и никакой солидарности между Рославцомъ и населеніемъ полка—*не было*), а потому, что полковникомъ въ немъ былъ Скоропадскій, въ которомъ Мазепа положительно ошибся: онъ не сомнѣвался въ единомысліи этого полковника, упустивъ изъ виду, что Скоропадскій былъ безличный и всего боявшійся человѣкъ; боялся онъ и Мазепы, находясь около него, но еще больше убоялся русскихъ войскъ, когда они явились въ Стародубщину. А тутъ прибавился и другой противникъ для Мазепы—новгородсѣверскій сотникъ Журавка. Вотъ эти два лица сильно помѣшали Мазепѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда онъ имѣлъ хотя какое-нибудь основаніе полагать, что послѣ объявленія своего рѣшенія идти на соединеніе къ шведамъ, онъ не встрѣтитъ „двусмысленныхъ взглядовъ населенія". Г. Уманецъ полагаетъ, что Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу отъ приднѣпровскихъ полковъ и Запорожья, а что еслибы Мазепа, соединившись со шведами въ Батуринѣ, „въ кругу старшинъ" и при наличности не „разбѣжавшихся еще козаковъ", перешелъ на югъ („въ Полтавскій полкъ"), то тогда явилась бы другая картина. Тогда, полагаетъ г. Уманецъ, „заволновалось бы козацкое море на югѣ, поднялся бы народъ на сѣверѣ (т, е. въ той же Стародубщинѣ), и Мазепа пошелъ бы далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа..." Никакихъ основаній для подобнаго представленія въ исторіи не имѣется... Если исключить Запорожье и нѣкоторые по-орельскіе городки (входившіе въ составъ Полтавскаго полка),то нигдѣ, а въ томъ числѣ и въ приднѣпров-

скихъ полкахъ, за все время восьмимѣсячнаго пребыванія шведовъ въ Украинѣ, мы не знаемъ ни одного случая, когда бы въ народѣ раздался хоть какой-нибудь „кликъ" сочувствія къ Мазепѣ или когда бы хотя незначительная группа того же народа проявила что нибудь похожее на „возстаніе" 1)... Дѣйствительно, народъ былъ „равнодушенъ къ идеѣ независимой Малороссіи", потому что эта идея не помѣщалась въ его сознаніи... Когда народу говорили о возможности освобожденія отъ „московской неволи", (если только говорили), то онъ, обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ, могъ видѣть только *неволю* польскую. Послѣдняя ему хорошо была знакома съ ея *панами*. Объ уніи мы не говоримъ, потому что уніи лѣвобережная Малороссія не знала, но *пановъ*—съ чужою религіей, съ чужимъ языкомъ и главное—съ безграничною ихъ властью, народъ хорошо помнилъ, потому что въ юридическихъ актахъ, при опредѣленіи событія извѣстнымъ временемъ, то и дѣло слышится изъ устъ народа—„то было за пановъ"; не говорили, что то было „за ляховъ" а именно—„за пановъ", потому что на лѣвомъ берегу Днѣпра не „ляхи" дали себя знать (т. е. не преслѣдованія, напр., религіозныя), а „паны", т. е. гнетъ экономическій. „Панами" опредѣлялось время польскаго владычества. Послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины и послѣ присоединенія послѣдней къ Москвѣ, народъ освободился отъ неограниченной власти *пановъ*-

1) Къ Днѣпру прилегали слѣдующіе полки: Кіевскій, Переяславскій, Лубенскій, Миргородскій и Полтавскій. Если къ нимъ присоединить небольшой Прилуцкій полкъ и южную часть Нѣжинскаго, то и явится *вся* степная Малороссія (такъ называемыя—*Поля*). Посему указаніе г. Уманца на приднѣпровскіе полки нѣсколько неясно. Не Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу съ *Полями*, а Нѣжинскій. Кромѣ Запорожья, участіе въ „измѣнѣ" Мазепы принимало отчасти и населеніе По-орелья, всегда находившееся въ единеніи съ ближайшими своими сосѣдями—запорожцами. (Это обстоятельство и было источникомъ для замѣчанія извѣстнаго епископа Мефодія, что „запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой"). Объ участіи по-орельскихъ городковъ въ „измѣнѣ" имѣются два свѣдѣнія: 1) у Костомарова („Мазепа", 520), объ „истребленіи всѣхъ жителей" Маячки и Нехворощи и 2) въ хроникѣ Крекшина (Библ. для Чтенія 1850 г., т. 97 п., отд. III, стр. 81), гдѣ читаемъ: „изъ Мячковъ (Маячки) измѣнники козаки ушли до Царичинки и тамъ засѣли, и для взятья оного мѣста посланъ бригадиръ Эгеймъ".

поляковъ. Если, на смѣну ихъ, къ началу XVIII в. и народились новые паны, то разница между ними и поляками была огромная: сколько селъ въ Малороссіи было *ратушныхъ*, вовсе не знавшихъ новыхъ пановъ, и какъ легки были переходы изъ одного села въ другое! Ничего не стоило покинуть жестокаго пана, нужно было лишь пожертвовать *грунтомъ*, а свободныхъ грунтовъ было много. Тяжелы были для народа лѣвобережной Малороссіи гетманскія междоусобицы, когда проходившія войска, свои, русскія, а подъ часъ и татарскія, „выбривали" [1]) цѣлыя села. Но съ уходомъ со сцены Брюховецкаго и Дорошенка, эти междоусобицы кончились. Послѣ этого, начиная съ Многогрѣшнаго, тяжела стала народу воинская повинность и содержаніе войскъ, какъ своихъ (охотницкихъ), такъ въ въ особенности русскихъ. Во всякомъ случаѣ, при сравненіи тѣхъ условій народной жизни, которыя имѣли мѣсто при полякахъ и которыя настали послѣ изгнанія ихъ,—нечего было и говорить, что народъ возвращаться къ „ляхамъ"—желать не могъ. Ферула „москалей" была гораздо легче: во второй половинѣ XVII вѣка народъ далеко отошелъ отъ того своего состоянія, которое давало полякамъ основаніе называть этотъ народъ *быдломъ*... Вотъ при такомъ то положеніи народа сравнительно съ недавнимъ его прошлымъ, замыселъ Мазепы оказывался дѣломъ чуждымъ этому народу. По этой причинѣ и не могла удаться измѣна Мазепы,—отвѣтимъ мы г. Уманцу, думающему иначе. Г. Уманецъ говоритъ, что „надежда найти въ Москвѣ управу на старшину рано заставляетъ народъ обратить сюда свои взоры" и что „украинскій народъ, даже не любя Москвы, тяготѣлъ къ ней и тормозилъ предпріимчивость старшины". Мы думаемъ, что г. Уманецъ ошибается: при Мазепѣ и раньше народъ еще не искалъ въ Москвѣ управы на старшину да и не могъ искать потому, что съ этою Москвою у него почти вовсе не было отношеній, если исключить 1666—68 годы. Народъ не чувствовалъ, повидимому, никакого влеченія къ „москалямъ" вслѣдствіе ужъ очень большого несходства въ характе-

---

[1]) Выраженіе того времени. См. Дн. Зап. Марковича, II, 10.

рахъ и домашней обстановкѣ, но Польши народъ боялся и къ Польшѣ онъ ни за что бы не вернулся... Вотъ гдѣ нужно искать, повторяемъ, главную причину несочувствія народа къ замыслу Мазепы. Несочувственно относилась къ замыслу Мазепы и старшина. Трудно, чрезвычайно трудно возстановить психологію той старшины, которая слушала присягу Мазепы и на что-то надѣялась, чего-то искала... Намъ кажется, что всѣ эти Ломиковскіе, Горленки, Максимовичи, Чуйкевичи, отцы семействъ и державцы богатыхъ маетностей, всѣ они были какъ бы подавлены своего рода внушеніемъ со стороны Мазепы... Всѣ эти патерфимиліасы жили вполнѣ обезпеченною жизнью, наслаждаясь властью, соединенною съ богатствомъ. Чего они могли опасаться?—что Москва „примется" за нихъ, какъ за своихъ враговъ"? (разговоръ Меншикова съ Мазепою въ Кіевѣ, въ 1706 г.). Думается, что для этого у „Москвы" не было никакихъ основаній. Подвыпившій Меншиковъ могъ высказывать свои задушенныя мысли, указывавшія его личную тенденцію возобладать богатою *маетностями* Украиною, но въ дѣйствіяхъ царя въ это время ничего еще не было видно, что бы указывало его намѣреніе „приняться" за старшину. Намъ кажется, что и старшина не могла искренно внимать Мазепѣ и если не противорѣчила ему, то потому, что почти лишена была способности разсуждать. Одинъ изъ вліятельныхъ людей въ кругу первостепенной старины, генер. обозный Ломиковскій („лысый чортъ") относительно замысловъ Мазепы, такъ говорилъ среди собратовъ: „куды-де его милость добродѣй, туда и намъ треба". (Источн. Мал. Ист., II, 113). Орликъ говоритъ, что два полковника (Апостолъ и Горленко) бывшіе „начальнѣйшими" и „паче иныхъ болшое до Мазепы дерзновеніе имѣвшіе", особенно настаивали у гетмана на томъ, что дальше-де невозможно оставаться подъ властью „Москвы" и необходимо перейти скорѣе къ осуществленію замысла. Что касается Апостола, то это былъ своего рода мечтатель, и очень возможно, что онъ былъ искренно расположенъ къ замыслу. Не смотря на свой личный антагонизмъ къ Мазепѣ, Апостолъ былъ единомышленникомъ послѣдняго въ

замыслахъ объ измѣнѣ, будучи раздражаемъ тою тяготою, которую народъ испытывалъ отъ московскихъ „консистентовъ“, а съ другой стороны—по личному своему характеру, ничего не загадывая о дальнѣйшемъ будущемъ Украины... Горленко былъ „подъуфалымъ сыномъ“ Мазепы и во всемъ вторилъ патрону... Другая старшина, повидимому, молчала, прійдя къ одному заключенію, что „куды его милость добродѣй, туды и намъ треба“... Но внутреннее разъединеніе старшины съ гетманомъ обнаружилось уже черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она молча пошла за своимъ регимантаремъ изъ Батурина къ шведамъ... Съ одной стороны „разбѣжавшіеся козаки“ (т. е. войско), а съ другой „двусмысленные взгляды населенія“ сразу показали старшинѣ, что замыселъ ихъ гетмана въ народѣ не отозвался ни однимъ откликомъ и явился личною авантюрою стараго гетмана, не хотѣвшаго забыть Польшу...

Способность малорусскаго народа къ политическому самочувствію доказана возстаніемъ Хмельницкаго. Съ одной стороны, тяжесть польскаго ярма, а съ другой стороны, прямая цѣль всѣхъ дѣйствій Хмельницкаго—снять съ народа это ярмо,—воодушевили малорусскій народъ въ половинѣ XVII в., и его возстаніе тогда стало общимъ. Могло ли быть что-нибудь подобное при Мазепѣ?—Съ одной стороны, неясность для народа той цѣли, къ которой стремился Мазепа, а съ другой—полная отчужденность гетмана отъ народныхъ интересовъ,—не могли дать никакихъ положительныхъ результатовъ въ „измѣнѣ“ Мазепы, которая поэтому и является въ исторіи Малороссіи личною авантюрою Мазепы, повторившаго такую же авантюру своего предначинателя Выговскаго.

Обѣляя Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что „вообще онъ не былъ золъ“ и что „лишняя жестокость не въ его характерѣ“ (стр. 371 и 374). Исторія не сохранила намъ частностей ни о добрыхъ, ни о злыхъ дѣлахъ Мазепы. Но можно предполагать, что Мазепа могъ спасти Григорія Самойловича отъ казни и во всякомъ случаѣ могъ устранить ужасную жестокость этой казни („голову оттяли, рубаючи разовъ три—задля болшой муки“, Са-

мовид., 79). Есть указаніе на мстительность Мазепы, напр., въ его отношеніяхъ къ Василію Борковскому и Константину Солонинѣ...

Разрѣшая послѣдній вопросъ, касающійся „измѣны“ Мазепы—какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ?—г. Уманецъ говоритъ: „измѣна временъ Мазепы, съ ея неудачнымъ концемъ, была необходима для того, чтобы, разъ навсегда, *покончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу.* Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя обязательны въ начальный періодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро выработалась новая формула патріотизма“... (стр. 406). Такъ ли это?—Имѣетъ ли историкъ основаніе выводить подобное заключеніе изъ тѣхъ фактовъ, которыми сопровождалась Мазепина „измѣна“?—Намъ кажется, что нѣтъ, и вотъ почему: „масса“ въ „иллюзіяхъ“ Мазепы и ближайшихъ его наперсниковъ—не участвовала, а потому и не отъ чего ей было отрезвляться; одинаково и „народному чувству“ не было повода старую дорогу (какая бы она ни была) мѣнять на „новую“. Старшинскія „иллюзіи“ дали народу лишь новыя причины для упрековъ противъ нея, потому что ближайшими результатами Мазепиной „измѣны“ явились: огромная убыль народныхъ силъ, какъ слѣдствіе шведской „руины“ и сильное умаленіе автономіи края.

Что же слѣдуетъ сказать въ концѣ концовъ о результатахъ взятаго на себя г. Уманцомъ „пересмотра стараго, забытаго дѣла“ (предисл.)?—Разставаясь съ книгою Ф. М. Уманца, мы лично пожалѣли, что для этого „пересмотра“ авторомъ употреблено, видимо, недостаточно времени, а это не дало ему возможности ближе познакомиться съ соціальнымъ бытомъ лѣвобережной Малороссіи въ втор. полов. XVII в.; его изученіе за послѣднія два-три десятилѣтія настолько подвинулось впередъ

что историку уже видны главныя черты тогдашней *народной жизни* съ ея положительными и отрицательными сторонами. Намъ кажется, что при большемъ времени г. Уманецъ если и не смогъ бы смыть съ Мазепы „темныхъ красокъ", то во всякомъ случаѣ представилъ бы намъ его время въ болѣе вѣрномъ освѣщеніи, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги г. Уманца мы видимъ, что его освѣщеніе не всегда вѣрно.—Возьмемъ для примѣра указаніе г. Уманца на состояніе грамотности въ Малороссіи втор. полов. XVII в. Вотъ что̀ онъ говоритъ по этому предмету.—„Уваженіе науки и *желаніе показаться* безграмотнымъ какъ то мирно уживаются въ Малороссіи того времени. Такое странное сочетаніе требуетъ объясненія. Прежде всего, въ Малороссіи *какъ будто бравируютъ безграмотностью.* Даже несомнѣнно грамотные старшины, случалось, поручали за себя расписываться. Такъ, напр., при выборѣ Самойловича, за полковника Дмитрашка Раича—серба по происхожденію и сербская грамотность котораго видна изъ другихъ актовъ, расписывается козакъ Бувайло. Подобное, но еще въ большемъ размѣрѣ видимъ на Запорожьѣ..." Примѣръ Запорожья—„городамъ" не указъ, скажемъ мы. Въ Запорожьи жили „характерники", въ обиходѣ которыхъ дѣйствительно практиковались разныя причуды, съ помощью которыхъ запорожцы хотѣли прослыть хитроумными Улиссами; но въ гетманщинѣ указываемаго г. Уманцомъ явленія, повидимому, вовсе не было... Примѣръ Дмитрашка не годится уже и потому, что это былъ *сербъ*, а затѣмъ умѣніе писать сербскія каракули [1]) еще не обозначало той грамотности, съ которою Дмитрашко могъ безъ стѣсненія дать свою подпись на актѣ объ избраніи гетмана. Утверждаемъ, что не было „такой моды", а слѣдовательно не могло быть и мотивовъ ея. „Гетманы и старшины или пишутъ, какъ калиграфы, или объявляютъ себя неграмотными", говоритъ г. Уманецъ, при чемъ какъ на объявившаго себя неграмотнымъ указываетъ на гетмана Михайла Дорошенка (1625 г.), не имѣя ни малѣйшихъ дан-

[1]) Снимокъ съ нихъ см. въ Кіевск. Стар. 1893 г., апрѣль, 28. Этими *каракулями* написано: *„Дмитрашко Райца рукоо свою пописуу"*.

ныхъ для заключенія о его грамотности [1]). „Однимъ изъ мотивовъ такой моды, читаемъ далѣе у г. Уманца, служитъ желаніе дать себѣ наиболѣе демократическій оттѣнокъ. Какъ теперь, государственные люди Америки охотно приписываютъ себѣ карьеру чернорабочаго, такъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, *возникъ запросъ на людей, проложившихъ дорогу безъ книжнаго образованія* (?). Другой мотивъ—въ выгодахъ безграмотности. Она давала козаку XVI вѣка (XVII-го?) возможность не подписать такую бумагу, *за которую въ недалекомъ будущемъ приходилось отвѣчать головою* (?). *Этимъ объясняется поразительное множество подписей „за неумѣющихъ грамотѣ" на актахъ, совершенныхъ во время поѣздки Брюховецкаго въ Москву.* Какъ будто, для поѣздки въ Москву, Брюховецкій нарочно бралъ лицъ, незнакомыхъ со школой! Но люди, сопровождавшіе Брюховецкаго, *просто не хотѣли подписывать* документъ, которымъ гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ челомъ ударили великому государю всѣми малороссійскими городами и съ уѣзды", и вдругъ, повально, почти всѣ оказались неграмотными" (стр. 108). Обращаемся къ этому документу и видимъ, что изъ высшихъ урядниковъ неграмотными значатся: ген. обозный Цесарскій, генер. судья Петръ Забѣла, генер. есаулы Василій Федяенко и Павелъ Константиновъ, генер. бунчучный Иванъ Михайловъ, генер. хоружій Николай Яковлевъ и полковники: переяславскій (наказный)—Романенко, нѣжинскій,—Гвинтовка, зеньковскій—Шиманенко, бывшій стародубскій—Петръ Рославецъ и бывшій полтавскій—Гуджолъ. (Источн. Малор. Ист., Банг.-Кам., I, 189—139). Но тутъ же, на этомъ актѣ, видимъ и грамотныхъ: кіевскаго полковника Василія Дворецкаго, лубенскаго—Григорія Гамалѣю и „посланца" отъ полка Черниговскаго—Ивана Домонтовича (ошибочно назван-

---

[1]) Сдѣлана ссылка на то мѣсто „Богд. Хмельн." Костомарова (I, 83), гдѣ сказано: „новоизбранный гетманъ Михайло Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Бурчевскій) присягнулъ на вѣрность"... Рѣчь идетъ о договорѣ, заключенномъ между польскими коммиссарами и козаками у оз. Курукова. См. Арх. Ю. З. Россіи, ч. III, т. I, стр. 284—292. Значитъ, по мнѣнію г. Уманца, Мих. Дорошенко долженъ былъ быть грамотнымъ потому только, что онъ былъ гетманомъ...

наго Ромонтовымъ), будущаго генер. судью.—Г. Уманецъ говоритъ, что повальное неграмотство явилось именно среди лицъ, поѣхавшихъ съ Брюховецкимъ въ Москву, но на „статьяхъ" постановленныхъ съ гетм. Брюховецкимъ" *въ Батуринѣ*, въ ноябрѣ 1664 г., видимъ тѣхъ же неграмотныхъ: генер. обознаго Цесарскаго, генер. судей Незамая и Петра Забѣлу, генер. есауловъ Афанасьева и Нужнаго и полковниковъ: прилуцкаго Песоцкаго, нѣжинскаго Гвинтовку, лубенскаго Вербицкаго, зеньковскаго Шимана (Шиманенка—тожъ) стародубскаго Плотника и полтавскаго Гуджола, (стр. 129—130). А кіевскій полковникъ Дворецкій и тутъ показываетъ сеяя грамотнымъ.—Слѣдовательно не въ Москвѣ только являлось „повальное" безграмотство. Но къ этому мы должны добавить, что изъ ѣздившей въ Москву старшины *дѣйствительная* неграмотность намъ извѣстна по другимъ актамъ—генер. судьи Петра Забѣлы и полковниковъ Гвинтовки и Рославца, а изъ лицъ, подписавшихъ актъ 1664 г. дѣйствительно неграмотными были полковники Вербицкій, Песоцкій, и Плотникъ. Остальная старшина, показанная неграмотною, конечно таковою и была. Да, трудно было и быть иною старшинѣ Брюховецкаго, поставленной, по выраженію Грабянки [1])—„зъ гультяйства запорожсквго", на что указываетъ и Самовидецъ, говоря, что эти полковники были назначены Брюховецкимъ вслѣдъ за поставленіемъ его на гетманство: „и выйшовши зъ церкви (послѣ присяги), Брюховецкій того жъ дня своихъ полковниковъ понастановлялъ *зъ тихъ людей, которые зъ нимъ выйшли зъ Запорожа, по усьхъ городахъ* (стр. 41). Нисколько неудивительно поэтому, что старшина Брюховецкаго почти „повально" была неграмотною. Но повторяемъ, что и до Брюховецкаго среди генеральной старшины и полковниковъ *очень часто* были люди неграмотные, а въ средѣ низшей старшины безграмотство было почти „повальное". Никакого, поэтому „сокрытія грамотности" въ Малороссіи подозрѣвать нельзя.

---

[1]) Опущенное въ печати мѣсто на стр. 196. См. Кіевск. Стар. 1891 г., нояб. 298.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ одно добавленіе къ свѣдѣніямъ о матери Мазепы, полученное нами уже тогда, когда мы оканчивали наши „замѣтки". Еще Максимовичъ (Соч., I, 200 и слѣд.) отмѣтилъ, что въ числѣ лицъ, записанныхъ въ именной „Реестръ" луцкаго правосл. братства, значится и „Марина Мазепина", но какая это была Мазепина—не поясняетъ. На дняхъ мы узнали отъ О. И. Левицкаго, что указанный Максимовичемъ подлинный „Реестръ" хранится въ библіотекѣ Кіевской Археографической Коммиссіи, и обратившись къ этой рукописи, на обор. 11-го листа нашли такую запись: „Марина Мазепина, подъчашина черниговска". Изъ указанія на чинъ ея мужа, мы видимъ, что это была жена (или вдова) *подчашаго черниговскаго*, т. е. Адама Мазепы, а слѣдовательно, это была *мать гетмана Мазепы*. Записана „Мазепина" въ „Реестръ" постороннимъ лицемъ потому, что почеркъ записи совершенно отличенъ отъ дѣйствительнаго почерка матери гетмана, снимокъ съ котораго приведенъ у насъ выше, и кромѣ того, запись сдѣлана *русскими буквами*, а такъ какъ въ 1701 году, уже будучи игуменьей, Мазепина подписывалась польскими буквами, то слѣдуетъ думать, что мать гетмана порусски писать не умѣла, какъ это тогда было въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ изъ записи луцкаго братскаго „Реестра" мы видимъ, что мірское имя матери гетмана было Марина.

А. Лазаревскій.

СЕЛИМОВЕЦЪ.

I.

Въ южномъ концѣ Харьковской губерніи, въ углу, образуемомъ рѣкою Донцомъ и Бахмуткою (его правымъ притокомъ), лежитъ степная мѣстность, очень благодатная: почва здѣсь состоитъ изъ хорошаго суглинка и чернозема, а вдоль Донца разстилаются тучные луга; на тѣхъ лугахъ красуются то въ одиночку, то группами сосны, тополи, вéрбы, лóзы; а за ними, у самой рѣки, синѣетъ лѣсъ—и конца ему не видно. Онъ смотрится въ рѣку—глубокую, чистую и быстро текущую. Тамъ, въ дальнемъ разстояніи къ западу, верстахъ въ 10 отъ Донца, луга сливаются съ основаніемъ высокаго и почти отвѣснаго Донецкаго кряжа, въ долинѣ котораго течетъ Бахмутка. Пространство вдоль Бахмутки совершенно безлѣсное, но тоже очень красивое: на горизонтѣ, куда ни взглянешь, рѣютъ длинные-длинные пологіе холмы и долы, прихотливо расположенные, покрытые зеленымъ травянистымъ ковромъ, пестрѣющіе тамъ и сямъ бѣлыми полосами мѣлового грунта. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ возвышенная равнина отвѣсно спускается къ лѣвому берегу Бахмутки. Отъ рѣки къ сѣверу на разстояніи 2—3-хъ верстъ равнина постепенно понижается до подножія высокой мѣловой цѣпи Донецкаго Кряжа. Въ долинѣ, у основанія этой цѣпи, расположено село *Селимовка* (оно-же Шаховка).

Верстахъ въ семи отъ Селимовки къ сѣверу, у подножія той-же цѣпи находится поселеніе „Рѣзниковые Хутора".

Въ семидесятыхъ годахъ настоящаго вѣка поселеніе это состояло почти изъ трехъ сотенъ казенныхъ крестьянъ, предки которыхъ пришли сюда изъ Гетманщины. Рѣзниковцы—люди очень зажиточные. Незнавшіе крѣпостной зависимости, они были весьма трудолюбивы, а земли у нихъ много, и земля та очень плодородна. Донецъ—рукою подать; а у Донца роскошные луга, лѣса и гаи. Всего вдоволь у нихъ: всякаго хлѣба, скота и разнаго хозяйственнаго добра. Землею владѣютъ Рѣзниковцы сообща и живутъ тихо и мирно. Каждый хозяинъ пользуется столькимъ количествомъ земли, сколько душѣ его угодно.

Вотъ въ этотъ тихій и мирный уголокъ явился панъ. Это было въ послѣдней четверти прошлаго вѣка. Онъ назвалъ себя Александромъ Шаховымъ, родомъ изъ Гетманщины, малороссійской породы; прикинулся бѣднымъ, несчастнымъ и обиженнымъ; по злобѣ и зависти полковая старшина отняла у него маетность; просилъ у Рѣзниковцевъ *невеличкого шматка* земли, чтобы было гдѣ *прытулытысь* ему, имѣть спокойное житіе, да съ холоду и голоду не пропасть.

Довѣрчивые Рѣзниковцы сочувственно отнеслись къ незнакомцу.

— А земельки у васъ, Слава Тебѣ Господи, есть, я слыхалъ, не мало! говорилъ Шаховъ.

— Та земли е, Слава Тоби Господы!

— Далы-бъ вы мени трошки земельки, хоть шматочокъ, щобъ, якъ кажуть, голову прытулыть було де! Я-бъ вамъ за тее заплатывъ, скилько положите...

— Чомъ не даты бидному чоловикови! Ось помиркуемо мижъ собою, тай дамо якій шматокъ!

— А тимъ часомъ чи позволыте маненьке угощеніе вамъ зробыть за вашу ласку?.

— Чомъ не позволыть! Робить, якъ це не буде обидно вамъ.

— Отто! Для добрыхъ людей и послидню копійку рубомъ поставлю!

— Що-жъ вы зъ тою землею будете робыты и за вищо вы купыте іи, якъ у васъ кишеня пуста?

— Та я-жъ не зовсимъ якъ бы то ныщій! У мене трошки худобы е́сть, та де-яка сотня рубливъ есть,—прыпрятавъ, бачите; а то-бъ и те заграбувалы!

Вралъ пришлецъ; а у него была туго набитая *кишеня.*

— Робить угощеніе!.. Дило добре! А мы помиркуемо—говорили Рѣзниковцы.

Пока Рѣзниковцы *миркувалы* между собою о дарованіи Шахову *шматка* земли, онъ, пріютившись у одного изъ нихъ, приготовилъ приличное угощеніе!

Пригласилъ къ себѣ десятка два наиболѣе вліятельныхъ людей, задалъ имъ преизрядное количество *горилки* и *меду*, съѣли *баранця*, была поросятина и многое другое лакомое. Не забылъ пришлецъ и бабъ: этихъ онъ угощалъ все медкомъ да *любенько* припрашивалъ ихъ. А жена его все кланялась бабамъ да *частувалась* съ ними, *любенько* упрашивая выпывать *солодкого.* Чрезвычайно какъ понравились Рѣзниковцамъ Шаховы—мужъ да жена. Особенно пріятное впечатлѣніе произведено было, когда эта жена пошла танцовать съ ними козака.

Во время веселаго пира Рѣзниковцы опредѣлили отвести любезному гостю *шматочокъ* земли десятинъ двадцать пять.

— Живить соби на здоровье та корыстуйтесь! Мы чоловику доброму та сусиду тыхенькому ради!—говорили Рѣзниковцы, увлеченные любезнымъ угощеніемъ отъ гостя, принятаго ими къ себѣ въ сосѣди.

Послѣ пира Шаховъ занялся устройствомъ усадьбы: поставилъ *будынокъ,* развелъ садокъ, насадилъ всякихъ овощей, вспахалъ и засѣялъ поле.

Шаховъ и жена его трудились въ потѣ лица на отведенномъ имъ клочкѣ, что нравилось Рѣзниковцамъ; а еще болѣе нравилась Рѣзниковцамъ привѣтливость Шаховыхъ. Когда кто-нибудь изъ хуторянъ заходилъ къ нимъ по дѣлу или случайно, всегда любезно былъ принимаемъ и изрядно угощаемъ. Во дни-же именинъ, въ лѣтніе и осенніе праздничные дни частенько

Шаховъ приглашалъ къ себѣ рѣзниковскую громаду на чарочку вина; но какая это была чарочка! Пиръ—горою, дымъ—коромысломъ въ домѣ и во дворѣ у него.

Въ ближайшемъ городѣ Изюмѣ Шаховъ тоже завелъ хорошія знакомства, подарочками да угощеніями снискалъ къ себѣ благорасположеніе нужныхъ ему чиновныхъ особъ.

Такъ прошло два года. Шаховъ нашелъ возможнымъ приступить къ совершенію давно задуманнаго дѣла: почва для этого дѣла была достаточно подготовлена. Онъ съ нѣкоторымъ трепетомъ дожидался своихъ именинъ: думалъ, что именины будутъ очень удобнымъ моментомъ для дѣла.

— Мабуть, и теперечки сусидъ нашъ зробе добри именыны, якъ и перше!—Теперечки, мабуть, будутъ ще бильшъ гарни именыны! Бо винъ за нашу ласку все бильшъ до насъ прыхильный становытся!—Такъ толковали между собою Рѣзниковцы, высчитывая по пальцамъ день именинъ ихняго *прыхильного* сосѣда.

Сосѣдъ Шаховъ уже за недѣлю началъ готовиться къ самому великолѣпному празднованію дня ангела своего.

— Бачъ, якъ мы угадалы! Тамечки, братьци, у двори у Шахова таке робытся!.. Три куфы горилки прывизъ, меду такого багацько варять, чотырёхъ кабанивъ заколовъ, зъ десятеро валашкивъ зарызавъ, тарани та чахони та оселедцивъ ажъ два возы набравъ!..

— Оце такъ-та́къ!.. То булы дуже весели именыны, а ци будуть, мабуть, вже таки весёли, що и загадаты не можно!

— И що то воно значить, що винъ дуже прыхильно угощае насъ?

— А значится, винъ хоче намъ выкласты усю свою душу! Дуже, значится, люде насъ!

Такъ разсуждали между собою Рѣзниковцы, примѣчая, какъ готовится Шаховъ къ именинамъ.

Насталъ день именинъ. Съ ранняго утра къ Шахову начали собираться Рѣзниковцы. Въ раннюю обѣденную пору

началось угощеніе. Обѣдъ длился добрыхъ часа три. *Горилка* изъ куфъ серебристой струей лилась, медъ пѣнился въ *поставцяхъ* и ковшахъ, рѣчи веселыя рѣкой текли и шумѣли. Съ *горилкой* Шаховъ придерживался: такъ, чарокъ по десяти только хватили; для предстоящаго дѣла надобно было, чтобы люди *не попилися* преждевременно.

—Спасыби вамъ, Александръ Грыгоровычъ, що вы такъ любенько, та гарненько, та смашненько угощаете!!

—Пошлы вамъ, Господи, такого щастя, що вже луччого щастя и нема на свити Божому! говорили гости.

— Спасыби и вамъ, люде добри!.. Э, я ще-бъ лучче прыймавъ добрыхъ людей, якъ бы було мени де розвернутысь!... Булы-бъ оттутъ на столи фазаны и венгерьске оттутъ шумило-бъ.

— О, тай добре-жъ це выно! Вже таке браве, що мабуть на свити луччого й нема! Якъ прыйиздывъ я до гетьмана у Глухивъ, та куштувавъ венгерське! Якъ выпывъ чарку, такъ, братци, вси жижки у мене затрусылысь, пеначе-бъ то мене смашненька молодычка поцилувала!—сообщилъ Михайло Прищепа, старый бывалый козакъ.

Ой, тай выно-жъ! Яке-жъ воно солодке та крипке! воскликнули другіе.

— А що-жъ-то воне таке—хвазаны? Що вже це за штука?

— А птыця така! Вона сяе, якъ сонце, якъ жаръ блыщить а въ роти такъ и тае! объяснилъ Шаховъ.

— Жаръ-птыця, чи що?

— Ото-то, ото вона сама! подтвердилъ Шаховъ.

— Оце така дывовына, братци!.. Та и якъ іи знайты и якъ іи піймать?—Эге! іи ніякъ не піймать! утверждали другіе.

— До чого люде не доходять? До всёго люде теперечки доходять! объяснилъ глубокій старикъ Тарасъ Соловина.

— Такъ ось чимъ васъ, добрящихъ людей я угостывъ-бы, якъ бы було де мени розвернутысь! повторилъ Шаховъ.

— Якъ розвернутысь?

— А такъ значить, якъ бы у мене було хоть трошки бильшъ земли! Якъ-бы вы далы мени ще трошки земли! У васъ земельки есть, Слава Богу! Якъ можно, прырызалы-бъ мени яку десятынку!

— Чомъ не можно! Доброму чоловикови, Александру Грыгоровычу, удовольствіе треба зробыть! Прырижемо, братци, яку десятынку Александру Грыгоровычу?

— Чомъ не прырізать! Якъ прырызать—той прырызать! Значится, за добро добромъ!

— Ото спасыби, люде добри, за вашу ласку! кланяясь благодарилъ добрыхъ людей Александръ Григорьевичъ.

По этому случаю выпили шумно круговую чару. Обѣдъ кончился. Не успѣли встать изъ-за столовъ, какъ загудѣлъ бубенъ, зазвучала бандура, раздались пѣсни, зашумѣли танцы.

Рѣзниковская громада, мужчины и женщины, раздѣлились на группы.

Пили медъ и заѣдали сластями. Александръ Григорьевичъ собралъ возлѣ себя кучу наиболѣе вліятельныхъ хуторянъ, угощалъ ихъ то медомъ, то славнымъ яблочнымъ квасомъ, да все ладилъ одно и то-же.

— Отъ якъ-бы мени хоть трошки земельки! Тоди-бъ я, люде добри, захазяйнувавъ на вси лады! Якъ бы можно было дать мени хоть стилечки земли! говорилъ Александръ Григорьевичъ и показалъ мизинецъ.

— Чомъ не можно! Хиба вона у насъ купована, чи що! говорили многіе.

— Шо тамъ трошки! Якъ даваты—такъ даваты, щобъ знать було! Хиба у насъ земли мало, чи що!? Земли у насъ выдымо-невыдымо!

Такъ хмѣльные головы развивали вопросъ, поставленный Александромъ Григорьевичемъ.

— Велыке спасыби, добри люде! говорилъ Шаховъ, кланяясь добрымъ людямъ и подливая имъ въ ковши медъ.

— Такъ, значить, дасте мени яку десятынку?

— Дамо! Дамо!

— Та що тамъ—яку десятынку!..

— Отмиряемо, братци, скильки души нашій захочется!—кричали хмѣльныя головы.

— Колы-жъ вы будете одмирять? вкрадчиво спросилъ Шаховъ.

— Та колы?.. завтра, абб-що! сказали нѣкоторые.

— Та воно завтра якось не ладытся! На похмилье якось важко! поставилъ на видъ Тарасъ Солонина.

— Эге, справди, що воно такъ!

— Знаете, що братци? заразъ оце визьмемось—тай одмиряемо! Якъ даваты, такъ зразу даваты! возгласилъ Степанъ Зозуля, схватившись съ ослона, сильнѣе другихъ раскраснѣвшійся отъ меду.

— Якъ такъ—зразу? спросили.

— Та такъ! пійты заразъ, тай одмирять! хиба воно довго, чи що!—объяснилъ Зозуля.

— Оце саме добре! подхватили немногіе.

— Пидъ веселу руку воно якось дило буде и скорійше, и прямійше и смашнійше!—медленно и громко преподалъ наставленіе старикъ Василій Рудый, не глядя ни на кого, какъ бы разсуждая самъ съ собою, причемъ слегка пошатывался на ослонѣ, и на усахъ его искрились капли меда.

— Бачите, и Васыль каже! Винъ слова даромъ не выпусте! Винъ усе мудре каже! кричалъ Зозуля.

— Пидъ веселу руку усяке дило робытся и спишно, и утишно! пояснилъ Рудый, погружая усы въ медъ.

— Воно и справди! Заразъ будемо миряты! Якъ мирять—такъ мирять! закричало большинство.

Пока шло это совѣщаніе, Александръ Григорьевичъ не промолвилъ ни единаго словечка; онъ все только подливалъ въ ковшики то меду, то яблочнаго квасу.

— Александръ Грыгорьевычъ! Оце мы порадылысь, та заразъ одмиряемо вамъ яку десятынку! сказала застольная компанія.

— Люде добри! Я вже не знаю, якъ и дякувать вамъ! сказалъ Шаховъ низко кланяясь. Помолюсь Богу, щобъ Богъ внушивъ моему сердцю пиднесты вамъ велыку та превелыку благодарнисть!

— А тимъ часомъ ось давайте намъ цыпивъ та килкивъ! А може у васъ нема?

— Есть, есть! И метнулся Шаховъ къ сараю. У него наготовѣ были и цѣпи, и колья. Не прошло двухъ минутъ, какъ явились снаряды для отмѣриванья земли.

— Будемо рушаты! сказали, вставая изъ-за столовъ.

Рушили медленно. Одни пустились танцовать козака вокругъ *молодыць* и *дивчатъ*; другіе искали своихъ женъ, чтобы *пидъ веселу руку* обнимать и цѣловать ихъ; третьи выискивали меду и квасу. Наконецъ, громада съ кольями и цѣпями вышла со двора. Стали совѣщаться, гдѣ отмѣрять. Рѣшили начать вблизи двора и идти по направленію Бахмутки въ двѣ стороны, двумя партіями, одна—направо, другая—налѣво.

Началось отмѣриванье. Лѣниво забивались колья, медленно протягивались цѣпи.

— Писля такого обида воно якось не тее! сказали нѣкоторые.

— Якось важко!..

— Якось воно буде дуже довго! говорили.

Эге, якось така одмирка—не тее!

— Оце буде сама лучча одмирка! воскрикнулъ Зозуля, быстро схвативъ съ головы шапку и такъ сильно махнувъ ею, что она съ шумомъ полетѣла довольно далеко. Зозуля побѣжалъ вслѣдъ за шапкой.

— Оце такъ-такъ!

— Отъ ловку штуку выдумавъ!

— Тай брава-жъ яка выдумка!

— Весела штука! И дило зробымо и протрусымось, бо засыдились за обидомъ!—заорала толпа.

Множество шапокъ и брылей закружилось въ воздухѣ. Люди помчались въ догонку за ними.

— Чорта зъ два! Не выпередышь мене!

— Адже и швыдкій, катъ его ма!

— Ось якъ! крикнулъ Гаврило, взмахнувъ брылемъ, и брыль далеко понесся, подхваченный вѣтромъ.

— Оце такъ шпурнувъ!

— А я ще ось якъ! заоралъ Уласъ; шапка его полетѣла, какъ пуля.

— Адже и прутко поперъ! весело возгласили.

Такъ увлеклись Рѣзниковцы состязаніемъ въ бѣгѣ и въ метаніи шапокъ.

— Дывысь, що роблять! Неначе зъ ума посходылы!

— Чи тожъ-таки у такій часъ та таке дило хиба роблять люде?

— Одмирять земли, та ще й шапкамы! Ачъ играшку яку завелы! Неначе мали диты! Такъ говорили бабы, которыхъ тоже хорошо угостила Шахова медомъ да сластями!

— Та то воны шуткують! говорила Шахова, продолжая угощеніе.

— Хиба що такъ! Якъ шуткують, то воно ничόго—соглашались бабы.

Шаховъ не ожидалъ столь пріятнаго развитія дѣла. Глядя на происходящее, отъ прыгалъ отъ радости. Надо посодѣйствовать этому, надо поддать жару. Быстро приготовилъ онъ двѣ повозки, нагрузилъ ихъ кольями, закусками, баклажками и боченками. На одной повозкѣ самъ сѣлъ; а другую поручилъ своему вѣрному и расторопному слугѣ Паньку.

— Ты-жъ, Панько, бижи за тымы, що ударылысь до Донця! Якъ нагонышь ихъ, то почастуй ихъ,—нехай одпочинуть. Та прыдержуйся—багацько не давай: бо якъ попьются, той дила не дороблять! Та ладь такъ, щобъ частише прысидалы. А де прысядуть, ты килка и забый!

— Добре! сказалъ Панько, понявъ суть наставленій.

Двѣ повозки разомъ помчались со двора.

— Та гляды, килкивъ не забувай забывать! Килкивъ не забувай! Чуешь? кричалъ Шаховъ Паньку.

— Чую!.. Добре!..

Приближаясь къ состязательной компаніи, Шаховъ вытянулъ руку вверхъ и показалъ компаніи чарку.

— Ти—и! ловка штука яка! восклицали всѣ.

— Въ чистимъ поли—на роздоли погуляють козаки! Потанцюють, зацокочуть и чарки!—отчеканивалъ Зозуля, отплясывая въ присядку козака.

— Що? Що се таке? спрашивали Шахова, когда онъ приблизился.

— Бачите, що! сказалъ онъ, указывая на грузъ въ повозкѣ.

— Тай славна-жъ выдумка яка!

— Александръ Грыгоровычъ що выдума, такъ неначе масломъ помаже!

— А нуте, братци, по чарочци! возгласилъ Александръ Григорьевичъ.

Началось *по чарочци*.

— Дай-же, Боже, щобъ вамъ ще краще було у насъ житы! Пошлы вамъ, Господы, усякого добра та щастя! говорили Рѣзниковцы.

— Спасыби, люде добри! Спасыби!—отвѣчалъ Шаховъ, кланяясь низенько.

Давши двѣ чарки, Шаховъ прекратилъ угощеніе. Онъ занялся лошадью: внимательно и кропотливо выправлялъ гриву и упряжь.

— Куды-жъ вы теперь? спросили его.

— Куды вы, туды й я!

— Щожъ, пробижимось ще!? крикнули нѣкоторые.

— Адже пробижимось!

— А ну, братци, навыпередки! Хто кого выпередыть тому перша чарка!

Помчались *навыпередки*, съ какимъ-то азартомъ бросая впередъ шапки и брыли. Шаховъ, когда компанія побѣжала, забилъ скоренько столбикъ на мѣстѣ остановки да и потрюхалъ,

держась сзади въ нѣкоторомъ отдаленіи. Пробѣжали добрую версту. Послѣдовала вторая остановка и угощеніе.

— Отъ якъ-бы тутечки було зо дви чи зо три молодычки! Отъ бы ловко було тутечки потанцюваты!.. Ще веселійше було-бъ за бабáмы! замѣтилъ кто-то.

— Хе—хе,яка-жъ славна штука була-бъ!.. Цебъ вже була така ловка выдумка, що хто его зна и яка! подхватили другіе.

— Э, подумалъ Шаховъ, вы здѣсь съ молодицами залюбезничались-бы и затанцовались—и дѣла не сдѣлали-бы.

— Ще буде время потанцюваты! сказалъ онъ. Ось сáма лучча баба!—И показалъ чарку.—Ця николы не кусá! А та часомъ и укусе!

— Ловко сказано! До дила сказано! Це сама суща правда, заключили.

— А ну, поцилуймося зъ ціею бабою!

Выпили по чаркѣ.

— Далеби, що не куса!

— Эхъ, що такъ—то такъ! Чарка меду лучче бабы—въ самый смакъ! приговаривали, кружась и пускаясь въ присядку.

Бѣги съ бросаніемъ шапокъ все уменьшались по длительности. Было нѣсколько остановокъ для отдохновенія. Направленіемъ бѣговъ руководилъ именинникъ, забивая столбики на каждомъ остановочномъ пунктѣ.

Панько на другомъ концѣ работалъ тоже съ немалымъ успѣхомъ.

— Крипки, крипки на ногахъ! Никого буде пидбираты!—кричали ему издали.

— Той добре, що крипки! Ось по чарочци пропустить!—объявилъ Панько, подъѣхавъ.

— А, тай пидходяще-жъ дило яке! воскликнули.

Панько выставилъ баклажки и угощалъ разными настойками.

— А-ну мерщи, давай ще! просили Панька, выпивъ по стаканчику настойки.

— Э, а пробижиться трошки ще! рѣшительно отвѣчалъ Панько.

— А-ну, братци, трошки ще!

— А-ну, хто дальше кине!

И они опять побѣжали, бросая шапки впередъ. Панько скоренько забилъ въ землю колъ и медленнымъ шагомъ поѣхалъ.

— Та ну вже трюхай—чи що! кричали Паньку издали. Панько потрюхалъ.

— И чого тамъ такъ довго барывся! А тутъ вже и въ горли пересохло!—говорили ему, когда онъ приблизился.

Зазвенѣли стаканчики,—смаковали настойку.

— Дывысь, и килки забравъ! На вищо воны здалысь?—смѣялись надъ Панькомъ.

Хиба замитно, де шапка упаде? Це таку одмирку робымо, що й слида катъ ма!

Хитра и ловка одмирка выдумана!—подсмѣивались, выпивая по другому стаканчику настойки.

— Ще пробижить яки гоны!—совѣтовалъ Панько.

— А е настойка?

— Ого, скильки вгодно е!—отвѣтилъ Панько.

— А-ну, братьци, трошки ще, навыпередкы—або що!

И понеслись *навыпередкы*, кидая брыли и шапки то вверхъ, то впередъ. Послѣ состязательнаго бѣга выпили по три стаканчика. Панько теперь указалъ направленіе дальнѣйшаго путешествія.

— Недалеко вже ричка, покупатысь воно славно було бъ!

Предложеніе Панька одобрили.

— Эге, воно теперечки якъ-разъ пидъ стать! Добре Панько надумавъ!

Пошли къ рѣкѣ. Выкупались. Съ большимъ аппетитомъ выпили и закусили. Возвратились къ имениннику сокращеннымъ путемъ—*навпрямкы*. Одни шли, другіе бѣжали, нѣкоторыхъ подвезъ Панько. Онъ и этотъ путь отмѣтилъ тамъ и сямъ кольями.

Когда Панько прибылъ во дворъ, еще не было Шахова. Шаховъ явился со своей компаніей, едва только солнце стало спускаться за горизонтъ. Во дворѣ было очень шумно, жизнь кипѣла ключемъ: вблизи воротъ дѣвушки и парни танцовали *метелыцю*, а другіе дѣвушки пѣли пѣсни; посреди двора играла *музыка* и земля гудѣла,—отъ пляски раздавались одобрительныя восклицанія тому, кто выкидывалъ ловкую фигуру. Тѣмъ временемъ хозяйка приготовила *вечерю*, а хозяинъ разставилъ новые запасы водки, меду, квасу и настоекъ.

Вечеръ провели очень весело.

— Э, тай добре-жъ пьется и йистся у такого доброго хозяина!

— Та таки и прогулялысь, кажить, на свижому воздуху та по чистому полю!

— Авже-жъ и ловко прогулялысь та пробигалысь!—говорили Рѣзниковцы.

— И дило зробылы!—подсказалъ хозяинъ.

— Якось спишно и утишно зробылы! прибавилъ Рудый, выпрямившись и оглядывая всѣхъ.

— А вже и справди, що утишно!—отвѣтили нѣкоторые.

Послѣ довольно продолжительнаго затишья, снова на срединѣ двора заиграла *музыка*, и пуще прежняго загудѣла отъ танцевъ земля. Хохотъ, пѣсни и пляски, питье меду и настоекъ продолжались до полуночи.

— Завтра-жъ, якъ повстаете̇, тай до ме́не заразъ! Похмиляться будемъ! Прошу покорно!—говорилъ Шаховъ, прощаясь съ гостями.

— Дило добре! Спасыби!

Выпроводивъ гостей, Шаховъ отправилъ Остапа, тоже вѣрнаго слугу́ своего, въ Изюмъ съ письмомъ къ двумъ чиновнымъ особамъ.

— Та гляды, не кажы Ризниковцямъ, куды ты йиздывъ! Отдасы пысьмо, одпочинешь якій часъ, та и додому потрюхаешь. Та гляды, шобъ Ризниковци не зналы, де ты бувъ!—наставлялъ Остапа господинъ.

Утромъ на другой день послѣ именинъ сошлись люди. За тѣми изъ болѣе важныхъ, которые не являлись, отъ Шахова послано было.

— Зъ нызевькимъ поклонсмъ Александръ Грыгоровычъ просять васъ!—говорилъ имъ посланецъ.

Приходившіе къ Шахову гости были какіе-то вялые, невеселые, хватались за головы свои и зѣвали во весь ротъ.

— Якъ учбра було весело, такъ сёгодня якось нудно. Неначе хто килка у голову забывъ! Тай нбгы тежъ—неначе хто ихъ поперебывавъ!—говорили многіе.

Скоро чарочки сдѣлали свое: гдѣ дѣлись вялость и боль головы,—всѣ сдѣлались такіе веселые, бодрые, говорливые.

— Воно-бъ, я кажу, обвесты-бъ плугомъ ту земельку, що учора одвбдылы вы мени!—совѣтовалъ Александръ Григорьевичъ повеселѣвшимъ гостямъ.

— А хиба воно знать, де одводылы? слида жъ, здается, якось не намичалы!—спрашивали они.

— А я-жъ, де булы остановки, килочки позабывавъ.

— Хиба-жъ таки справди? съ удивленіемъ воскликнули многіе. Ачъ якій догадлывый Александръ Грыгоровычъ!

— Ось пидить подывится, що такъ!

— Богъ зъ нымъ! Вже учора добре набигалысь! рѣшительно возопило большинство.

— Отъ тоби й на! Такъ якъ-же, хиба вже и пропадаты тому, що учора на поли робылы?

— Чомъ пропадаты! Обводьте плугомъ, якъ кажете! Якъ вы кажете?

— Отъ килочка до килочка, я-жъ кажу, можно и позначить линію: вона буде коротенька та пряменька!—убѣждалъ Шаховъ.

— Ото й добре! Одъ килка до килка такъ й рижьте!— весело предлагали гости любезному Александру Григорьевичу, чокаясь съ нимъ.

— А для порядку визьмить зъ собою Кандыбу, Реву та Перепелыцю, або ще кого; воны—люды степенни!—посовѣтовалъ

Солонина. Воны будутъ доглядать линію одъ килка до килка! Щобъ вона була ривна та ривна, якъ струна! А по цій мови будьмо здорови!—докончилъ Зозуля.

Съ увлеченіемъ чокались и желали, чтобы линія была *пряменька та гладенька.*

Шаховъ подхватилъ Кандыбу, Реву и Перепелицу, пригласилъ ихъ сѣсть на повозку и покатилъ со двора.

А плугъ съ шестью парами воловъ еще съ ранняго утра былъ наготовѣ. Онъ началъ свое дѣйствіе, какъ только гости Шахова повеселѣли.

Шаховъ проѣхалъ легкой рысцой вдоль первой линіи. Свѣжій и глубокій слѣдъ ея внимательно осмотрѣли Кандыба, Рева и Перепелица. Шаховъ остановился возлѣ перваго кола. Здѣсь и плугъ остановился.—Оце перва линія пройшла! Бачыте, яка пряма!

— Та бачимо!.. Тай богацько якого воливъ!—воскликнули спутники Шахова. Навищо воно стилько худобы до едного плуга?

— А щобъ скорише зробылось!

— А вже и справди, що якось швыдко все робытся!—замѣтили спутники.

— А зачимъ гаять время!.. Мерщи, по стаканчику!—предложилъ Шаховъ.

Рева, Кандыба и Перепелица выпили по стаканчику сорокалѣтней вишневки.

Прошли плугомъ линію до другого кола.

— Адже и ривна... якъ струна!—замѣтили Рева, Кандыба и Перепелица.

— Бачыте, робытся, якъ казалы! Будьте здорови!—пожелалъ Шаховъ и пригубилъ стаканчякъ наливки; а спутники осушили до дна свои стаканчики.

— А нуте, ще! предложилъ онъ.

— Ціеи можно ще! Дуже брава! Такъ и повзе, якъ масло!—говорили.

Выпивши еще по стаканчику, Перепелица, Рева и Кандыба уже не замѣчали третьей линіи; они разомъ и быстро заснули на повозкѣ.

Спутники храпѣли на повозкѣ, а Шаховъ рѣзалъ линіи, какъ хотѣлъ. Онъ описывалъ отъ кола до кола пребольшія дуги. Когда дѣло было окончено, онъ разбудилъ Реву, Кандыбу и Перепелицу.

— Отъ добре выспалысь, такъ-такъ! А вы що робылы?— спросили они Шахова.

— А я на четвертій линіи остановывся, та все дожыдався, якъ вы повстаете, тай самъ заснувъ. Оце проснувся, пройшовъ пяту линію; а оце вже послидня шоста остается!

То й добре! Рижьте шосту!

Прорѣзали небольшую линію и погладили ее—завершили дѣло сорокалѣтнею.

Возвращаясь до своей компаніи, Рева, Кандыба и Перепелица были въ отличномъ расположеніи духа: они славно выспались и столь-же славно подправились великолѣпной наливкой.

— А що, поробылы линію? спросила ихъ компанія.

— Поробылы!.. Ажъ шисть зробылы! Та таки прями! говорили они, умолчавъ о томъ, какъ они *доглядалы* работу плуга.

— А вы, люде добри, кажить, скучалы тутъ? заговорилъ Шаховъ.

А, де вже тамъ скучаты! Марѳа Лукьянивна вже такъ любенько та гарненько биля насъ ходыла!

А Марфа Лукьяновна, какъ только исчезъ мужъ ея, приступила къ гостямъ и такъ нѣжно ухаживала за ними, такими вкусными блюдами и напитками угощала, такія пріятныя рѣчи имъ говорила, что они уши развѣсили и пальцы свои облизывали.

— Такъ, значить, началъ Шаховъ, на тій земли, що позначена, що плугомъ обведена, вже можно мени и робыты?

— Адже можно!

— Такъ я за вашу ласку тежъ хочу васъ благодарыты, пріймить одъ мене сотъ зъ пять рублывъ!

— Ото! хиба земля у насъ миряна, чи що? хиба вона у насъ купована! Якъ не мирялы, то й миряты не будемо! Якъ не купувалы, то й продаваты не будемо! Корыстуйтесь до кинця вику свого, а потимъ зновъ земля та прывернется до насъ— отъ що!—выкрикивали хмѣльныя головы.

— Спасыби вамъ, добри люде! спасыби! Вже не знаю, якъ и благодарыть вамъ! Такъ ось що! ствердимъ дило наше, що, значить, вы одвелы мени землю, ось чимъ! И Шаховъ указалъ на обросшій мохомъ боченокъ. Оце вышнивка стара! Мій дидъ выдержувавъ іи 40 литъ, батько мій выдержувавъ іи 30 литъ, та я беригъ іи, якъ око свое, бильше 20 литъ!..

— Отъ добро яке!—воскликнули.

— И цёму добру кинець прійшовъ!

Шаховъ открылъ чопъ и подставлялъ стаканчики. Искрилось столѣтнее доброчуднымъ гранатовымъ цвѣтомъ.

— Ачъ яке самоцвитне та густе!

— Збрызнемъ нею, сполоснемъ цимъ добромъ ту землю, що вы одвелы мени! сказалъ Шаховъ.

Це вже такъ збрызнемо и сполоснемо, що ажъ до кинця вику свого спомынаты будемъ!—возгласили гости.

— Будьмо здорови! говорилъ любезный хозяинъ, чокаясь.

— Будьмо! отвѣчали и выпивали.

— Ця ще лучче, якъ та! Та ловка була, а ця вже така брава, що хто его зна и яка! говорили Рева и Перепелица.

— Эге, та була дуже смашна, а ця не въ прымиръ смашнійша! подтвердилъ Кандыба.

— Яка—та? спросили.

— А та, що мы пылы, якъ обводылы землю плугомъ! Таку ловку пылы, що й не зхаменулысь, якъ на вози уси трое поснулы. И Александръ Грыгоровычъ спавъ,—объяснилъ Кандыба.

— Якъ-же вы плугову линію робылы?

— А такъ, що якъ проспалысь, то зновъ линію робылы! объяснилъ Рева.

Едва успѣли выпить по второму стаканчику, какъ шасть— во дворъ двѣ чиновныхъ особы изъ Изюма. Они объявили, что

были въ одномъ мѣстѣ по дѣлу, и вотъ мимоѣздомъ почли долгомъ посѣтить любезнаго Александра Григорьевича да подночевать у него. Александръ Григорьевичъ разсыпался въ любезностяхъ, благодарилъ почетныхъ гостей за посѣщеніе, предложилъ имъ яствіе и питіе.

— Це васъ самъ Богъ прынисъ до мене! говорилъ Шаховъ, угощая чиновныхъ гостей. А тутъ люде добри добре дило мени зробылы!

— Какое дѣло? спросили чиновныя особы.

— Земельку мени далы!

— Сегодня, мерщи, вже и плугомъ обвелы! объяснилъ Кандыба.

— Дѣло славное! И за цѣну уже сошлись? спросили особы.

— За яку тамъ цину?! Такъ—подарувалы! Александръ Грыгоровычъ душу намъ свою выклада, то й мы выклалы ему свою душу,—объяснили Рѣзниковцы.

— Доброе, доброе дѣло! говорили чиновники. Поступаете по евангельскому слову. И дарственную уже выдали?

— А на вищо вона здалася та дарственна? воскликнули Рѣзниковцы.

— Какъ на что? А по закону безъ дарственной записи невозможно владѣть недвижимымъ имуществомъ.

– Воно и для памяти славно було-бъ добристь вашу на лысти напысать!--вкрадчивымъ и сладкимъ голосомъ сказалъ Шаховъ, преклоняя голову предъ Рѣзниковцами.

— Какъ-же безъ листа! какъ вы, значитъ, листа дарственнаго не дадите Александру Григорьевичу, то будете платить за эту землю всѣ тѣ повинности, какія долженъ онъ платить. И потомъ судъ отберетъ эту землю у Александра Григорьевича, и вы заплатите штрафъ за то, что на ту землю не выдали ему дарственной. И что за земля безъ дарственнаго листа? Фу!—вотъ она что!—разъясняли чиновныя особы.

— Та що-жъ, якъ воно треба, пышить лыстъ! сказали Рѣзниковцы.

Послѣ обильнаго угощенія Шаховъ уединился съ чиновниками—и скоро написали они купчую крѣпость. Въ ней подробно были указаны всѣ примѣты границъ, намѣченныхъ плугомъ. Тѣмъ временемъ Марѳа Лукьяновна нѣжно ухаживала за добрыми людьми. Рѣзниковцамъ былъ прочитанъ листъ.

— Такъ, добрые люди?—спросили чиновники, окончивъ чтеніе.

— Такъ! Такъ! Самисенько такъ!—утверждали хмѣльныя головы.

— А теперъ польемо цей лыстъ! предложилъ Шаховъ.

Славно поливали листъ разными настойками.

Третій день провели Рѣзниковцы тоже во хмѣлю у Шахова. Даже и на четвертый день явились къ нему нѣкоторые и *выправлялись* отъ трехдневнаго пированія. Нѣкоторые-же на четвертый день отправились осматривать ту черту, которую ихній хлѣбосолъ намѣтилъ плугомъ.

— Оце такъ-такъ! Оце такъ одмахнувъ!.. Це мы одмахнулы, братци, добру половыну своеи земли! Отъ тоби й на!.. съ ужасомъ говорили Рѣзниковцы.

Шаховъ отмахнулъ, какъ потомъ оказалось по измѣренію, до 10 тысячъ десятинъ земли. Вотъ сколько земли накидали шапками хмѣльныя головы!

Отправились Рѣзниковцы къ Шахову и убѣждали его, чтобы онъ удовольствовался небольшимъ количествомъ земли; вѣдь онъ и просилъ у нихъ *де-яку десятынку*. Шаховъ весьма ласково принялъ Рѣзниковцевъ, угостилъ и успокоилъ ихъ.

— Черезъ висимъ литъ, якъ захочете, я прыверну вамъ цю землю, та каждый годъ буду давать вамъ пьяту часть урожая, та заразъ высылю вамъ 500 рубливъ, та хаты вамъ останутся ти, шо я пороблю,—треба-жъ мени людей добуть до роботы на цю землю,—говорилъ Шаховъ.

— Та воно такечки-бъ ничого! Воно ще добре було-бъ!—соглашались Рѣзниковцы и отъ денегъ теперь не отрицались.

— Здается, якійся лыстъ на цю землю пысалы?

— Пысалы! Ось цей лыстъ!—И Шаховъ прочиталъ Рѣзниковцамъ тотъ листъ. На немъ было написано все то, что онъ имъ о землѣ только-что сказалъ.

— Якъ такъ, то нехай буде такъ!—утвердили Рѣзниковцы.

Новая сдѣлка была завершена новой выпивкой.

Немедленно Шаховъ началъ работать на землѣ, накиданной ему шапками. Въ теченіе трехъ лѣтъ возлѣ двора его образовалось болѣе двухсотъ хатъ. а въ нихъ жило до шестисотъ крестьянъ. Отъ крестьянина Шаховъ требовалъ только двухъ рабочихъ дней изъ недѣли. Онъ чрезвычайно ласково обходился съ крестьянами и нѣсколько разъ въ годъ дѣлалъ имъ угощенія, подобныя извѣстнымъ намъ именинамъ. Вновь прибывшихъ онъ кормилъ досыта и до отвала по воскреснымъ да по праздничнымъ днямъ, для чего были выставляемы на площади куфа горѣлки, медъ и столы съ печенымъ, жаренымъ и вареньмъ. Молва о такихъ дѣяніяхъ Шахова распространилась далеко-далеко. Онъ ни самъ никуда не ѣздилъ за людьми, ни пословъ не посылалъ за ними, ни объявленій не оглашалъ. И люди шли къ Шахову изъ разныхъ мѣстъ—изъ новороссійскихъ степей, изъ Подоліи, Волыни и Кіевской губерніи. А онъ подсмѣиваясь говорилъ: „Сиди себѣ дома да ‚сели мовча.“ Такъ произошло названіе села *Селимовка*.

— Ачъ якого людей набравъ! Це взявся хозяйнуваты та обробляты нашу землю на вси зáставки! говорили Рѣзниковцы, глядя на происходящее.

— Такого людей настягавъ, шо не будемо знаты, що зъ нымы робыты!

— Що робыты!? Якихъ выселымо, а яки будуть намъ за землю усякого добра даваты, скильки захочемо! утѣшали себя Рѣзниковцы.

По истеченіи пяти лѣтъ Шаховъ уже не принималъ крестьянъ, приходившихъ къ нему для поселенія: такъ много онъ набралъ ихъ молча.

Въ теченіе тѣхъ-же пяти лѣтъ Шаховъ давалъ Рѣзниковцамъ нѣкоторую часть урожаевъ и по прежнему угощалъ ихъ.

Наконецъ, онъ сразу оборвалъ отношенія къ нимъ: прошелъ шестой годъ, ни одного угощенія не послѣдовало, никакого зерна не дано Рѣзниковцамъ.

— И що то воно значить? спрашивали одни другихъ.

— А то, що земля наша мабуть пропала! Мы вже ненужни ему!—отвѣчали другіе.

Отправленная къ Шахову депутація убѣдилась въ справедливости этого соображенія. Онъ теперь прямо открылъ Рѣзниковцамъ глаза.

— Ото дурни! высокомѣрно сказалъ онъ, закатившись ядовитымъ смѣхомъ.—А вы думалы, шо я вже оттакъ постоянно и буду тратытысь на васъ!

— Та ще чого добраго и земли не отдасте намъ? сердито бросили Шахову вопросъ Рѣзниковцы.

— Не отдамъ и земли, бо я купывъ іи у васъ, и купча у мене есть!

— Яка купча?! Що це вы!..

— Така... вамы пидпысана!

— Що це вы? съ изумленіемъ спрашивали Рѣзниковцы. Хиба мы продавалы вамъ землю?! Хиба можно стильки земли за 500 рубливъ продаты? Це вже якась пидвоха!

— Купча у мене есть... вамы пидпысана!

— Це пидвоха!.. Це здерство якесь!.. Мы свою землю визьмемо одъ васъ! Ничого тутъ балакаты бильшъ!—кричали Рѣзниковцы уходя.

— Побачимъ, чи визьмете! смѣясь говорилъ Шаховъ.

— Побачите! Побачите!

— Бачъ, яка штука вышла! Оце такъ обдурывъ, клятый якій! Ще й насмихается!

— Сами выновати—кажить! Якъ бы не попылыся, не обдурывъ-бы! Ти именыны довго будемо памятувать!—изъяснялись между собою Рѣзниковцы, шествуя домой.

— Депутація объявила односельчанамъ, что услыхала отъ Шахова. Рѣшили, какъ только наступитъ весна, выѣхать съ плугами на землю, которою завладѣлъ Шаховъ, поорать ее и

засѣять. Наступила весна. Выѣхали Рѣзниковцы на эту землю, часть ея поорали, а остальную часть оставили для сѣнокоса.

— Отъ и дилу кинець! радовались Рѣзниковцы.

— Пооралы, а теперечки будемо сіяты! А якъ выросте трава, будемо косыты! Ось побачимо, якъ винъ буде нызенько кланятысь намъ та прохаты на угощеніе!—смѣялись Рѣзниковцы.

— Чорта зъ два! Вже не пидемо на угощеніе! знаемо вже, до чого воно, чортово, доводыть!

Недолго радовались Рѣзниковцы. Какъ только явились они сѣять, ихъ не допустили до этого сотни крестьянъ, высланныхъ Шаховымъ на эту часть тоже для сѣянія. Попробовали было Рѣзниковцы силою взять поoранное; но куда мѣряться имъ съ сотнями людей, преданныхъ своему барину!

— И оранка наша пропала! говорили Рѣзниковцы, возвращаясь домой съ тѣмъ зерномъ, что приготовлено было для сѣянія.

— Те-жъ саме буде, якъ прійдемо косыты!

— Эге, ничого и думаты объ тимъ! Треба у суди правды шукаты! У суди докажемо, якъ винъ у насъ землю узявъ! Усе дочиста розскажемо у суди!—рѣшили Рѣзниковцы.

Съ той поры они и начали въ судѣ искать правды и доказывать. Судъ вытягивалъ деньги съ той и другой стороны—у Шахова и Рѣзниковцевъ, а дѣло затягивалъ и запутывалъ. Лѣтъ десять возились Рѣзниковцы съ Александромъ Шаховымъ, да сорокъ лѣтъ судились съ двумя наслѣдниками—сыновьями его; топтались они по разнымъ судебнымъ порогамъ, бывали не одинъ разъ въ Петербургѣ. Въ концѣ концовъ вышло рѣшеніе, утвердившее Шаховыхъ въ правахъ на спорную землю.

— Оце вже зовсимъ дилу кинець! На вики земля наша пропала! Де вже таки зъ паномъ тягатысь та правды шукаты!. Хочъ то добре, що вже не будемо тратытысь!—говорили сыновья тѣхъ, что шапками отмѣряли Шахову землю.

II.

Александръ Шаховъ оставилъ сыновьямъ своимъ вполнѣ благоустроенное и богатое владѣніе—болѣе тысячи крестьянъ обоего пола и немалую площадь земли, отхваченной у Рѣзниковцевъ во время достопамятныхъ именинъ.

Родные братья Шаховы, Аврамъ и Иванъ, получивъ громадное наслѣдство, оставили военную службу и начали хозяйничать. Владѣніе отца они раздѣлили пополамъ, устроили каждый въ своей части, на окраинахъ села, великолѣпныя усадьбы. Къ своимъ крестьянамъ они сначала относились такъ-же ласково и благодѣтельно, какъ отецъ ихъ; но воскресныя угощенія водкой да горячими пирогами были сразу устранены. Крестьяне сразу усмотрѣли въ этомъ недобрый признакъ.

— Це вже, мабуть, не буде намъ такого житья, якъ пры старому пану, царство ему небесное! говорили они.

Да, такое житье черезъ три-четыре года исчезло. Новые паны исподоволь, мало-по-малу, возлагали на крестьянъ разныя тягóты, затягивали туже и туже крѣпостную узду. Лѣтъ чрезъ десять положеніе селимовскихъ крестьянъ опредѣлилось въ такомъ видѣ: они еженедѣльно совершали панскія работы по четыре дня; зимою въ лѣсу работали по нѣсколько дней, нерѣдко отмораживая себѣ руки и ноги; зимою и осенью по нѣсколько недѣль находились въ дорогѣ, когда возили купцамъ панское добро; должны были каждый своими средствами пріобрѣтать и содержать пару воловъ, возъ, плугъ, борону и прочій земледѣльческій нарядъ, употреблять эти предметы для панской работы; лѣтомъ, въ воскресные и праздничные дни, мужчины занимались клепаніемъ панскихъ косъ, а женщинъ въ тѣ-же дни сгоняли въ панскіе сады для рванія фруктовъ; женщины, кромѣ полевыхъ работъ и на току наравнѣ съ мужчинами, весною воздѣлывали панскіе огороды, мыли овечью шерсть, осенью и зимою едва успѣвали выдѣлать заданное имъ количество пряжи льняной и шерстяной.

Самою тяжелою повинностію было отправленіе службы въ панскомъ дворѣ. Штатъ, отправлявшій ее, назывался *дворней.*

Для этой службы совершался наборъ во всякую недѣлю или мѣсяцъ—по мѣрѣ выбыванія изъ дворни вслѣдствіе смерти, болѣзни или старческой немощи. Выбирались юноши, дѣвушки и подростки, всѣ красивые и цвѣтущіе здоровьемъ. Попавшій или попавшая въ штатъ дворовыхъ людей были вполнѣ несчастные крѣпостные—рабы въ полнѣйшей степени. Работа дворовая была часто тяжелѣе, чѣмъ въ полѣ: необходимость быть постоянно напоготовѣ для барскихъ услугъ, наказанія, часто жестокія, за невольное неисполненіе причудливыхъ прихотей и капризовъ отравляли жизнь дворовыхъ людей. Прибавьте къ этому то, что только нѣкоторымъ изъ нихъ дозволяется жениться или выходить замужъ.

Дворня распредѣлялась на нѣсколько отдѣленій по различію занятія ими должностей. Во главѣ ея стояло начальство—приказчикъ, конторщикъ, атаманъ и шапарь. Предъ приказчикомъ трепетали селимовскіе крестьяне: какъ довѣренное лицо барина, недремлющее око его, онъ наблюдалъ надъ всѣми частями имѣнія, приводилъ въ исполненіе распоряженія барина, а часто и самъ распоряжался. Конторщикъ, имѣя при себѣ писарей, велъ ревизскія сказки (книги), приходорасходныя и инвентарныя книги, списки очередныхъ рабочихъ и людей и вообще всю переписку по дѣламъ имѣнія. Атаманъ—это какъ бы сельскій староста: онъ ближайше слѣдилъ за порядками въ селѣ, за состояніемъ каждаго двора; онъ былъ правой рукой приказчика: *загадывалъ* людямъ, кому, когда и на какую работу идти, и былъ главнымъ дозорщикомъ при работахъ. Шапарь завѣдывалъ складами всякаго зерна, муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ; принималъ ихъ въ амбары и выдавалъ.

Лакейское отдѣленіе состояло изъ нѣсколькихъ лицъ—камердинера, буфетчика, помощниковъ ихъ—козачковъ. Самымъ важнымъ лицомъ былъ камердинеръ: онъ вѣдалъ кабинетъ барина, исполнялъ прихоти его тайныя и явныя. Домъ украшался хорошенькими *горничными*: это были дѣвушки. Онѣ оживляли домъ и дворъ своими звонкими мелодическими голосками и хохотомъ, кокетливыми природными манерами и веселыми, улыбающимися

личиками. Распоряжалась горничными барыня: однѣ убирали комнаты и вмѣстѣ съ лакеями прислуживали за барскимъ столомъ; другія щекотали тѣло барыни (пятки, икры и спину), когда она нѣжилась въ постели и погружалась въ сонъ; эти-же избранныя голову ея расчесывали, одѣвали ее; третьи были на разныхъ посылкахъ.

Лучшими изъ горничныхъ тайно распоряжался баринъ.

Барыня, жена Аврама Александровича, устроила возлѣ своей спальни рукодѣльное женское заведеніе. Въ немъ избранныя дѣвушки работали неустанно изо дня въ день: однѣ вышивали на пяльцахъ, другія шили бѣлье, третьи вязали кружево, чулки, ковры.

Иванъ Александровичъ, оставшійся до послѣднихъ дней своихъ холостымъ, имѣлъ прехорошенькихъ *комнатныхъ* дѣвушекъ. Однѣ подъ руководствомъ опытной мастерицы занимались рукодѣльями, другими командовала экономка. Какъ только комнатная дѣвушка утрачивала свѣжесть, была выдаваема замужъ, или поступала въ низшее отдѣленіе дворовой службы. На мѣсто выбывшей приводилась молоденькая сочная красотка.

За ближними дворовыми людьми, лакеями, горничными и, мастерицами, мамками и няньками, слѣдовали—поваръ, поваренки и судомойки, булошница съ помощницами, коровницы, прачки и птичницы. Птичнею, поварскимъ, булочнымъ и прачешнымъ отдѣленіями, а также погребами и кладовыми завѣдывала *экономка*. Экономка, имѣя у себя помощницу—*ключницу*, была окомъ барыни, блюла порядокъ матеріальнаго домостроительства.

Въ ближайшемъ вѣдѣніи приказчика состояли— сапожники, кузнецы, портные, столяры, кучера и помощники ихъ (форейторы и конюхи), скотари, овчары, садовникъ, куховарки, пѣвчіе и музыканты. Куховарки готовили пищу для *застольни*, т. е. для мѣста, гдѣ собирался дворовый людъ завтракать, обѣдать, полдничать и ужинать. Мастерицы и панскія любимицы не ходили въ застольню: у нихъ было въ барскомъ домѣ особое столовое отдѣленіе, а пищу имъ носили изъ поварской. Пѣвчіе и

музыканты тоже были на иномъ положеніи; ихъ выбирали и ими распоряжались регентъ и капельмейстеръ; пѣвчіе и музыканты кормились въ застольнѣ отдѣльно отъ прочихъ, и имъ давалась улучшенная пища.

Псарня была предметомъ особыхъ заботъ панскихъ. Для нея отведенъ былъ особый дворъ и составленъ нарядъ людей: псари, доѣзжачіе, стремянные, охотники.

— Ачъ, якъ завелы! И поварѝ, и музыканты, и барьски дивкѝ разряжени якъ павы!

— Чорты-батька знать, що завелось! Якъ дивка яка гарна пидросла, то гляды—вже й опынылась у паньскому двори, вже й гуляе тамечки! И псюрню завелы! Зъ собакамы лучче обходятся, нижъ зъ людьмы! говорили селимовцы незлобиво, въ простотѣ сердца, пришибленные тягловымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба.

— При старо́му пану ничого цёго не було!.. При старому пану якъ у Бога за дверима жилы!.. Бильшъ робылы на себе! Церомъ ему земля! сожалѣли селимовцы, умилительно совершая крестное знаменіе.

— А теперечки бильшъ робымо на цихъ панивъ, все на ихъ, та на ихъ! Та ще й катують насъ!.. Ой, старый любый пане! Церомъ ему земля! Царство ему небесне у вики вични пошлы, Господы! Якъ-же винъ обходывся зъ нами, яке угощеніе винъ дававъ намъ у кожну недилю! вспоминали селимовцы и горько плакали—наиболѣе женщины.

Положеніе селимовскихъ крестьянъ было тѣмъ болѣе тяжкое, что Шаховы относились къ нимъ безъ всякаго милосердія. Мало того, что они заставляли крестьянъ работать, какъ вьючныхъ животныхъ, лучшихъ дѣвушекъ и парней отрывали отъ семьи и обращали въ дворню: они допекали несчастнымъ людямъ жестокими наказаніями. Для наказаній употреблялись розги, батоги, плети, рогатки, колодки и темница, а также обмазываніе волосъ и лица дегтемъ съ присоединеніемъ къ нему пуха и перьевъ.

Рогатка—это желѣзный обручъ съ длинными желѣзными клиньями снаружи (какъ спицы на колодкѣ) и съ остроконеч-

ными миньятюрными зубчиками на внутренней поверхности. Обручъ этотъ запирался замкомъ и надѣвался на шею.

Колодки состояли изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, въ каждомъ двѣ полукруглыхъ выемки на концахъ ребра: этими ребрами бруски прикладывались одинъ къ другому и стягивались ремнями настолько, насколько надобно было стиснуть мускулы рукъ или ногъ.

Въ каждую субботу приказчикъ докладывалъ барину списокъ, кто изъ людей въ чемъ провинился въ теченіе недѣли. Этотъ списокъ дополнялся тѣми, которые были усмотрѣны въ винахъ бариномъ или барыней. Баринъ или барыня каждому виновному назначали наказаніе. За отсутствіемъ ихъ, наказаніе опредѣлялъ приказчикъ, иногда—атаманъ. Жертвъ, предназначенныхъ къ истязанію, заключали въ темницу вечеромъ въ субботу, на разсвѣтѣ же воскреснаго дня подвергали каждаго опредѣленной ему карѣ.

Самой употребительной карой было сѣченіе розгами и битье батогами. Зимою сѣченіе и битье совершалось въ застольнѣ. Съ апрѣля и до ноября экзекуція производилась на открытомъ воздухѣ возлѣ барской конюшни. Вотъ блеснула утренняя аврора, только-только начало сѣрѣть, выводятъ изъ темницы человѣка, обнажаютъ его съ ногъ до головы и полагаютъ его на ослонъ (скамейку), ногѝ и плечи крѣпко притискиваютъ ремнями до ослона; растянутое на немъ живое тѣло шевельнуться не можетъ,—и начинается *катуванье*! Птички радостно щебечутъ, соловейко заливается чудными трелями, мелодически-теноровый звонъ церковнаго колокола раздается, а отъ барской конюшни несутся страдальческіе крики, несутся пронзительно звонко и далеко въ тишинѣ разсвѣта... Какая противоположность съ тѣмъ, что птички выражаютъ, и съ тѣмъ, къ чему призываетъ церковный звонъ! Съ умилительнымъ концертомъ пернатыхъ пѣвцовъ и колокола какимъ ужаснымъ диссонансомъ звучатъ человѣческіе болевые крики, вопли и стоны!

— О—о—о—ой!.. О—о—о—ой!.. Ой! Пустить, риднéньки!.. О—о—ой, помылуйте! гудѣло густымъ басомъ.

— А—а—а—ай!.. А—а—яй—яй!.. О—о—ёй—ёй!.. раздавалось юношескимъ пронзительнымъ голосомъ...

— О, це вже началася зоря!.. Отъ сердешни!.. Отъ бидни!.. И колы вже воны, кляти, перестануть катуваты несчастныхъ людей!—говорили жители села Радіоновки, которое находилось въ трехъ верстахъ отъ Селимовки.

— Ачъ, яки зори!.. Разомъ почалось у двухъ дворахъ!..

— Адже-жъ воно разомъ завсигда починается!.. Сговорюются, чи що!?...

— Тай печуть-же!.. А вжежъ и крычать, бидни!

— Ага, остоювалы старого собаку-пана, звирюками кыдалыся на насъ, отъ имъ теперечки и отдается!

— Та шо люде ти несчасни!? Чимъ воны вынни за пана? Скачы, враже, якъ панъ каже, отъ що!

— Ото жъ и доскакалысь, кажить!

— Тай панамъ цимъ, якъ не теперъ, то вже колысь-то буде!.. Вже и имъ икнется колысь за пограбоване!...

— Бидни люде, якъ ихъ мордують!..

— Терпы, козаче, атаманомъ будешь!—Говорили Рѣзниковцы, слушая раздирающіе душу крики, что доносились изъ панскихъ дворовъ.

Вотъ-вотъ уже и свѣтило покажется изъ-за горизонта. Его лучи золотистые озаряютъ картину и искрятся въ капляхъ крови, что сочатся изъ ранъ и ниспадаютъ съ ослона. Вотъ оно выкатилось и смотритъ огненнымъ глазомъ, страшнымъ укоризненнымъ глазомъ, какъ будто и оно облито кровью...

Сидитъ на балконѣ баринъ, любуется восходомъ солнца, съ такой пріятностью вдыхаетъ свѣжій утренній воздухъ, напоенный возлѣ балкона запахомъ чудныхъ розъ. Лицо его напыщенное и нижняя большая губа немного отвисла. Возлѣ него, вытянувшись въ струнку, стоятъ приказчикъ и камердинеръ, а козачекъ быстро переступаетъ съ ноги на ногу—какъ-бы ему бѣжать или танцовать хочется.

— Кто это тамъ, какъ быкъ, реветъ?—спрашиваетъ баринъ

— Кондратъ Коникъ, что былъ въ бѣгахъ и пойманъ,—бъяснилъ приказчикъ.

— Ишъ, каналья!.. Сколько?

— Полтораста ударовъ!

— А потомъ?—спросилъ баринъ, затягиваясь изъ предлиннаго чубука, на концѣ котораго громадная трубка, величиной съ чайную чашку.

— Вы изволили назначить колодки и темницу на недѣлю, а еще на недѣлю изволили назначить рогатку—и чтобы онъ съ рогаткой молотилъ цѣпомъ!

— Хорошо! Славно!.. Ишъ реветъ-то какъ! Дуракъ! Бѣги, да не ловись!—молвилъ баринъ, выпуская клубы табачнаго дыма.

— Которая это баба тамъ кричитъ? Мароушка?

— Она самая! Марфушка-съ Курносая!—отвѣтилъ приказчикъ.

— Ишь, кобыла, связалась съ негоднымъ Гаврилкой! Съ нимъ однимъ?—обратился баринъ къ камердинеру.

— Да-съ, съ нимъ однимъ-съ, съ Гаврилкой лакеемъ слюбилась! Который разъ уже поймана съ нимъ-съ!

— Ишъ, шельма!.. Какъ кошка репетуетъ!.. Любись, да не ловись, шельма!.. Сколько?

— Двадцать розокъ!—отвѣтилъ приказчикъ.

— Привести ее сюда—такъ, какъ она есть, въ одной рубашкѣ! Живо! Пошелъ!—махнулъ баринъ козачку.

Козачекъ стрѣлой помчался. Привелъ барскую дѣвку Мароушку—лучшую изъ комнатныхъ по свѣжести и роскошнымъ формамъ. Она трясется, какъ въ сильной лихорадкѣ; багровое лицо закрыла руками и голову—внизъ.

— Открой-то рожу свою паскудную, шельма!

Приказчикъ и камердинеръ моментально осадили руки дѣвушки внизъ. Мароушка трепещетъ, наклонивъ голову.

— Что, будешь съ мерзавцемъ Гаврилкой?

Дѣвушка упала на землю къ ногамъ барина. Икры ногъ обнаружились.

— Ой, не буду-жъ, паночку! По викъ свій не буду!.. Будь я трычи проклята, що не буду вже!. вопила Марфушка, заливаясь слезами.

— Ишъ какъ расписали!.. Смотри я тебя еще лучше распишу, если ты позволишь себѣ даже глянуть на Гаврилку или

на какую-нибудь другую каналью!.. Я тебѣ сто ударовъ засыплю!.. Я тебя въ гробъ законопачу, слышишь?—горячился баринъ.

— Чую, паночку ридненькій, чую!.. Ой—ой!—застонала дѣвушка, откинувъ руку назадъ. Не можу встаты, паночку!—пролепетала она.

— Уведите ее къ экономкѣ!

Камердинеръ увелъ Мароушку.

— А это кто воетъ?

— Степанъ Шулика!—отвѣтилъ приказчикъ: проворовался, стащилъ въ амбарѣ сапоги, шапку и свитку!

— Ишъ, какъ завываетъ!.. Та-акъ его!.. Воруй да не ловись!.. Сколько?

— Шестьдесятъ розокъ!

— А это кто?

— Григорій Шепелявый! Ему назначено выкосить двѣ десятины, а онъ выкосилъ только одну!

— Лѣнтяи!—заворчалъ баринъ.—Сколько?

— Тридцать розокъ!

— А это?

— Столяръ Лукьянъ! Запилъ и не работалъ три дня!

— Пьяницы!—заворчалъ баринъ, выпуская клубы табачнаго дыма.

— Сколько?

— Сорокъ пять розокъ!

Къ раннему утру *зоря* оканчивалась.

Работы налагались тяжелыя, а взысканія полагались какъ за неисполненное количество работы, такъ и за качество ея. Если крестьянинъ успѣвалъ въ количествѣ заданной работы, то проигрывалъ въ качествѣ ея—и наоборотъ. Дворня была громадная, а служба ея—неустанная, неуклонная, и совершалась эта служба, такъ сказать, на глазахъ господъ. Стремянной неудачно спустилъ собакъ на охотѣ, собаки случайно не вб время накормлены или нѣкоторыя собаки захудали: стремянному и псарю быть на зорѣ! Поваръ плохо приготовилъ кушанье, повара привели изъ шинка, лакей завелъ любовныя шашни съ

горничной, сапожникъ дурно пошилъ сапоги, портной испортилъ господскіе панталоны, музыкантъ запилъ, лакей забылъ вычистить чубуки или въ поспѣшности кое-какъ исполнилъ эту работу; при осмотрѣ конюшни баринъ замѣтилъ на задней лопаткѣ лошади грязное пятно или конюшня не вычищена, какъ стеклышко; кучеръ провинился тѣмъ, что лошади испугались и понесли барыню, чуть-чуть не опрокинувъ экипажа; садовникъ не вычистилъ дорожекъ или не досмотрѣлъ, какъ на яблонѣ завелась гусеница; у овчара въ отарѣ не досчитались двухъ овецъ,—и всѣхъ этихъ *на зорю*! И не перечесть случаевъ, приводившихъ дворовыхъ людей *на зори*.

Двороваго матеріала для каждой воскресной зори набирали достаточно во всѣ времена года. Тяглаго матеріала для зори накоплялось зимою меньше, а лѣтомъ—больше. На полѣ, когда косили траву, парень игрался съ дѣвкой; женщина на полѣ, когда косили хлѣбъ, родила; мужъ ея, находившійся здѣсь, оставилъ работу и повезъ жену домой; Степанъ Оглобля запилъ и не явился на косовицу. Парню, мужу и Оглоблѣ быть *на зорѣ*! Тѣ не перевезли на барскій токъ опредѣленнаго количества копенъ, тѣ поздно явились на токъ, тѣ дурно провѣяли зерно, другіе не смолотили скирды въ назначенный срокъ,—и всѣмъ имъ быть *на зорѣ*! Не разбиралось, почему сдѣлано плохо или не исполнена работа.

Лѣтнія *зори* отличались многолюдствомъ и торжественностію обстановки: открытый благоухающій воздухъ, разсвѣтъ, восходъ солнца, щебетанье птичекъ... Иногда случалось, что не успѣвали перебить всѣхъ утромъ; въ такомъ случаѣ въ тотъ-же день совершалась *вечерняя зоря*.

Женщинъ мало подвергали зорямъ, и по случаямъ исключительнымъ. Зато надъ ними висѣли *рогатка*—орудіе, которое предлагалось и мужчинамъ. Наказаніе рогаткой производилось различно—по степенямъ: съ рогаткой сидѣть въ темницѣ, съ рогаткой работать, водить въ рогаткѣ по селу. Въ панскомъ дворѣ, на панскомъ току, на полѣ, на огородѣ, въ саду часто виднѣлись мужчины и женщины, украшенные рогатками. Иные

ходили въ рогаткахъ по нѣсколько дней. На полѣ дѣвка игралась съ парнемъ; женщина, имѣвшая грудного ребенка, не нажала узаконеннаго количества сноповъ отъ того, что ребенокъ частымъ крикомъ отвлекаетъ ее отъ работы, дѣвкѣ быть въ рогаткѣ и сидѣть въ темницѣ,—а въ понедѣльникъ она будетъ работать на полѣ въ желѣзномъ ошейникѣ, женщинѣ надѣть рогатку и провести ей воскресный день въ темницѣ. Коровница не могла сбить заказаннаго количества масла—рогатку ей на шею! Прачка не угодила барынѣ выглаженной юбкой, швея—платьемъ, кружевница—кружевомъ,—прачка, швея и кружевница красуются въ рогаткахъ!

Когда барыня замѣчала, что дворовая дѣвка понесла, то такую въ праздничный или воскресный день водили по селу въ отвратительномъ и полуобнаженномъ видѣ: грязная-прегрязная на ней рубашенка, на шеѣ—рогатка, взбитыя волосы обмазаны дегтемъ и обсыпаны перьями. Веревкой, привязанной къ ошейнику, ведетъ медленно старая горбуха обезображенную красотку. Бредетъ несчастная дѣвушка, пылая стыдомъ; она бросаетъ на окружающихъ бѣгающіе и полные ужаса глаза, ногами и плечами она дѣлаетъ порывистыя причудливыя движенія; руки тоже какъ-то странно движутся сюда и туда, какъ будто хочетъ ведомая спрятать ихъ или либо закрыть: но не въ чемъ спрятать, а лица нельзя закрыть—рогатка мѣшаетъ!

За воровство водили мужчинъ въ такомъ же видѣ: въ рубашкѣ, въ рогаткѣ, а голова облита дегтемъ и убрана перьями. Но предварительно подвергали ихъ *зорѣ*. Послѣ вожденія сажали ихъ въ темницу и надѣвали колодки на руки и ноги.

Людей, подобныхъ лакею Гаврилкѣ, замѣченныхъ въ прелюбодѣяніи, заключали въ темницу на нѣсколько дней,—и сидѣли они тамъ, стиснутые колодками; но тоже предварительно такіе люди вкушали *зорю*.

Вотъ такъ жилось селимовцамъ подъ тяжелою рукою Шаховыхъ.

Селимовцамъ дѣлалось и пріятное; но оно дѣлалось такъ рѣдко и проходило такъ мимолетно!

Когда случалось, что урожай былъ отличный, люди очень усердно работали, то панъ Аврамъ бывало выѣзжаетъ съ боченкомъ водки да съ мѣшкомъ грошей и пятаковъ къ людямъ на поле. Коляска медленно движется промежъ косарей и жницъ. Сидящій на ней самодовольный и улыбающійся панъ бросаетъ мѣдные пятаки, а люди хватаютъ ихъ съ причудливыми ужимками, какъ обезьяны сѣмечки, да низко кланяются пану. Для довершенія впечатлѣнія панъ Аврамъ приказываетъ принести ему борщъ, кашу и галушки. Приносятъ. Выпивъ чарку водки, черпаетъ панъ косарскою ложкою изъ косарской миски, аппетитно ѣстъ борщъ съ кашей и галушки, ѣстъ и приговариваетъ зычно: а, да и славный борщъ какой! вотъ такъ борщъ? Ай да славная-жъ каша! Всѣмъ кашамъ каша! Ну, и галушки!—тоже: куда лучше паньскихъ бысквытивъ! Ай—да галушки милушки! Ну-ка, дай чарку водки!"— Прихваливаетъ да уплетаетъ панъ, пресыщенный изысканными пирожками и нѣжными бульонами.

— А кто варилъ это? спрашивалъ панъ Аврамъ, отвѣдавъ вдоволь косарской пищи.

— Лукерья птышныця!

— Ведите сюда Лукерью.

Солнце уже спускалось за горизонтъ. Косари и жницы собирались вечерять.

— А что, всегда такая славная пища вамъ варится?— спрашивалъ панъ приходящихъ.

— Завсигда, баринъ! Завсигда така гарна!—отвѣчали приходящіе, отвѣшивая низкіе поклоны.

— Довольно вамъ даютъ? Сытно васъ кормятъ?

— Спасыби вамъ баринъ! Що кормлять—то вже добре кормлять!—отвѣчали люди, какъ бы думая: кормятъ-то хорошо, да бьютъ очень больно!

Явилась Лукерья—пріятная на видъ старушонка.

— Славно варишь! вкусную пищу варишь!

— Рада, баринъ, годыть вашей милости!

— Всегда такъ стряпаешь?

— А якъ-же, Боже мій! Завсигда, баринъ, завсигда!—отвѣчала Лукерья, сложивъ руки и склонивъ смиренно голову набокъ. Спросить, баринъ, людей!

— Ну, вотъ тебѣ, славная стряпуха! И далъ баринъ Лукерьѣ серебряную монету—полтину.

— Спасыби, баринъ!

—Старайся! Старайся!

— Рада-жъ старатысь онъ якъ!—благодарила Лукерья, цѣлуя руку барина.

Чарку водки выпьешь?

— Спасыби, баринъ! Я цёго не вважаю! Треба поспишаты? И быстрымъ шагомъ удалилась Лукерья.

Люди большими кругами разсѣлись на чистомъ травянистомъ мѣстѣ—и началась *вечеря*. Послѣдніе солнечные лучи такъ пріятно золотятъ рядъ мисокъ, загорѣлыя лица жницъ и косарей отражаются въ тѣхъ чаркахъ, что наливаютъ водку и раздаютъ косарямъ по случаю пріѣзда барина. Недалеко отъ людей сидитъ баринъ въ коляскѣ, куритъ трубку, и лицо его сіяетъ самодовольствіемъ. Онъ внимательно слѣдитъ, какъ люди тянутъ влагу; они тянутъ изъ чарокъ медленно и съ какимъ-то упоеніемъ, и каждый, выпивъ, крякнетъ рѣзко; и ѣдятъ они тоже медленно, съ полнымъ наслажденіемъ, съ громаднымъ аппетитомъ распробывая каждую частицу набраннаго въ ложку. Налюбовавшись картиной, панъ Аврамъ быстро прикачиваетъ домой.

Такія-же посѣщенія дѣлывалъ и панъ Иванъ.

III.

Тогда-какъ селимовскіе крестьяне истрачивали свои силы на панскую работу, страдали *на зоряхъ*, мучились въ рогаткахъ и колодкахъ,—въ панскомъ домѣ веселая, праздная жизнь била ключемъ. Изо дня въ день, изъ ночи въ ночь—гости и гости, пиры да пиры и разныя причудливыя затѣи.

Широкимъ, удивительнымъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ отличались братья Шаховы, Аврамъ и Иванъ. Слава объ

этомъ гостепріимствѣ далеко неслась и гремѣла по Харьковской губерніи. Такую черту братья несомнѣнно наслѣдовали отъ своего отца; но отецъ эту черту употребилъ для прибыльнаго, любостяжательнаго дѣла, а сыны роскошно хлѣбосольничали изъ-за честолюбія и дабы весело, шумно пожить.

Какъ *зори*, такъ и пиры имѣли опредѣленное теченіе: они въ одни мѣсяцы бывали очень многолюдны, весьма шумны и азартны; въ другіе мѣсяцы—менѣе многолюдны и не такъ шумны. Время наибольшаго панскаго разгула не совпадало съ временемъ наибольшаго развитія мужицкихъ зорь и рогатокъ. Сезонъ селимовскихъ панскихъ пиршествъ начинался съ октября и продолжался до первой недѣли великаго поста. Великій постъ былъ временемъ передышки отъ неустаннаго, головокружительнаго гулянья и веселья, періодомъ затишья въ панскомъ домѣ и дворѣ. Со дня Свѣтлаго праздника снова начиналось гулянье и веселье, въ іюнѣ оно стихало, въ августѣ и сентябрѣ еще болѣе стихало. Конецъ лѣта и начало осени были передышкой отъ весеннихъ и лѣтнихъ вакханалій. Рождественскія святки, мясоѣдъ, масленница и май проводились съ наибольшимъ трескомъ, комическими сценами, фантастическими выдумками. Бѣшенныя катанья въ нѣсколько десятковъ саней длинной вереницей, охота съ борзыми, гончими и боченками горячихъ напитковъ, превращеніе гостей (которые помельче) въ барановъ, козловъ и медвѣдей, восхожденіе пьяныхъ на снѣжныя горки, спусканіе выведенныхъ на эти горки, танецъ звѣрей—превращенныхъ козловъ и барановъ съ превращенными (изъ горничныхъ и комнатныхъ дѣвушекъ) козами да овечками, маскарадныя представленія и другія выдумки были дополненіемъ къ многообильнымъ завтракамъ, обѣдамъ, ужинамъ и кутежамъ дневнымъ и ночнымъ.

— Яке діется!... Яке гульбыще!

— Зъ жиру бисятся!

— Ачъ, якъ гуляють на нашій земли!..

— А все батькы паши вынни, що якось одчахнулы имъ ажъ выдымо-невыдымо своеи земли!...

— Отъ теперечки и клацай зубамы!—говорили Рѣзниковцы, глядя съ озлобленной завистью на Шаховскія гульбища.

Гостепріимные братья Аврамъ и Иванъ дѣлили пополамъ веселыя и пышныя угощенія: этотъ день пиршественное дѣло у Аврама, другой день у Ивана; въ теченіе этой недѣли задаетъ чувственныя удовольствія Аврамъ, въ другую недѣлю задаетъ такія удовольствія Иванъ. Пили и ѣли одинаково много у того и другого. Но въ удовольствіяхъ, предоставляемыхъ Иваномъ Александровичемъ, бывалъ эротическій элементъ: комнатныя дѣвушки въ соблазнительной костюмировкѣ подавали охмѣлѣвшимъ гостямъ вино; гости любовались танцами этихъ дѣвушекъ, игрались съ ними въ пиршественной комнатѣ; болѣе же скоромное не допускалось: того не любилъ солидный и строгій домовладыка. Въ пиршествахъ, устрояемыхъ Аврамомъ Александровичемъ, эротическаго предмета не случалось, или онъ вводился очень рѣдко: въ домѣ жила барыня, которая рѣдко выѣзжала безъ мужа. Зато Аврамъ Ал. былъ тароватъ на комическія шутки; у него бывали снѣжныя горки, танцы звѣрей, превращенія звѣрей, маскарадныя представленія (эти устроялъ и братъ его). Нарядитъ, напр., нѣкоторыхъ изъ гостей въ звѣриныя шкуры (медвѣжью, баранью, козлиную)— и пошла потѣха! Козлы прыгаютъ, бараны рогами бодаются, медвѣдь на заднихъ лапахъ ходитъ или цыганъ заставляетъ его штуки дѣлать. Послѣ такой работы козлы—*мее*, бараны—*бее*, медвѣдь—*муу* (реветъ): это звѣри просятъ выпить—и имъ даютъ выпить. Перепоитъ, напр., однихъ (а другихъ важныхъ и солидныхъ удерживаетъ отъ большого питія для созерцанія картины), завяжетъ пьянымъ глаза, введетъ рой дѣвушекъ—и пошла игра въ жмурки! Дѣвичій звонкій хохотъ, пискъ, визгъ въ залѣ раздается, глухой гулъ отъ паденія пьяныхъ тѣлъ. Тотъ падаетъ, но съ усиліемъ поднимается и мчится, тотъ съ осторожностью тупаетъ ногами, тотъ на четвереничкахъ ползаетъ: пьяная энергія возбуждается, хочется прикоснуться къ лакомому кусочку—хочется поймать. Кой-кому удается схватить хохотунью—и только на мигъ!

Всегда большіе обѣды и пиршества услаждались музыкой. Оркестръ разыгрывалъ увертюры и аріи, а во время кутежей допускались разныя плясовыя. Часто пиршественный залъ оглашался и хоромъ пѣвчихъ—въ перемежку съ музыкой.

Братья Аврамъ и Иванъ Шаховы при всевозможныхъ пирахъ и кутежахъ никогда не бывали пьяны, хотя пили много—очень много. Тотъ и другой были высокаго роста, плечистые и чрезвычайно мускулистые. Здоровьемъ отличались громаднымъ. У того и другого было страстью накормить досыта и угостить виномъ такъ, чтобы гости, что называется, на корачкахъ лазили. Всегда во время пировъ получалась такая картина: тотъ растянулся на большомъ турецкомъ диванѣ, тотъ шлепнулся на полъ, иные подъ столъ свалились, иные къ столу головою припали и храпятъ. Всѣ такія мертвецки пьяныя тѣла лакеи убирали изъ зала и полагали на постеляхъ во флигелѣ. Къ концу пиршества оставалось немного такихъ, которые дѣйствовали; но и эти артисты въ заключеніе бывали несомы во флигеля. Нѣкоторые-же тутъ, въ кутежномъ залѣ, такъ и были оставляемы въ тѣхъ позахъ, въ какихъ свалились и отошли ко сну.

Не всегда бывали громкія пиршества, т. е. которыя дополнялись музыкантами, пѣвчими, шутками и иными картинами; Шаховы и гости утомлялись отъ громадной увеселительной дѣятельности, а также душа просила разнообразія. Иногда происходили и тихіе пиры. Эти состояли въ томъ, что при умѣренномъ питіи хозяева и гости играли въ карты, на бильярдѣ, въ кегли. На верхней части дома—въ мезонинѣ была великолѣпная билліардная.

Шаховы устрояли каждый по пять или по шесть блистательныхъ баловъ въ году. Пиршественные виды на балахъ не допускались. Зато послѣ перваго дня именинъ происходили нѣсколько дней кутежи съ картинами.

Лица, посѣщавшія Шаховыхъ, были помѣщики большей части Изюмскаго уѣзда, а также изъ уѣздовъ Чугуевскаго, Купянскаго, Старобѣльскаго, Бахмутскаго. Близкими сосѣдями ихъ

и болѣе частыми гостями были Кудрявовы, Любицкіе, Депрерадовичи, Закревскіе, Акимовы, Шабельскіе, Веригины и офицеры изъ Кременной.

Кременная, иначе Новый Глуховъ, въ ту пору (въ первой половинѣ настоящаго вѣка) была громаднымъ кирасирскимъ поселеніемъ на берегу Жеребца (вблизи впаденія его въ Донецъ) и въ 15 или 18-ти верстахъ отъ Селимовки. Въ Кременной находился штабъ: здѣсь жило окружное начальство, вѣдавшее часть того района, который принадлежалъ Чугуеву. То и дѣло скакали туда и сюда (изъ Кременной въ Селимовку и обратно) верховые, да гремѣли ухарскія тройки съ колоколами. Кирасирскіе офицеры во множествѣ наполняли собою палаты Шаховыхъ Они были превеселыми компаньонами въ громкихъ и тихихъ пиршествахъ. Они, кирасиры-то, были кладомъ для гостепріимнѣйшихъ братьевъ Аврама и Ивана. Эти кирасирскіе соколы изъ Кременной и придавали пиршествамъ особую прелесть и азартность, подвигали Шаховыхъ на столь частое устроеніе пированій, возводили кутежное дѣло на высокую степень совершенства. Статные, красивые и веселые кирасирскіе офицеры были украшеніемъ Шаховскихъ баловъ, они блистали пикантной костюмировкой и ловкими манерами. Отъ кирасирскихъ бальныхъ орловъ таяли очень многія женскія сердца. Въ удобныя минуты они порхали въ садъ, освѣщенный сотнею огней; здѣсь гуляли, освѣжались нарядныя пары, а иныя уединялись въ темныя аллеи для объятій и нѣжныхъ поцѣлуевъ. Всякій балъ сопровождался тонкимъ общимъ волокитствомъ въ залѣ и любовными картинами въ саду (лѣтомъ). Однажды съ бала кирасиръ и красавица—жена небогатаго помѣщика—убѣжали. Однажды съ бала кирасиръ увезъ дѣвицу—и въ ту же ночь обвѣнчался съ нею. Во время бала случилось, что ревнивый мужъ побилъ палкою блестящаго кирасира на мѣстѣ любезничанья съ женою сего мужа—въ уединенной бесѣдкѣ. Случилось и такое, тоже въ бальное время, что важный харьковскій баринъ увлекъ кирасирскую даму и покатилъ съ нею за границу

Самыми близкими лицами, проживавшими по временамъ у Шаховыхъ, были нѣкоторые мелкопомѣстные дворяне и безземельные

мельные отставные пенсіонеры: маіоры, капитаны, поручики. Особенно любилъ окружать себя такими Аврамъ Шаховъ. Они всюду слѣдовали за нимъ: осматривалъ панъ Аврамъ хозяйство (поле, скотарни, овчарни и др.)—и отставные маіоры, капитаны и поручики слѣдовали за нимъ; отправлялся Аврамъ Александровичъ въ гости—и пенсіонеры отправлялись съ нимъ; появлялся этотъ баринъ въ Харьковѣ—появлялись вмѣстѣ съ нимъ пенсіонные маіоры, капитаны и поручики. Они составляли какъ-бы свиту его. Такъ и говорили тогда: планета панъ Аврамъ и спутники его. Рѣдко панъ Аврамъ выходилъ или выѣзжалъ одинъ; обыкновенно онъ выѣзжалъ и выходилъ со спутниками. Эти спутники и представляли звѣрей во время пиршества

Самымъ частымъ посѣтителемъ Шаховыхъ, любимцемъ ихъ, непремѣннымъ членомъ пировъ громкихъ и тихихъ былъ селимовскій священникъ о. Автономъ. Онъ былъ вдовецъ. Красавецъ собой, цвѣтущій здоровьемъ, ростомъ и сложеніемъ подобный Шаховымъ, онъ выдавался какъ юмористъ и анектодистъ, веселый и неутомимый краснобай; а по части выпивки никто не могъ состязаться съ нимъ. О. Автономъ неуклонно всегда держалъ круговую—и никогда не бывалъ пьянъ, никогда не напивался до положенія

— Люблю батька за это!—говорилъ панъ Аврамъ, цѣлуя батька. Въ семинаріи всѣ такіе?

— Всѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ!—отвѣчалъ о. Автономъ.

— Вотъ если-бы всю ее, семинарію, сюда!—восклицалъ Аврамъ.

Этотъ батько превосходно игралъ на билліардѣ, онъ продѣлывалъ на немъ удивительно искусные удары и положенія шаровъ, весьма рѣдко проигрывалъ партію. О. Автономъ любилъ и въ карты поиграть; азартно игралъ и проигрывался иногда до послѣдней нитки. Случалось, приходятъ изъ панскаго двора люди и забираютъ лошадей, коровъ, быковъ, овецъ, свиней; разъ забрали даже куръ, утокъ и гусей. Если онъ проигрывалъ Шаховымъ, то они, пошутивши, возвращали забранное, если проигрывалъ спутникамъ Аврама или кирасирамъ, то забранное

не возвращалось. Бывали и обратные виды: пригоняютъ во дворъ батюшки лошадей, или овецъ, или воловъ и коровъ,—это карточный выигрышъ о. Автонома

Бывало начнется пированіе, а о. Автонома нѣтъ. Тогда посылаютъ за нимъ—и уже непремѣнно разыщутъ его и привезутъ. Разъ было такое: посланные доложили барину Авраму Александровичу, что батюшка о. Автономъ дома *сплять*. Велѣно идти разбудить и привести. Послы возвратились съ объявленіемъ, что никакъ *неможно разбудыть, хропуть* на весь домъ.

Оце розбуркаемъ, воны зивнуть, перевернутся на другый бикъ и зновъ!—докладывали лакеи.

— Якъ оце росштовхаемо, оце лупнуть очима, щось протянуть голосомъ, та перевернутся на другій бикъ, тай зновъ дуже хропуть!—объяснилъ кучеръ.

— Пойти и принести попа сюда на томъ, на чемъ онъ спитъ!—приказалъ баринъ.

Люди вошли въ домъ о. Автонома, взяли на плечи диванъ—и понесли этотъ диванъ со спящимъ на немъ батюшкою (это было днемъ). Поставили тотъ диванъ въ пиршественномъ залѣ. Панъ Аврамъ и компанія его потѣшались надъ спящимъ. Наконецъ, онъ, о. Автономъ, пробудился, возсталъ крайне изумленный. Сколько было хохота и веселья! Пили по этому поводу съ особеннымъ азартомъ.

Въ дамскомъ обществѣ о. Автономъ пожиналъ лавры. На балахъ дамы водили его, что называется за полы, липли къ нему, какъ мухи къ меду. А онъ ловко и нѣжно увивался между дамами, занималъ ихъ веселыми и милыми шутками, пріятными и умными разговорами. Статные кирасиры съ досады усы только покручивали да губы морщили, глаза прищуривали, а другіе кирасиры нервно сяблями постукивали да шпорами бряцали. Отецъ-же Автономъ, окруженный прекраснымъ поломъ, хохоталъ весьма громкимъ густымъ мелодическимъ басомъ; и это очень пріятно выходило въ соединеніи съ нѣжными голосами хохотуній, бросавшихъ на прекраснаго батюшку кокетливые и заискивающіе взгляды.

Жена Аврама Александровича была неравнодушна къ о. Автоному; къ нему она относилась особенно нѣжно, была съ нимъ очень мила. О. Автономъ выражалъ поклоненіе этой дамѣ тѣмъ, что послѣ каждой обѣдни являлся въ домъ, въ спальню барыни, подносилъ съ изысканною угодливостію просфору ей и чувствительно цѣловалъ ручку ея; а въ церкви своимъ порядкомъ подносилась ей просфора.

Такъ-то живали паны Шаховы.

Были у Шаховыхъ излюбленные ими и чрезвычайно угодливые имъ люди. Такихъ немногихъ они баловали, а нѣкоторыхъ устарѣвшихъ отпускали на волю.

— Хиба теперешни паны живуть такъ, якъ стари паны жилы! А вже й жилы добре! Перомъ имъ земля! Теперешни усе взаграныцю йиздять. Хто его зна, що воны тамъ роблять; а тильки выдно, що дуже багацько грошей туды вовять и тамечкы гроши ти пропадають! Чортъ знае, що завелось! Стари паны тежъ роскошно жилы, тежъ багацько грошей зводылы, то сами и добре хозяйнувалы! Та-таки ти гроши тутечки—значить у своїй землм—зоставалыся: чи портный, чи купець, все-жъ ремеслени люде биля ихъ кормылыся.

Такъ говорили эти старики, глядя на модныхъ пановъ, а больше всего указывая на ближайшаго. Этотъ былъ сынъ ихняго стараго пана Аврама. Онъ, Александръ Аврамовичъ, получилъ громадное наслѣдство—имѣніе отца и имѣніе дяди Ивана. Какъ-же онъ жилъ и что сдѣлалъ съ удвоеннымъ богатствомъ? Очень рѣдко и мимолетно заглядывалъ Александръ Авр. въ Селимовку. Онъ велъ бурную жизнь въ Парижѣ и Петербургѣ, развѣвалъ тамъ деньги на карты, вино и женщинъ. Не достигши 40 лѣтъ, окончилъ тѣмъ, что надѣлалъ массу долговъ—и *застрѣлился*! Послѣ этого Селимовку продали съ молотка, и купилъ ее графъ Стенбокъ.

Предсказаніе Рѣзниковцевъ сбылось!

А. Полницкій.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА*).

VII. Письма Василія Яковлевича Ломиковскаго.

(1822—1830 г.г.)

46. Получивъ сильную охоту читать церковныя книги, между протчими другими, отыскалъ я въ библіотекѣ своей любопытную книгу, писанную протестантскимъ пасторомъ Пурдгольдомъ; здѣсь во всѣхъ догматахъ стоитъ онъ за греческую церковь и доказываетъ преимущество оной и невредимую святость ея.—Зная, что вы очень жалуете подобныя книги, препровождаю оную для прочета, такъ же и другую хорошую книгу, вышедшую изъ типографіи извѣстнаго Новикова, подъ заглавіемъ *Діоптра* или *Зерцало мірозрительное*. При семъ препровождаю также и словарь вашъ о духовныхъ писателяхъ, въ новомъ переплетѣ. Сверхъ того, присоединяю портретъ уважаемаго вами писателя Сковороды. О, какъ мнѣ жаль, что патріархъ Іоакимъ, движимый будучи мнѣніями братьевъ Лихудовъ, невыгодно отзывался объ преизящныхъ твореніяхъ безцѣннаго Транквилліона нашего. Изъ словаря сего очевидно, что патріархъ Іоакимъ имѣлъ личную вражду съ ученымъ протопопомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, наипаче же съ Симеономъ Полоцкимъ кажется; они были причиною, что онъ вообще не довѣрялъ сочиненіямъ украинскихъ пастырей; таковое недовѣріе могло и его ввести въ ошибку, о чемъ и свидѣтельствуетъ тотъ же словарь, сими

*) См. Кіевск. Стар. 1897 г., іюль—августъ, 53—71.

словами: „Симеона Полоцкаго винили въ нѣкоторыхъ и такихъ мнѣніяхъ, въ которыхъ не было вины его“. Такъ точно могли обвинять и Транквилліона, которой прегорько плакалъ о томъ. Читая жизнеописаніе о писателяхъ духовнаго чина, содрогаешься, видя, какъ враждебный духъ засѣвалъ плевелами ученіе церкви нашей. Великороссійскіе пастыри жестоко боролись съ протестантскою ересью, и были иногда одолѣваемы оною, да и нынѣ западная ересь заражаетъ многихъ ученыхъ богослововъ на сѣверѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ творенія ихъ. Напротивъ того, украинскіе пастыри сильно боролись съ папистами и сколь сіи послѣдніе не дѣлали самыхъ хитрыхъ усилій, но наши съ постояннымъ терпѣніемъ одолѣвая, одолѣли ихъ совершенно. Но какія однакожъ являются противорѣчія въ словарѣ семъ, объ украинскихъ пастыряхъ. Въ похвалу ихъ говорятъ, что украинскіе пастыри, какъ то: Зизаній, Барановичъ, Іоаникій Галятовскій, Тарасій Земка, Гизель и проч. всемѣрно охраняли церковь нашу отъ западныхъ плевеловъ и сильно возражали противъ папистовъ, которые изъ всякой мѣры выходили въ коварствахъ своихъ, ибо въ началѣ XVII вѣка католики и уніаты нарочно портили богослужебныя книги, а особливо тѣ, которыя касались до исповѣданія вѣры, и печатая въ своихъ типографіяхъ, издавали оныя подложно, подъ видомъ православныхъ.— Потомъ говорится въ пользу украинскихъ пастырей, что кіевскій митрополитъ Петръ Могила, видя усилія папистовъ терзать церковь нашу, издалъ въ 1629 году Литургіаріонъ или служебникъ, а въ 1640 году нашелъ за необходимое, къ сентября 8-му дню, пригласить въ Кіевъ, на соборъ, подвластныхъ ему епископовъ малороссійскихъ съ протчими духовными, на которомъ соборѣ слушанъ былъ катехизисъ игумена Исаіи Козловскаго, такъ же составлена славная книга, именуемая: *Изложеніе вѣры или православное исповѣданіе*. Книга сія, на простомъ греческомъ и латинскомъ языкахъ написанная, послана была съ тремя депутатами, въ 1643 году, въ городъ Яссы, гдѣ въ то время со стороны константинопольскаго патріарха и кіевскаго духовенства былъ соборъ на кальвинистовъ. Здѣсь то

книга сія константинопольскими депутатами разсмотрѣна, исправлена, одобрена и для конечнаго утвержденія послана къ восточнымъ патріархамъ. Константинопольскій патріархъ Діонисій вторично издалъ книгу сію въ Голландіи, въ 1672 году. Не говоря о томъ, что книга сія по изяществу своему, была переводима непрестанно на разные языки европейскіе реформатскими епископами и католическими учеными, но къ чести ея служитъ и то, что іерусалимскій патріархъ Нектарій и московскій патріархъ Адріанъ сочинили къ оной свои предисловія.—И какъ же я удивился, когда, послѣ таковыхъ похвалъ великому мужу сему, начиталъ я, что въ 1668 году братья Лихуды явно вооружились противъ *большаго требника* кіевскаго, противъ двухъ *катихизисовъ Петра Могилы* и противъ *Зерцала богословія* Кирилла Транквилліона, говоря, что въ оныя книги вкралось папистическое мнѣніе о пресуществленіи евхаристіи словами Христовыми: пріимите, ядите и проч., а не священническимъ послѣ того призываніемъ св. Духа.—Далѣе, опять я начиталъ въ пользу украинскихъ учителей, на стран. 252 говорится: „Исторію споровъ можно видѣть въ книгѣ патріархомъ Іоакимомъ или, лучше сказать, самими Лихудами составленной, подъ названіемъ *Остенъ*. Патріархъ Іоакимъ говоритъ въ книгѣ сей, что онъ принужденъ былъ писать въ Кіевъ къ митрополиту Гедеону, и въ Черниговъ, къ архіепископу Лазарю и къ инымъ духовнаго чина начальникамъ. И тіи, говоритъ патріархъ Іоакимъ, всесовершенно покорилися со всею паствою и во всемъ согласилися съ восточною святою церковію и святѣйшими патріархами. Когда украинскіе пастыри были въ семъ согласны со святою восточною церковію, какъ и самъ патріархъ утверждалъ то въ 1689 году, то какъ бы кіевскій митрополитъ могъ допустить къ напечатанію *Зерцала Богословія*, Транквилліона, третьимъ изданіемъ въ 1696 году, еслибъ книга сія въ чемъ либо была не согласна съ общимъ мнѣніемъ пастырей церковныхъ? Отличнѣйшее уваженіе къ *Зерцалу Богословія* побудило меня распространиться о предметѣ семъ*)...

---

[1]) Точками обозначены сдѣланные нами пропуски въ письмахъ.

Юпитеръ грозенъ, наипаче въ высокосный годъ, всѣ жалуются на тяжелыя времена. Отъ рубежей полтавскихъ до Чернаго Моря и Дона, кромѣ саранчи, пожравшей труды человѣческіе, въ дополненіе къ тому необыкновенная засуха пожгла всѣ поля и засушила рѣки и студенцы. Въ малороссійскихъ же губерніяхъ холодные дожди хотя и даровали намъ обильнѣйшій урожай, однакожъ непрестанные грады во многихъ мѣстахъ опустошали поля наши обширными полосами. Къ довершенію общей горести, стали являться у насъ многія семейства изъ южныхъ губерній, прося хлѣба насущнаго, говоря, что саранча пожрала у нихъ даже и старые запасы въ скирдахъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ проѣзжихъ говорили намъ, что мелкая саранча съ красными крыльями, самая прожорливѣйшая, опустошивши Крымъ, ударилась къ морю. Крупная же саранча, съ сѣрыми крыльями, гнѣздившаяся на Дону, направила полетъ свой на сѣверозападныя губерніи, что она раздѣлилась на разные отряды, что она въ павлоградскомъ уѣздѣ тянулась двѣ недѣли непрестанно, пожирала тамъ всю солому на крышахъ и затопляла колодези. Мы стали поспѣшать снятіемъ хлѣба съ полей. Вдругъ услышали, что ужасная сила саранчи сѣла подъ селомъ Кибенцами, на ночлегъ, 22 іюля.—23 числа пустилась она прямо въ Трудолюбъ*) и тянулась три часа. 24 числа явилась отъ сѣвера несравненно большая сила саранчи, ночевала, въ виду Трудолюба, два дни сряду и, словомъ сказать, четыре дня сраду съ разныхъ сторонъ нападала на мои земли; но вотъ ужъ пятой день, какъ нѣтъ объ ней никакого слуха. Въ Трудолюбѣ она почти никакого вреда не сдѣлала, развѣ только копъ на двѣ обгрызла зеленаго овса; вообще въ сосѣдствѣ нашемъ она всѣхъ щадила, исключая тѣхъ, у коихъ застигла пшеницу и зеленое просо; кормилась же наиболѣе травой и очеретомъ; она непрестанно бросала изъ себя пометъ на подобіе длиннаго овса, цвѣтомъ зеленоватаго, и всѣ поля мои утучнила симъ навозомъ. Покрывши огороды мои и баштанъ толстымъ слоемъ, пожрала всѣ сорныя травы, а посѣвовъ отнюдь не тро-

*) Имѣніе В. Я. Ломиковскаго.

гала; словомъ выполола мнѣ баштанъ и огороды гораздо лучше и чище, чѣмъ нанятые полольники. Если она не навѣститъ насъ на зимовье, то мы очень дешево раздѣлаемся съ нею. Въ послѣдствіи мы услышали, что она стала пожирать всякой хлѣбъ даже и гречиху, о которой говорили, что саранча не прикасается къ ней. . . . .

1824. Іюля 30. Паркъ Трудолюбъ.

47. Вы сами пожелали знать имя Сковороды; желая колико можно угодить вамъ, нашелъ и два письма, являющія образъ мыслей писателя сего; полагая, что это будетъ для васъ пріятно, сообщаю вамъ всю книгу, выписать же писемъ я не могъ потому, что страдалъ ногтоѣдомъ, на которой я тогда же жаловался вамъ.—Касательно же чванливаго Вернета, мужчины съ бабьимъ умомъ, то я, пробѣжавъ пустословіе его съ довлѣющимъ презрѣніемъ, жалѣлъ объ участи Сковороды, что судьба на сей разъ предоставила мелкому умнику дѣлать свой судъ надъ благочестивымъ мужемъ *).

Сей Вернетъ нѣкогда въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, подобно Фуксу, не стыдился лжесвидѣтельствовать, что Суворовъ уважалъ его и неоднократно спрашивалъ его мнѣній и даже совѣтовъ; потомъ воскликнулъ: я бѣдный учитель, то можетъ быть и не повѣрятъ мнѣ въ этомъ! Всѣ статьи его отзывались нестерпимымъ высокомѣріемъ: при чтеніи оныхъ у меня дѣлалась оскома, и я принужденъ былъ отказаться отъ *Украинскаго Вѣстника*. Вотъ какъ мнѣ допёкъ Вернетъ и подобные ему писатели! Позвольте при семъ изложить вамъ, какая во мнѣ родилась мысль, прочитавъ буйное мнѣніе о Сковородѣ; я тогда подумалъ: о несчастные! Истинно должно жалѣть объ васъ; вы теперь точно такъ поступаете, какъ въ первомъ вѣкѣ поступала римская публика; она, почитая себя истинно просвѣщенною, отзывалась о первыхъ христіанахъ съ большимъ уничиженіемъ, говоря: „явилась совсѣмъ новая секта, называемая братство христіанское; люди сіи, въ ослѣпленіи своемъ, презираютъ сча-

*) Разумѣется статья о Сковородѣ, *Гееса-де-Кальве* и *Ив. Вернета*, напечат. въ *Украинск. Вѣстникѣ* 1817 г., № 4, стр. 131. О Вернетѣ см. *Современникъ* 1847 г., № 2.

стіе и готовы идти на всякую смерть за странное ученіе свое". Такъ отзывалась тогда римская ученость о всѣхъ христіанахъ; и могла ли она представить себѣ, что сіи, по мнѣнію ея, варвары, погруженные въ глубокое невѣжество, обличатъ въ заблужденіяхъ первѣйшихъ мудрецовъ міра и уничижатъ всѣ языческія системы! Не такъ ли и теперь вольнодумная ученость и во множествѣ наружные христіане судятъ о людяхъ прилежавшихъ къ Слову Божію ученіемъ и житіемъ своимъ? Они едва увидятъ непонятное для нихъ сочиненіе въ духѣ истины, сейчасъ восклицаютъ: это мистика! Едва зайдетъ рѣчь объ человѣкѣ, живущемъ въ страхѣ Божіемъ, они или съ насмѣшкою, или съ сожалѣніемъ, а болѣе съ презрѣніемъ говорятъ: онъ мистикъ, онъ несчастный занимается мистикой! А спросите у нихъ, что есть мистика? Они или станутъ въ пень, или прокракаютъ, съ гордымъ увѣреніемъ, несообразную нелѣпицу. Между тѣмъ, почти нѣтъ возможности вразумить ихъ, что они то суть тѣ, кои погрязли въ тинѣ заблужденій; имъ никакъ и на мысль не приходитъ, что объ нихъ сказано: *„преогіочевающіи, живущіе во гробѣхъ; трапеза ихъ предъ ними въ сѣть и въ воздаяніе и въ соблазнъ. Помрачатся очи ихъ, еже не видѣте. Не внидутъ въ правду твою и съ праведными не напишутся"* (Псаломъ полунощницы субботной). Когда я, прилежный и послушный въ наставленіяхъ вашихъ, столь уничижительно мыслю объ писателяхъ, учадѣвшихъ въ школьныхъ бредняхъ, кольми паче посмѣется имъ глубокой созерцатель, пріобыкшій къ строжайшимъ изслѣдованіямъ! Вы, съ терпѣніемъ, осторожностію и со смиреніемъ духа, напутствовали меня на свѣтлую стезю небеснаго ученія, и нынѣ, хотя бы легіоны модныхъ словесниковъ убѣждали меня своротить съ пути истиннаго ученія церкви нашей, устою непоступно! Еслибъ кто предложилъ мнѣ: выбирай одно изъ двухъ—или перемѣни нынѣшній образъ мыслей своихъ, или прими чашу цикуты,—я бы не обинуясь отвѣчалъ ему: подай мнѣ три чаши цикуты! Такъ сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ спасительныя истины церкви нашей.

Мы выпроводили изъ келій своихъ ликъ Сковороды, но самъ Сковорода не желаетъ оставить насъ, видно судьба велитъ намъ сохранять ликъ его. . . . .

Я былъ при послѣднихъ дняхъ Трохимовскаго *) и видѣлъ, съ какимъ равнодушіемъ оставилъ онъ міръ сей. Утромъ пригласилъ священника; принявъ св. Тайны, сказалъ, что чрезъ сутки умретъ, однакожъ въ восьмомъ часу вечера игралъ въ невинной бостонъ, отпускалъ анекдоты, ужиналъ съ пріятелями и, помолившись Богу, уснулъ на вѣки. Онъ въ разговорахъ своихъ обнаруживалъ сладчайшее упованіе на Господа, и былъ виною, что я на усопшаго смотрѣлъ не какъ на человѣка, но какъ на ангела, переселившагося въ небо, и съ нѣкакимъ умиленіемъ проводилъ его въ могилу . . . .

Крѣпко захотѣлъ я навѣстить С. Л. Алексѣева. Соблюсши Спасовъ постъ, думалъ на второй недѣлѣ отговѣть у него. Пріѣзжаю и застаю балъ и танцы; трапеза скоромная, да и церковь была заперта всю недѣлю. Хозяинъ и хозяйка во все время, колико можно уклонялись отъ философіи своей, а я и подавно. Однажды я и посторонній гость сошлись съ хозяиномъ въ собственной комнатѣ его; рѣчь зашла о газетныхъ новостяхъ; хозяинъ безъ всякаго сожалѣнія отзывался о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ греками, и держалъ сторону срацыновъ. Вотъ плоды мнимаго благочестія! Гость возразилъ ему, что должно сожалѣть о единовѣрномъ намъ народѣ. Я въ самыхъ короткихъ словахъ скромно поддержалъ мнѣніе гостя. Хозяинъ отвѣчалъ мнѣ: это пахнетъ Кіевомъ! Я, указавъ пальцемъ на претолстую книгу, сказалъ: благодарю Бога моего, что я съ этимъ ужаснымъ духомъ сподобился развѣдаться въ настоящемъ, а не въ грядущемъ вѣкѣ. Послѣ сего мы оба замолчали. На слѣдующій день я попростился съ обыкновенною дружбой и взаимнымъ доброжелательствомъ. Дорогой думалъ я, какъ мнѣ жаль этихъ добрыхъ людей! повидимому нѣтъ никакой надежды отстать имъ отъ лжеученія; но не оставлю молитвы своей; у Про-

*) Практическій врачъ, пользовавшійся большою извѣстностью въ Полтавщинѣ.

видѣнія свои пути. Сколько такихъ примѣровъ есть, что человѣкъ, стоявъ на краю погибели, внезапно торжествуетъ. . .

Хорольскіе и лубенскіе помѣщики жаловались мнѣ, что у нихъ сего лѣта не принялась въ садахъ ни одна прищепа; напротивъ того, у меня на открытой горѣ, всѣ кіевскія лѣторосли пустили погоны не менѣе двухъ аршинъ; иные хотя и не достигли сего росту, но вообще всѣ принялись какъ бы по именному указу. Вотъ благодать, когда что сообщается съ самымъ чистымъ усердіемъ!—Сладкая брюква дала сѣмяна въ довольствѣ, а кіевская тыква, кромѣ того, что вѣсомъ въ два пуда, еще же и вкусомъ своимъ примѣтно деликатнѣе нашихъ тыквъ, а сверхъ того имѣетъ сѣмяна очень крупныя; поелику же изъ сѣмянъ сихъ выжимаютъ масло, а народъ на гулянкахъ грызетъ ихъ вмѣсто орѣховъ, то это для хозяйства не бездѣлица. За все сіе премного благодаренъ вамъ.—Въ день имянинъ кумы вашей, была въ Кибенцахъ иллюминація противъ садоваго крыльца. Тогда, подъ вашимъ дереномъ стояла кадка съ пунцозыми цвѣтами, казалось, что то деренъ цвѣтетъ. Замѣтивъ пріятную картину сію, я сказалъ министру: посмотрите, какъ мило деренъ украшенъ. Онъ отвѣчалъ: это дерево, спасибо, я получилъ отъ пріятеля своего.

Благодареніе Богу, жатва у насъ сей годъ была обильная; садовыхъ овощей совсѣмъ нѣтъ, весняный холодъ и гусеница сгубили ихъ. Ужасная саранча долго тянулась черезъ Малороссію, но хлѣба не вредила и пошла большею частію на западъ; однакожъ мы не совсѣмъ избавились отъ нея, малаа часть залегла зимовать, какъ шведъ подъ Полтавой; другая же часть; какъ татары, легла за Днѣпромъ, близъ Кременчуга. Въ харьковской же губерніи саранча залегла въ несмѣтной силѣ. Мы страшились токмо саранчи, и никакъ не предвидѣли того, что черви пожрутъ молодую рожь нашу. Иные хозяева въ другой разъ засѣвали поля свои и вновь черви все зерно пожрали. Теперь народъ отправляетъ молебны въ полѣ, да избавитъ насъ Богъ отъ пагубныхъ червей сихъ! Естественная причина сему та, что до сихъ поръ не было у насъ ночныхъ морозовъ, ко-

торые бывало въ августѣ мѣсяцѣ вредили гречиху. Стоитъ только ангелу, правителю стихіи, ударить на землю морозомъ и изчезнутъ губителя насущнаго хлѣба . . . .

Въ августѣ мѣсяцѣ, неожиданно, получилъ я большой пакетъ съ надписью: „Опекуну надъ имѣніемъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ“. При чемъ получилъ я письмо отъ маршала, содержащее въ себѣ извѣщеніе, что онъ безъ сношенія со мной избралъ меня въ опекуны. Я, поблагодаривъ маршала, что онъ далъ мнѣ случай быть полезнымъ внукамъ благодѣтельнаго мужа, отправился въ Сорочинцы для принятія опеки. Едва приступилъ я къ описи имѣнія, какъ получилъ изъ нижняго суда требованіе, чтобы я немедля заплатилъ въ приказъ общественнаго призрѣнія 3000 рублей, угрожая при томъ, что если въ самомъ скоромъ времени не уплачу оной суммы, то домъ Трохимовскаго и сто душъ крестьянъ сейчасъ будутъ описаны въ казенное вѣдѣніе. Обнадеживъ, что я могу въ скоромъ времени уплатить оную сумму, отклонилъ на время страшную угрозу. Вникнувъ же во внутренное состояніе имѣнія сего, нашелъ слѣдующее: 1) имѣніе сіе состоитъ изъ четырехъ деревушекъ, растянутыхъ одна отъ другой на дальнее пространство, и вообще составляетъ 240 душъ. Имѣніе сіе отъ перваго пріобрѣтателя своего, М. Я. Трохимовскаго, и слѣдовательно отъ самаго основанія своего, не имѣло устройства; благодѣтельный врачъ, посвятивъ себя человѣколюбію, никогда не заглядывалъ въ хозяйство свое. Сынъ его, по причинѣ болѣзни, былъ всегда въ отсутствіи.—Потомъ оно было подъ надзоромъ престарѣлой вдовы, избравшей себѣ на помощь г. попечителя. Наконецъ, оно ввѣрено было г. опекуну. 2) Оказалось, что въ рабочемъ скотѣ имѣется большой недостатокъ, отъ чего какъ хлѣбопашество, такъ и всѣ статьи хозяйскія до крайности запущены.—3) Сынъ пріобрѣтателя оставилъ имѣніе сіе подъ двумя залогами въ приказъ за 12000 р. 4) Бывшій опекунъ, мелкопомѣстный житель сорочинской, ухватился за одну лишь винокурню, курилъ горѣлку непощадно, порубилъ лѣса кое какіе, выбралъ весь хлѣбъ, процентовъ-же и капитала отнюдь не платилъ и денегъ

не оставилъ.—5) Мать малолѣтнихъ, вышедшая замужъ за молодаго и безпріютнаго недоросля, дружно съ опекуномъ распечатала сундуки безъ свидѣтелей и выбрала изъ дому все, что душа хотѣла до послѣдней копейки; потомъ разладивъ съ опекуномъ, подала просьбу на него генералъ-губернатору, жалуясь, что опекунъ разорилъ имѣніе любезныхъ дѣтей ея. Опекунъ же съ своей стороны донесъ губернскому правленію, что мать, кромѣ дорогихъ вещей, взяла изъ экономіи 2000 р. 6) Наряжено слѣдствіе. Спрашиваютъ у бывшаго попечителя: вы запечатывали сундуки?—Я.—Подайте опись вещамъ.—Я запечатывалъ сундуки, не разсматривая, что въ оныхъ находится, и потому и не могу знать какія вещи въ сундукахъ находились.—7) Послѣ непощадныхъ опустошеній, начиная съ родственниковъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, всѣ отказывались отъ опеки, тогда вспомнили и обо мнѣ.

Вотъ какъ отблагодарили тому благодѣтельному мужу, который въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, навѣрно не преминулъ ни одного семейства въ округѣ нашей, гдѣ бы не оказалъ услугъ своихъ, или дѣду, или сыну его, или внукамъ его.

Затрудненія мои состояли въ слѣдующемъ: 1) слѣдовало мнѣ безъ всякаго отлагательства внести капитала и процентовъ, просроченныхъ отъ октября мѣсяца прошлаго 1823 г., 2600 р., просроченныхъ же отъ мая мѣсяца текущаго года, свыше 300 р.; сверхъ того, за нынѣ текущій годъ слѣдуетъ уплатить сего октября мѣсяца еще около 2500 р., и сверхъ того царскосельскіе питомцы, въ письмахъ своихъ къ теткѣ и къ приказчику, вопіютъ, что имъ около двухъ лѣтъ не присылаютъ изъ экономіи ни копѣйки, чрезъ что они терпятъ крайнюю нужду въ бѣльѣ и подобныхъ мелочахъ.—2) Всѣ строенія хозяйскія развалились и требовали скорѣйшей починки; дворовая челядь голёшенькая и нечѣмъ обшивать ее; а потому и велѣлъ я сукно ткать, кожи чинить, погребъ для пчелъ сдѣлать, плотины гатить, мельницы починить и проч., и проч. Нѣтъ даже и одного мѣшка для сыпки хлѣба; нѣтъ даже веревки для связки хлѣба при перевозкѣ съ поля, и, словомъ сказать, какъ бы татарское опустошеніе . . . .

Извѣстно, что М. Я. Трохимовскій велъ жизнь самую благочестивую и Богъ благословлялъ его. То непреложно, что провидѣніе особенно благоволитъ къ сѣмени мужей благочестивыхъ. Сынъ добродѣтельнаго мужа сего, на 26-мъ году, былъ въ чинѣ полковничьемъ и могъ быть очень полезнымъ человѣкомъ, но какъ онъ не умѣлъ владѣть собой и не всегда уважалъ спасительныя наставленія мудраго отца своего, пустился въ разъѣзды при послѣднихъ дняхъ жизни его и, не заставъ родителя своего въ живыхъ, утерялъ родительское благословеніе, господствовавшее желаніе отца его. Такимъ образомъ, онъ, по собственной волѣ своей, удаляясь отъ милостей Провидѣнія, умеръ въ горести, подъ чуждымъ кровомъ—и никто изъ родныхъ не видѣлъ гроба его. Онъ по природѣ былъ очень доброй души и въ сердцѣ своемъ носилъ страхъ Божій, насажденный благочестивыми родителями; но добрыя свойства сердца сего, въ толпѣ вольнодумцевъ, именующихъ себя моднымъ свѣтомъ, не рѣдко заглушались иноземными плевелами. Оставшіеся два сына его обѣщаютъ доброе, и кажется, что самъ Господь блюдетъ ихъ, дабы излить на нихъ благословеніе въ воздаяніе праведной жизни дѣда ихъ; вотъ и нѣкоторыя доказательства.

1) П. К. графъ Разумовскій *) отказалъ имъ 100 тысячъ рублей и внесъ оную сумму въ банкъ для приращенія до возмужалости ихъ.—2) Государь императоръ повелѣлъ воспитать ихъ въ царскосельскомъ лицеѣ на казенномъ иждивеніи.

Извѣстно, что изъ лицея сего выскакивали ужасные вольнодумцы, какъ напримѣръ—стихотворецъ П. **)—Однакожъ старшій внукъ Трохимовскаго, Николай Михайловичъ, показалъ, что онъ наслѣдилъ духъ благочестія по слѣдамъ дѣда своего; въ доказательство тому представляю вамъ выписку изъ письма, писаннаго къ отцу своему изъ лицея. „Пожалуюсь вамъ, любезный папенька, что маменька, нанявъ для братца Алеши фран-

---

*) Гр. Петръ Кириллович Р—ій, р. 1751†1823 г., законныхъ дѣтей не имѣлъ. О немъ см. „Семейство Разумовскихъ“, II, 147—151.

**) Пушкинъ.

цуза, всего болѣе старается, чтобы онъ зналъ по-французски, а не спроситъ того, умѣетъ ли Алеша читать псалтырь и русскія молитвы".—Такъ мыслилъ 11-тилѣтній юноша. Таковой образъ мыслей даетъ мнѣ поводъ заключить, что юноша сей пойдетъ по слѣдамъ дѣда своего, истиннаго мудреца христіанскаго, который всемѣрно старался насаждать въ сынѣ своемъ сѣмена евангельскихъ добродѣтелей. Желая угодить вамъ, имѣю удовольствіе препроводить къ вамъ для прочета два письма въ подлинникѣ, а изъ третьяго, писаннаго къ сыну при вступленіи его въ службу, слѣдующую выписку. (*Слѣдуютъ выписки изъ священнаго писанія*).

Видите, какой онъ былъ боголюбезный мужъ; онъ зналъ очень хорошо греческій, латинскій и другіе европейскіе языки, однако-же не наставлялъ сына своего поученіями модныхъ философовъ, а поучалъ его словомъ божьимъ, призывалъ имя господне и приносилъ Богу нашему жертву славословія. Вотъ почему я столь отлично уважаю память мужа сего, что близь дому своего соорудилъ ему памятникъ; и сіе признаніе оказалъ ему въ воздаяніе за то, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ благочестивыхъ мужей, который въ юности моей служилъ мнѣ примѣромъ истиннаго христіанскаго благочестія.—

Теперь Провидѣніе ввѣрило въ надзоръ мой обитель его и все достояніе, свято пріобрѣтенное имъ. Выше сего описалъ я, въ какомъ ужасномъ разстройствѣ застигъ я имѣніе.—Между тѣмъ нижній судъ, по настоянію губернскаго правленія, рѣшительно приступилъ къ описанію половины имѣнія въ казенное вѣдѣніе, видя, что чрезъ раздѣленіе онаго на двѣ отдѣльныя опеки оскудѣвшее имѣніе до конца разорится, наипаче-же, если оно будетъ ввѣрено въ руки корыстолюбца,—я смѣло помыслилъ: ужели жезлъ нечестія пребудетъ надъ удѣломъ праведника? ужели обитель его будетъ попираться чуждыми стопами? и ужели жилище праведника, ходившаго въ законѣ господнемъ, будетъ поругано клеветою, яко постиженное гнѣвомъ небеснымъ?—Нѣтъ! онъ не уклонялся отъ заповѣдей господнихъ; онъ хранилъ въ сердцѣ своемъ откровеніе и уставы

божіи—и можно-ли, чтобы сый не заступилъ обители раба своего? Но вы увидите, какими стезями Богъ ниспослалъ помощь свою и заступилъ мирную обитель раба своего.

Уважая то, что промыслъ поставилъ меня на служеніе сиротамъ, могущимъ быть полезными отечеству, и чувствуя святость обязанности сей, первый шагъ мой въ дѣлѣ семъ состоялъ въ томъ, что я, послѣдую руководству Господа, гласящаго намъ: „что ни попросите во имя мое, дастся вамъ", присоединилъ ко вседневной молитвѣ моей прошеніе, чтобы Господь сподобилъ, да буду я полезенъ юношамъ, кругомъ осиротѣвшимъ. И въ силахъ ли я на важныя пособія, отягченный собственными долгами? Воздавъ хвалу Богу, обратился я къ человѣкамъ. Прежде всего написалъ письмо къ матери ихъ, проживающей въ Лубнахъ. Я представилъ ей, какимъ несчастіемъ угрожается имѣнію сыновей ея, объявилъ, что бывшій опекунъ и приказчикъ свидѣтельствуютъ, что она взяла заимообразно изъ имѣнія дѣтей своихъ до 2000 р., кои обѣщалась возвратить въ скоромъ времени, представилъ ей, что по справкѣ моей на почтѣ оказалось, что она въ недавнемъ времени получила изъ столицы болѣе 10,000 р., наконецъ, заключилъ, что если она не окажетъ теперь материнскаго пособія, то имѣніе дѣтей ея угрожаетъ паденіемъ. Она въ отвѣтѣ своемъ упрекнула меня въ легкомысліи, говоря, что я не долженъ вѣрить людямъ, но слѣдовало мнѣ прежде справиться, имѣется ли законное обовязательство на заемъ вышесказанной суммы?—Столь хладнокровный отказъ матери въ пособіи сыновьямъ своимъ мгновенно пресѣкъ стремленіе мое къ помощи отъ человѣковъ.—Когда родная мать отпирается отъ долгу своего, то кто изъ людей выручитъ тупе наслѣдіе юношей безмолвныхъ? „Помощь мнѣ отъ Господа, сотворившаго небо и землю". (Псал. 120, 2).

Зная расположеніе министра (Трощинскаго) къ фамиліи Трохимовскихъ, подробно сообщилъ ему въ Ерески описаніе, въ какомъ бѣдственномъ положеніи засталъ я ввѣренное мнѣ имѣніе, при чемъ приложилъ я собственноручныя письма его, исполненныя доброжелательными выраженіями къ М. Я.; одно изъ

писемъ сихъ было писано назадъ тому 36 лѣтъ. Навѣстить-же министра за недосугами я не могъ.—17-го сентября поѣхалъ я къ Капнистамъ, въ Обуховку, гдѣ былъ домашній праздникъ. Туда прибыла и кума ваша О. Д. Не видавшись болѣе двухъ мѣсяцевъ съ министромъ, долженъ былъ извиниться въ этомъ предъ его родными и обѣщался, при первомъ досугѣ, посѣтить его въ Ересках, куда и отправился 19-го числа. На пути семъ получилъ требованіе отъ нижняго суда, угрожавшаго, что если я къ завтрашнему числу не внесу 3000 р., то онъ имѣетъ 21 числа приступить къ описанію имѣнія и дома Трохимовскаго.

На слѣдующій день послѣ обѣдни, пошелъ въ кабинетъ къ министру, который, поблагодаривъ меня за извѣщеніе о состояніи опеки, спросилъ: какъ теперь идутъ дѣла ваши?—Я отвѣчалъ, что завтрашній день будутъ описывать въ казну мирную обитель Трохимовскаго, при чемъ вручилъ ему письмо малолѣтняго, въ которомъ онъ объясняетъ теткѣ своей крайнюю нужду въ деньгахъ и проситъ у ней пособія. Министръ, прочитавъ оное, сказалъ: деньги я пошлю имъ по первой почтѣ; потомъ промолвилъ: я говорилъ домашнимъ своимъ, что стыдно будетъ допустить намъ, чтобы домъ благотворительнаго человѣка сего потерпѣлъ поношеніе.—Скажите, сколько вамъ надобно, двѣ или три тысячи?—Я отвѣчалъ: двѣ.—Извольте. Отдадите ихъ тогда, какъ опека ваша разбогатѣетъ. Остальная-же сумма накопилась въ экономіи малолѣтнихъ. Такимъ образомъ имѣніе сіе очистилось отъ недоимки, на что и получена квитанція.— „Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ его во истинѣ“. (Псал. 141, 18).

Можно отдать справедливость Д. П. Трощинскому, что онъ, не взирая на значительные долги свои, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, когда почти всѣ люди вообще слѣпо вдаются во власть сребролюбія, онъ постоянно придерживался благой готовности своей сдѣлать пособіе ближнему.

Еще предлежало опекѣ большое затрудненіе въ томъ, что обширный дворъ Трохимовскаго, находясь среди многолюднаго мѣстечка Сорочинецъ, окруженъ улицами, и чрезъ это всѣ

строенія и ветхій домъ, состоящій изъ 18-ти комнатъ, крайне подвержены опасности отъ воровства. Но благое провидѣніе поставило теперь надежныхъ стражей своихъ. Два грозные козака, въ зеленыхъ кафтанахъ, съ саблями и пиками, день и ночь стоятъ на стражѣ у воротъ Трохимовскаго, и какъ разъ подлѣ той незавидной хижины, состоящей изъ одной комнаты, гдѣ благодѣтельный мужъ, въ продолженіи 50-ти лѣтъ, благотворилъ безвозмедно всѣмъ бѣднымъ, день и ночь толпившимся въ доступной обители его.

Если вамъ угодно знать, откуда взялась ратная стража сія, то вотъ вамъ и развязка: Кириллъ Ивановичъ графъ Гудовичъ, обладавшій многими селами, оставивъ въ Москвѣ огромные чертоги свои, пріѣхалъ тѣсниться въ Сорочинцы. Здѣсь приступилъ къ затѣйной перестройкѣ улицъ своихъ, а какъ къ наступающей зимѣ онъ не имѣетъ мѣста, гдѣ бы могъ съ большимъ семействомъ своимъ и многочисленной помпой спокойно пріютиться, то и долженъ былъ занять домъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ. За таковыя выгоды графъ обязанъ дѣлать разныя починки въ домѣ и 1000 р. въ годъ прилагательнаго. Видите, какими непредвидѣнными путями все устраивается на пользу сиротъ моихъ.

Стараясь выполнить желаніе ваше относительно сочиненій Сковороды, я отыскалъ одного изъ помѣщиковъ нашихъ, который, служа въ харьковской губерніи, проживалъ въ домѣ Захаржевскаго, гдѣ находились многія сочиненія Сковороды. Сей помѣщикъ сказывалъ мнѣ, что онъ и самъ имѣетъ нѣкоторыя изъ сочиненій таковыхъ, и посулилъ доставить оныя...

Сорочинцы. Трудолюбъ. 1824. Октября 15.

Дек. 20—1824.

48. Заботы опекунскія тѣснятъ меня со всѣхъ сторонъ, всего-же болѣе озабочиваетъ меня жестокій притѣснитель сиротины графъ Кириллъ Гудовичъ, который самоправно, занявъ отеческій домъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ, по прихотямъ своимъ рубитъ потолки въ домѣ, рубитъ стѣны для окошекъ и рубитъ заборы для прихотливыхъ калитокъ; забавляется огнями

потѣшными среди двора уютнаго; и все сіе дѣлаетъ, войдя въ домъ самоправно и не сдѣлавъ съ опекуномъ никакого контракта. Вслѣдствіе чего подалъ я уже три жалобы на графа, но ему крѣпко потворствуютъ корыстолюбцы, и я, можетъ быть, поѣду къ князю Репнину.

При всемъ этомъ замѣтно теперь, что графъ началъ бояться опекуна, котораго никакъ подкупить не можетъ. Опекунъ съ пустымъ карманомъ, безъ всякой силы людской и самъ по себѣ столь немощный, успѣлъ преодолѣть такія затрудненія, которыя наводили ужасъ, и всѣ говорили, что не устоитъ имѣніе.—Но какъ я съ перваго дня опеки двукратно въ день молюсь Богу съ колѣнопреклоненіемъ о призрѣніи сиротины, то Богъ въ самыхъ немощахъ сихъ и являетъ чудесную силу свою.—

Къ 15 декабря, нужно было опекуну заплатить въ приказъ 2500 руб., подушныхъ 660 руб., на рекрутовъ 200 руб.,—всего 3360 руб. У всѣхъ доходы стали, самъ опекунъ въ долгахъ и по пяти рублей не имѣетъ, ибо теперь ничто не идетъ въ продажу. Но какъ онъ непредвидѣнно вновь заплатилъ долги сіи, то ему самому и на умъ не приходило то. Вдругъ гдѣ ни взялся купецъ и—далъ за шерсть 500 р., заплативъ дороже роменской продажи, и въ такое время, когда никто шерсти не покупаетъ. Вдругъ графъ, огорчившись на справедливую жалобу мою, а потомъ на огромное письмо мое, на всю ночь нарядилъ козака и прислалъ 1100 р. ассигн.; вдругъ подушное собрано, горѣлка продана, и все сіе совершилось въ одну седьмицу. Все удовлетворено и горе съ плечъ свалилось.

Графъ съ управителемъ своимъ чрезвычайно ругаетъ опекуна въ письмѣ, доставленномъ съ деньгами. Они говорятъ: „дерзкій! дерзкій“! Опекунъ-же отвѣчаетъ имъ, что дерзокъ только говоря истину въ скромныхъ выраженіяхъ. Какъ дѣяніе апостоловъ свидѣтельствуетъ, что и самъ св. Павелъ училъ истинѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно.—Они говорятъ: ты сумасшедшій! Опекунъ отвѣчаетъ: для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе. Они говорятъ: проповѣдникъ! Опекунъ

отвѣчаетъ: „не стыжусь благовѣствованія Христова, потому что оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему“. (Кор. 1: 16). „Кто меня постыдится, того и сынъ человѣческій постыдится предъ апостолами его“.

Затѣмъ доложу я вамъ, что по опекѣ сей открыты уже широкія врата судебной вражды съ богатымъ міра сего, уповающаго на златую длань свою и на родство съ начальникомъ, который однакоже любитъ справедливость *)...

Паркъ Трудолюбъ. 1824. Декабря 20.

49. Позвольте еще доложить вамъ о нѣкоемъ событіи. Въ исходѣ генваря мѣсяца, божіею помощью выигралъ я опекунскую тяжбу у милліонщика графа Гудовича, позволявшаго себѣ всѣ обычные способы; сіи на конехъ, сіи на колесницахъ, а мы во имя божіе.—И такимъ образомъ, графъ общимъ голосомъ присягателей обличенъ былъ въ жестокой неправдѣ. . . .

Трудолюбъ, 1825. Февраля 20.

50. Теперь позвольте приступить къ инымъ предметамъ имѣющимъ отношеніе къ послѣднему письму вашему. Я былъ у пріятелей своихъ **), гдѣ и прожилъ нѣсколько сутокъ; по возвращеніи же моемъ домой, услышалъ я, что оба брата потребованы въ столицу, яко члены бывшей масонской ложи, затѣянной Новиковымъ, который умеръ въ 1824 году. У насъ не сомнѣваются о томъ, что добрые люди сіи возвратятся съ честію, ибо они вступили въ ложу сію подъ благовидными предлогами и если въ ложѣ сей находились какія либо правила, чуждыя христіанству, то навѣрно таковыя правила предъ ними не обнаруживали...

Строгая совѣсть никакъ не позволяла мнѣ отказаться отъ опеки сей. Принимая-же опеку вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, члены суда сказали намъ: „такъ какъ имѣніе сіе было вовсе безъ призора, и графъ (Гудовичъ), пользуясь

*) Разумѣется кн. Н. Г. Репнинъ, бывшій тогда генер.-губернаторомъ Малороссіи. Кн. Репнинъ былъ женатъ на Варв. Ал. Разумовской, тетка которой Прасковья Кирилловна Разумовская была замужемъ за гр. Ив. Вас. Гудовичемъ, отцомъ Кирилла.

**) Алексѣевыхъ.

несчастіемъ сиротъ, отнялъ близь двора ихъ землю, о чемъ приказчикъ малолѣтнихъ подалъ въ судъ жалобу, то вы, принимая по описи въ свое вѣдѣніе сію землю, обязаны защищать оную силою законовъ". Мы, желая прекратить готовую уже тяжбу, убѣждали графа о справедливости, но онъ, вмѣсто мира, затѣялъ на землѣ той преогромную конюшню. Вторая жалоба наша была за слѣдующія обиды: принимая домъ малолѣтнихъ въ свое вѣдѣніе, застали тамъ графа, проживающаго самоправно въ домѣ малолѣтнихъ со всею помпою, и при томъ безъ договора и безъ платежа денегъ. Мы сказали графу, что какъ онъ проживаетъ въ чужомъ домѣ около трехъ мѣсяцевъ, то онъ обязанъ дать контрактъ на законномъ условіи и заплатить деньги за наемъ дома, дабы обезпечить дворъ отъ случайныхъ утратъ, а паче отъ пожара. Графъ, отвергнувъ предложеніе наше, сталъ управлять домомъ, какъ своею собственностью; сталъ рубить стѣны для прихотливыхъ окошекъ, рубить потолокъ и кровлю, ломать печки, рубить заборы, а въ праздники, среди тѣснаго двора, пускать фейерверки. Все сіе производилъ онъ безъ всякаго сношенія съ опекунами. Тогда дворянская опека предписала намъ указомъ своимъ: заключить контрактъ съ постояльцемъ незваннымъ, а въ противномъ случаѣ освободить домъ отъ постоя. Графъ не послушалъ указа. Мы просили защиты у дворянской опеки, которая предписала намъ указомъ своимъ: искать удовлетворенія законнымъ порядкомъ. Я представилъ графу всѣ обстоятельства сіи на разсмотрѣніе и далъ шесть недѣль сроку на размышленіе, избирая даже и посредниковъ къ прекращенію неудовольствій. Графъ, будучи окруженъ такими людьми, кои въ тяжбахъ его находятъ свою жатву, не переставалъ усиливать обиды; онъ, пренебрегая товарища моего, дѣлалъ для меня званные обѣды и оказывалъ мнѣ самыя приторныя ласки. Но грѣхъ было оставить сиротину на жертву хищенія; нельзя было и не послушаться законной власти. Среди таковыхъ искушеній, мы подали жалобу о предлежащей опасности, о самовольномъ проживаніи, о неплатежѣ денегъ, объ утратѣ вещей сиротскихъ и о прочихъ очевидныхъ оби-

дахъ. Графъ, надѣясь, что генералъ-губернаторъ есть близкій свойственникъ его, подалъ чрезъ жену свою жалобу на насъ генералъ-губернатору, состоящую въ величайшихъ несправедливостяхъ и самыхъ неумѣренныхъ ругательствахъ. Велѣно изслѣдовать истину, и мы каждый отъ себя подали объясненіе. Вотъ всѣ наши тяжбы, въ которыхъ милосердный Богъ, даже и по нынѣ, охраняетъ дѣло сиротское, неисповѣдимыми путями своими. Графъ ничего уже не жалѣетъ и нигдѣ не успѣваетъ. Сіи на коняхъ, сіи на колесницахъ, а мы во имя Господне...

Трудолюбъ. 1826. Мартъ 6.

51. Праздникъ скибенскій былъ очень многолюдный, генералъ-губернаторъ почтилъ оный присутствіемъ своимъ. Пиршество тянулось пять дней; пресыщеніе, упоеніе, пляски до утомленія продолжались, но главную роль представлялъ мотовитый картёжъ; всѣ почти въ долгахъ, а въ большую игру играютъ. Старикъ (Трощинскій) разохотился пировать; склонилъ многихъ, чтобы князя Репнина провожать за 20 верстъ, къ молодому Базилевскому, куда и я былъ приглашенъ *). У Базилевскаго фасадъ дома имѣетъ малое сходство съ казанскою церковью; сіе говорю я о колонадѣ, которая съ обѣихъ сторонъ обнимаетъ весьма небольшой корпусъ жилаго дома. Во всемъ домѣ мы не видѣли, на мраморныхъ стѣнахъ, ни одной картины. Все украшеніе состоитъ изъ четырехъ ликовъ г-на Базилевченка: первый ликъ изображенъ въ ростъ, въ златошвейномъ одѣяніи, писанъ въ Парижѣ. Другой ликъ,—грудной бюстъ изъ карарскаго мрамора, изображенъ съ нашего Базилевченка среди Италіи, и не описывая другихъ два лика, писанныхъ на Западѣ, можно сказать, что и самъ хозяинъ составлялъ весьма плохую копію русскаго барина, однакоже не челомъ и не устами, но строеніемъ, музыкой и винами, доставшимися отъ усопшихъ дядюшекъ. Мы угощаемы были полновѣснымъ обѣдомъ и жиденькимъ ужи-

---

*) Базилевскіе были богатые полтавскіе помѣщики. Въ к. XVIII в. ихъ было пять братьевъ, владѣвшихъ вмѣстѣ болѣе 10000 крестьянъ. См. Русск. Арх. 1875 г., I, 97.

номъ. На сей разъ самолюбіе навело слабый сонъ на скупость; замѣтно было, что скупость уже готова была воспрянуть отъ сна, дабы задавить дерзновенное самолюбіе, но мы всѣ поспѣшили разъѣхаться. Но гулянье не кончилось симъ; старикъ былъ приглашенъ Родзянками къ молодому ихъ имениннику Платону. Оттолѣ—гулянье у Оболонскаго, а потомъ опять гулянье сей день, т. е. на святыя Екатерины, у Базилевскаго-же, гдѣ именинница Катерина Базилевская, фрейлина и племянница министра Волконскаго. Старикъ усильно приглашалъ меня на сіи святочныя разъѣзды среди поста, но я однако-же отсталъ отъ пированій еще 2 ноября и понынѣ сижу дома. Природа цѣпенѣетъ отъ стужи; лѣса сбросили съ себя зеленый покровъ свой, рѣки укрыли рыбу свою льдистымъ помостомъ, птицы улетѣли на Западъ, вѣтры и мятели бушуютъ; но человѣкъ по милости божіей имѣетъ еще всѣ средства утопать въ роскоши. Ястія и питіе на трапезахъ съ четырехъ странъ свѣта и вошло въ моду при такихъ пирахъ вставать отъ стола, не перекрестившись. А тамъ утомленный путникъ, размочивъ водой оледененный хлѣбъ свой, усердно благодаритъ всеблагаго Бога, что онъ далъ ему насущную пищу . . . .

Паркъ Трудолюбъ. 1827. Ноября 24.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи. Въ Русской Старинѣ печатаются интересные очерки подъ названіемъ «На зарѣ крестьянской свободы», составленные по письмамъ и мемуарамъ 1857—61 гг. Въ апрѣльской книжкѣ с. г. здѣсь напечатана «записка», написанная по этому предмету В. В. Тарновскимъ - отцомъ. Мѣсяцъ назадъ, печатая письма Кулиша къ послѣднему, мы имѣли случай сказать—что это за ревностный былъ поборникъ «крестьянской свободы». Напечатанная въ Р. Ст. его «записка» объ этой свободѣ настолько любопытна, что мы перепечатываемъ ее здѣсь, въ сокращеніи, съ нѣкоторыми примѣчаніями, надѣясь въ скоромъ времени представить на страницахъ нашего журнала еще нѣсколько подобныхъ документовъ, принадлежащихъ перу В. В. Тарновскаго, обѣщанныхъ намъ сыномъ этого «лучшаго изъ гражданъ Малороссіи», какъ его назвалъ Кулишъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Записка» эта представляетъ собою собственно письмо В. В. Т-го, писанное имъ 1 марта 1858 года [1]), къ другому такому-же поборнику «крестьянской свободы» Г. П. Галагану, причемъ авторъ очерковъ «На зарѣ», приводя это письмо, говоритъ, что оно было доложено государю Александру Николаевичу, и сверху рукою его величества отмѣчено: «весьма любопытное и дѣльное письмо».

«Будучи въ Черниговѣ, пишетъ г. Тарновскій, я познакомился со всѣми предводителями и даже изучилъ ихъ, а также съ губернато-

---

[1]) Изъ Прилуки.

ромъ [1]), который мнѣ сказалъ, что во всякомъ случаѣ я и вы будемъ членами комитета, но чтобы мы баллотировались на выборахъ. Вслѣдствіе этого я стараюсь устроить свое избраніе и имѣю довольно надежды. Буду ли выбранъ или нѣтъ, я предложу васъ баллотировать, полагая, что въ семъ дѣлѣ срама не имаши, если и не одного бѣлаго не получишь. Если одного изъ насъ или обоихъ выберутъ, то мы будемъ имѣть нѣкоторое право совѣтовать губернатору, кого избрать на мѣсто насъ. Буду дѣйствовать, сколь возможно, сильнѣе [2]).

Къ этому считаю своею обязанностью изложить вамъ свои убѣжденія объ основаніяхъ, по которымъ можно судить о предводителяхъ и дворянахъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. Пока правительство не выразило своего мнѣнія, не дало перваго толчка, помѣщики раздѣлились на приверженцевъ и противниковъ эмансипаціи, и, разумѣется, первыхъ было очень мало. Но съ тѣхъ поръ, какъ правительство выразило свою непреложную волю, которой теперь нельзя уже не исполнить, чтобы ни дѣлало дворянство, всѣ сдѣлались эмансипаторами волею или неволею, и роли совершенно измѣнились. Теперь помѣщики различаются по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ они при этомъ преобразованіи. Встрѣчаются очень часто люди, которые не желали большей перемѣны по привычкѣ, лѣности неразвитости или старости; но когда она явилась, какъ что-то неизбѣжное, они призадумались, вздрогнули, можетъ быть не спали нѣсколько ночей, но потомъ выказали правдивость и мягкость своей природы и здравость смысла. Они хотятъ за усадьбы платы немного болѣе цѣны пахатной земли и даже готовы отъ того отказаться; за строенія не считаютъ себя вправѣ ничего требовать, за землю же, состоящую въ пользованіи крестьянъ, желаютъ повинностей, согласныхъ съ существующими обычаями вольнаго найма. Къ такимъ людямъ

---

[1]) К. П. Шабѣльскій. *Ред. К. Ст.*

[2]) Ни Тарновскій, ни Галаганъ не были выбраны членами комитета, если только они баллотировались. И Тарновскій, и Галаганъ были *назначены* членами комитета *отъ правительства*. См. „Черниг. Губ. Вѣд.“ 1859 г., № 9. Тутъ-же приведены и рѣчи, сказанныя дворянами какъ при открытіи, такъ и при закрытіи комитета. Рѣчь В. О. Подвысоцкаго, сказанная при открытіи комитета, начинается такъ: „Каждый изъ насъ давно желалъ возвратить крестьянамъ права, которыхъ они были лишены государственнымъ установленіемъ... При закрытіи комитета, В. Д. Борковскій рѣчь свою заключилъ слѣдующимъ тостомъ: „за благое преуспѣяніе свободнаго сословія, и съ нимъ—обновленіе дворянства!“. *Ред. К. Ст.*

принадлежитъ нашъ почтенный ветеранъ, Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ которымъ особенно сблизилъ меня современный вопросъ. Такого же мнѣнія М. М. Тамара и Сенковскій. Судіенко *) проповѣдуетъ по Кіеву самыя либеральныя мысли въ отношеніи къ крестьянскому вопросу и въ то же время открыто говоритъ, что онъ былъ противникомъ эмансипаціи, но когда она неизбѣжна, то необходимо предъявлять требованія умѣренныя и тѣмъ утвердить прочные интересы дворянства и спасти страну отъ бѣдствія. Подозрѣваютъ, что онъ имѣетъ при этомъ человѣколюбивыя намѣренія; но въ общественныхъ вопросахъ не нужно докапываться до глубины души, довольно того, что дѣйствія человѣка и обнаруживаемыя имъ мнѣнія совпадаютъ съ пользою народа. Въ Кіевѣ я убѣждалъ всѣхъ, кого могъ, чтобы обратили особенное вниманіе на выборы и искали званія членовъ комитетовъ.

«Но есть другаго рода люди, тѣ, которые изъ мечтательности и безотчетнаго увлеченія мыслями, высказанными въ послѣдней (прочитанной) книгѣ, или изъ желанія прослыть просвѣщенными, проповѣдывали освобожденіе, а теперь, не отказываясь отъ своихъ мыслей, хотятъ пустить на волю крестьянъ, но ограбивши ихъ прежде порядочно. Но есть еще разрядъ особенный совершенныхъ эгоистовъ, для которыхъ все равно, будутъ ли крестьяне свободными или нѣтъ, и которые готовы предаться той сторонѣ, которая обѣщаетъ болѣе выгодъ. Такихъ людей надобно иначе разсматривать и всегда предполагать, что они будутъ дѣлать самое выгодное для себя. Напримѣръ, если какой просвѣщенный господинъ желаетъ быть губернскимъ предводителемъ, то, онъ, разумѣется, будетъ стараться выказать себя защитникомъ дворянъ, будетъ предлагать ужасные для крестьянъ проекты. Удадутся они, и корысть удовлетворена, и честь дворянства; не удадутся—все таки прослыветъ защитникомъ и шагнетъ въ губернскіе. Другой господинъ, также просвѣщенный, положимъ, уже генералъ, хочетъ губернаторскаго мѣста, онъ будетъ защищать крестьянскія выгоды, хотя съ большою осторожностью, чтобы не уронить себя предъ дворянствомъ. Слѣдовательно, послѣдній господинъ полезнѣе для общаго дѣла, и онъ сдѣлается смѣлѣе, когда найдетъ опору хотя малочисленной партіи.

*) М. О. Судіенко, извѣстный любитель малорусской старины, бывшій предсѣдатель Кіевской археографич. коммиссіи. *Ред. К. С.*

«Въ собраніяхъ черниговскіе предводители мало выражаютъ еще мнѣній объ устройствѣ крестьянъ, а болѣе толковали о подпискахъ и проч.; но В. Б—вскій [1]) прочелъ свое мнѣніе, въ которомъ, очень краснорѣчиво разсуждая о гибельныхъ дѣйствіяхъ крѣпостного права, предлагалъ взять выкупы за каждую усадьбу съ 1/4 десятины 60 р., а за постройки до 70 р., всего 130 р. отъ одного крестьянскаго семейства, доведеннаго владѣльцами до нищеты! Далѣе уже нельзя было идти просвѣщенному человѣку, но за нимъ еще мычали отдѣльные возгласы: «хорошо, но дешево усадьбы оцѣнены: у насъ 250 руб. стоятъ, у насъ 500 руб. и т. д.». Много намъ хлопотъ и горя будетъ, любезный другъ, и мы знаемъ, что положить начало благоденствія народа не сладкое кушанье. Это своего рода мученичество! Надобно имѣть въ душѣ своей много вѣры и любви, чтобы не ослабѣть въ обществѣ; и мы побѣдимъ, Богъ намъ поможетъ! Онъ изливаетъ теперь благодать на наше отечество.

«Наконецъ, надо упомянуть объ одномъ разрядѣ людей, которые отчасти изъ мечтательности желаютъ выказать себя и съ заднею мыслію говорятъ, что правительство мало дѣлаетъ, что надо выкупать землю, и подаютъ мнѣнія правительству... А сколько теперь явилось головъ, которыя, не зная финансовъ и азбуки, кричатъ о выпускѣ облигацій и хотятъ взять такую цѣну за землю, уступленную крестьянамъ или за повинности ихъ, какихъ и все имѣніе не стоитъ. Такими облигаціями рѣшаютъ вопросъ Егоръ Ѳед. Р—вичъ, [2]) П—цкій, [3]) въ пародіи Позена, который хочетъ при эмансипаціи пріобрѣсти барышокъ.

«Не нравится мнѣ также ученіе «Русскаго Вѣстника», который думаетъ, что можно настоящій вопросъ рѣшить одними экономическими разсчетами, устроить всякія нравственныя и религіозныя движенія. Это заблужденіе. Въ такомъ юномъ обществѣ легче найти людей религіозныхъ, человѣколюбивыхъ, чѣмъ разсчетливыхъ экономистовъ, а надѣяться на однихъ послѣднихъ,—значитъ лишить реформу одной изъ живыхъ силъ нашего народа. Будемъ постоянно проповѣдывать, что грѣшно и безнравственно при освобожденіи обобрать людей, которыхъ мы довели до нищеты и нравственнаго униженія,

---

[1]) Бывшій екатеринославскій губернаторъ. *Ред. К. Ст.*

[2]) Помѣщикъ прилуцкаго уѣзда, Е. Ф. Раковичъ. *Ред. К. Ст.*

[3]) Помѣщикъ борзенскаго уѣзда. *Ред. К. Ст.*

и великодушно раздѣлиться съ ними по-братски... а насъ учить хотятъ только разсчитыванію, когда намъ нужно горѣть любовью къ братьямъ нашимъ, надѣть кресты и идти въ крестовый походъ противъ невѣрующаго и развращеннаго дворянства и побѣждать не оружіемъ, а силою слова, силою любви къ братьямъ нашимъ... Я того мнѣнія, что крестьянамъ надобно оставить въ пользованіи столько земли, какъ они теперь имѣютъ, развѣ сами откажутся».

Обрядъ „вывода“ новобрачной въ Подоліи. Въ Подоліи существуетъ обычай, въ силу котораго новобрачная на другой день послѣ брака (обыкновенно въ понедѣльникъ) идетъ къ священнику «до выводу». Идетъ она обыкновенно не одна, но въ сопровожденіи свахъ и «дружбы» (шаферъ). Послѣдній какъ бы ведетъ новобрачную, держась за одинъ конецъ платка, другой конецъ котораго въ рукахъ новобрачной. Иногда вмѣсто платка употребляется для той же цѣли красный поясъ (символъ цѣломудрія невѣсты). Такимъ же поясомъ обвязывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и голова новобрачной, а въ другихъ новобрачная повязывается «бѣлой намиткой», а поверхъ ея красной ленточкой.

Самый выводъ состоитъ въ слѣдующемъ. Священникъ, возложивъ на себя епитрахиль, читаетъ надъ колѣнопреклоненной новобрачной молитву, которая въ Требникѣ помѣщается непосредственно за чиномъ вѣнчанія новобрачныхъ и называется молитвой «на разрѣшеніе вѣнцовъ, въ осмый день».

Обычай вывода на югѣ Россіи есть обычай весьма древній, но суть его состояла вовсе не въ чтеніи молитвы на разрѣшеніе вѣнцовъ. Такой молитвы въ старинныхъ южнорусскихъ Требникахъ даже и не полагалось (хотя и не во всѣхъ). Вмѣсто этой молитвы въ нихъ былъ цѣлый, хотя и не большой, чинъ, который надписывался такъ: Молитва первобрачной невѣстѣ, хотящей ввестися по брацѣ въ церковь и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ». Вотъ этотъ-то именно чинъ и далъ начало обычаю «вывода», который и названіе свое получилъ отъ словъ надписанія

молитвы *«ввестися въ церковь»*. Самый чинъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Новобрачная, въ сопровожденіи своихъ «друговъ», приходила къ «церкви» и становилась «внѣ дверей предъ церковію». Въ какой день это происходило, чинъ не указываетъ, но, основываясь на нынѣшней практикѣ «вывода», можно думать, что на второй день послѣ брака. Въ дверяхъ церковныхъ новобрачную встрѣчалъ священникъ, и послѣ прочтенія установленныхъ молитвъ, входилъ въ церковь, а невѣста «въ паперть.» Здѣсь, послѣ прочтенія другихъ молитвъ, священникъ благословлялъ главу новобрачной «и возлагалъ на ней саванъ» (наметку). Таковъ былъ чинъ введенія новобрачной въ церковь по южнорусскимъ стариннымъ Требникамъ *), или, что тоже, чинъ «вывода», который, по возрѣнію крестьянъ, имѣетъ приблизительно такое же значеніе, какъ и «выводъ», совершаемый въ сороковый день по рожденіи младенца.

Съ теченіемъ времени, когда изъяты были изъ употребленія древніе южнорусскіе Требники, обычай вывода, твердо укоренившійся въ народѣ, продолжалъ существовать, но особеннаго чина для него уже не было. Тогда по необходимости стали на выводѣ читать молитву на разрѣшеніе вѣнцовъ.

Обрядъ покрыванія головы новобрачной саваномъ (наметкой) далъ начало существующему и до настоящаго времени обычаю покрывать голову новобрачной наметкой и платкомъ такъ, какъ дѣлаютъ это всѣ вообще замужнія женщины въ средѣ простонародья. Это покровеніе совершенно обычно на свадебномъ вечерѣ и сопровождается пѣніемъ, приспособленнымъ къ сути совершаемаго дѣйствія.

Таково происхожденіе обычая вывода. Въ греческой и сѣверно-русской церкви подобнаго чина нѣтъ и не было, и явился онъ подъ вліяніемъ практики католической церкви, въ которой имѣется обрядъ, называемый, какъ и въ южнорусскихъ Требникахъ, введеніемъ новобрачной въ церковь послѣ брака. (Изъ Подольск. Епарх. Вѣд. 1898 г., № 15—16).

---

*) См. Требникъ Петра Могилы, стр. 428—431; Требникъ Львовск. изд. 1668 г., л. 116—118: Почаевск. изд. 1771 г., л. 61 об.—93 об.

Заславская легенда. Въ Заславѣ, за городомъ, сохранились едва уже примѣтные остатки какой-то древней каменной постройки. Объ этихъ развалинахъ сложилась любопытная, совершенно въ романтическомъ стилѣ, легенда. Не знаемъ навѣрное, помнятъ ли въ Заславѣ эту легенду и въ настоящее время, но она записана мѣстнымъ историкомъ лѣтъ сорокъ назадъ и при томъ отъ лица, бывшаго будто бы очевидцемъ происшествія. Дѣло происходило при жизни владѣльцевъ Заслава, князя Януша Сангушка (+1806 г.) и его жены Анели, урожденной Ледуховской (+1825 г.), слѣдовательно не позже начала текущаго столѣтія.

Однажды въ Заславскомъ замкѣ появился никому неизвѣстный старикъ, нищій. Такъ какъ владѣльцы замка, въ особенности же княгиня, отличались нищелюбіемъ и щедростью, то пришельца не только не прогнали со двора, но и наградили щедрымъ подаяніемъ. Нищій поблагодарилъ за милостыню, но настойчиво добивался личнаго свиданія съ княгиней, наединѣ, имѣя намѣреніе открыть ей нѣчто важное. Заинтересованная необычайностью просьбы, княгиня приказала привести къ ней таинственнаго пришельца. Нищій сначала благодарилъ княгиню за подаяніе, а потомъ, убѣдившись, что его никто изъ постороннихъ не слышитъ, сообщилъ ей слѣдующее: «За вашимъ городомъ, пани, есть старинныя развалины, о которыхъ вы навѣрно знаете. Тамъ былъ нѣкогда крѣпкій замокъ, жилище вашихъ предковъ. Никто ужъ изъ живущихъ нынѣ не помнитъ его инымъ, какъ въ видѣ развалинъ; я одинъ остался изъ числа бывшихъ слугъ того замка и былъ очевидцемъ его блеска и затѣмъ упадка. Непріятель и время разрушили эту твердыню; но въ его завалившихся погребахъ сохранились огромныя сокровища, и я одинъ могъ бы дать указанія, гдѣ именно и какъ слѣдуетъ искать ихъ. Но прежде всего я долженъ предостеречь васъ милостивая пани, что, какъ только мы докопаемся до скарбовъ, въ ту же минуту начнетъ горѣть Заславъ, а пока окончимъ работу, онъ сгоритъ весь. Но вы, княгиня, не тревожьтесь этимъ и не смущайтесь, потому что найденными скарбами вы будете въ состояніи втрое возмѣстить потери жителей; я же останусь въ вашемъ распоряженіи и принимаю на себя полную отвѣтственность за все, что произойдетъ». Вернувшись къ своимъ гостямъ, княгиня передала имъ все это. Горя любопытствомъ, гости стали настойчиво убѣждать княгиню послушаться таинственнаго старца и исполнить его совѣтъ. Она долго колебалась,

наконецъ рѣшила сдѣлать попытку. Былъ назначенъ день, когда должны начаться раскопки, а мѣстный городничій любезно предложилъ назначить на работы гарнизонныхъ солдатъ, какъ людей храбрыхъ и опытныхъ въ такомъ дѣлѣ. И вотъ начались работы, подъ руководствомъ нищаго, въ присутствіи княгини, ея гостей и почти половины городского населенія, съ ранняго утра собравшагося на мѣсто. Дружно шли работы; вырыты были глубокія траншеи; но уже наступалъ вечеръ, а скарбовъ не находили. Хотѣли было отложить розыски на утро, какъ тутъ у одного рабочаго сломалась кирка, ударившись о камень. Разгребли землю—оказались признаки склепа. Крикъ радости вырвался изъ грудей присутствовавшихъ. Но въ эту минуту раздался набатный звонъ, и огромное зарево показалось надъ городомъ. Страхъ и тревога овладѣли толпой. Работы были брошены и всѣ стремглавъ бросились спасать свои жилища и храмы. Поплелся за народомъ и виновникъ случившагося, таинственный нищій, терпѣливо ожидая, пока всѣ успокоятся.

Прошло нѣсколько дней. Тревога миновала, а любопытство и жадность пересилили страхъ. И вотъ, побуждаемая дворовыми слугами, нахлѣбниками и отважнымъ городничимъ, княгиня снова выѣхала за городъ, сопровождаемая длинной вереницей экипажей и толпой народа. Старый нищій снова распоряжается работами. Сотни рукъ дружно принялись за продолженіе прежней раскопки, и не прошло двухъ часовъ, какъ входъ въ подземный склепъ былъ очищенъ, и всѣ съ любопытствомъ увидѣли низкую, желѣзомъ обитую дверь.. Оглянулись назадъ—а надъ городомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже тянулись къ небу зловѣщіе дымные столбы. Большая часть присутствовавшихъ съ воплями устремилась туда, но дворовые и селяне остались на мѣстѣ. Осталась и княгиня съ своей свитой, потому что нищій настойчиво требовалъ окончанія работы, а пожаръ-де будетъ потушенъ гарнизонной командой, нарочно для этого оставленной на этотъ разъ въ городѣ. Но, видно, и команда не въ силахъ была справиться съ разъяренной стихіей: чорные столбы все увеличивались, росли и вотъ уже слились въ огромную мрачную тучу; набатный трезвонъ несся со всѣхъ церквей и костеловъ, покрывая вопли встревоженныхъ жителей; всюду слышенъ былъ плачъ и нареканія. А нищій и слышать не хотѣлъ о прекращеніи работъ и все понукалъ рабочихъ; его поддерживали оставшіеся зрители, словно опьяненные какою-то нечеловѣческой жадностью. Княгиня не знала,

на что рѣшиться.. Вдругъ со стороны города показалась церковная процессія съ чудотворнымъ образомъ Богородицы на челѣ. Упавъ предъ княгиней на колѣни, духовенство именемъ Бога заклинало ее прекратить эту страшную забаву, сопряженную съ столькими жертвами и несчастьями людскими. Тутъ только присутствующіе, казалось, пришли въ себя; рабочіе бросили ломы и заступы и всѣ со слезами умиленія пали предъ образомъ, а черезъ минуту бѣжали въ городъ спасать горѣвшихъ. Пожаръ какимъ-то чудомъ сталъ ослабѣвать и скоро былъ совсѣмъ потушенъ. Хватились нищаго—а его и слѣдъ простылъ; сколько ни искали, никто съ тѣхъ поръ не видѣлъ его больше. А княгиня, раздавъ щедрое пособіе потерпѣвшимъ отъ пожара, приказала засыпать землею и грузомъ сдѣланныя раскопки, чтобъ и слѣда ихъ не осталось.

Легенду эту еще въ 1850-хъ годахъ записалъ волынскій историкъ Тадеушъ Стецкій и помѣстилъ въ I т. своей книги «Wołyń pod względem słatystycznym, historycznym i archeologicznym» (Lwôw, 1864). Онъ слышалъ ее много разъ изъ устъ столѣтней своей родственницы, панеи Стецкой, хорунжиной коронной, бывшей будто бы лично свидѣтельницей происшествія Такъ какъ книга Стецкаго далеко не всѣмъ извѣстна, то мы пересказали эту легенду, желая вызвать сообщенія о томъ, живетъ ли она и понынѣ въ памяти мѣстнаго населенія.

L.

Келья св. Димитрія Ростовскаго. Въ апрѣльской книжкѣ «Историческ. Вѣстника» за настоящій годъ г. Федоровымъ напечатаны очень интересныя свѣдѣнія изъ частной жизни извѣстнаго гр. Д. Е. Остенъ-Сакена. Въ описаніи его усадьбы (въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, село—не названо), находимъ слѣдующее свѣдѣніе: «Самую интересную достопримѣчательность находившейся около усадьбы рощи составляла подлинная келья извѣстнаго русскаго святителя Димитрія Ростовскаго. Перевозка этой келіи на разстояніи почти 2000 верстъ стоила графу не малыхъ денегъ и хлопотъ; кромѣ того, осуществленіе подобной затѣи сопряжено было еще съ массою другихъ затрудненій; и только благодаря участію митрополита Филарета, Остенъ-

Сакену удалось довести до конца задуманное дѣло. Въ виду того, что поставленная въ усадьбу графа келья отличалась уже необыкновенною ветхостью, пришлось устроить надъ нею особаго рода каменное прикрытіе; сама же келья была превращена въ часовню, гдѣ, кромѣ иконы, подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами, аналоя и другихъ священныхъ предметовъ, постоянно горѣла лампада предъ частью мощей св. Димитрія Ростовскаго» (стр. 106). Къ этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ добавить еще и слѣдующее. Перевезенная въ имѣніе гр. Остенъ-Сакена келья первоначально находилась въ Крупицкомъ монастырѣ (около Батурина), въ которомъ Ростовскій святитель одно время настоятельствовалъ. По преданію, въ этой кельѣ св. Димитрій писалъ свои «житія святыхъ». Изъ монастыря келья была пріобрѣтена извѣстнымъ конотопскимъ пчеловодомъ П. И. Прокоповичемъ и поставлена въ его пасѣкѣ, въ с. Пальчикахъ, конотопскаго уѣзда. Здѣсь мы видѣли эту келью много разъ въ шестидесятыхъ годахъ, при посѣщеніяхъ тогдашняго владѣльца Пальчиковской пасѣки С. П. Великдана (побочнаго сына Прокоповича). Раза два посѣтилъ Пальчиковскую пасѣку въ это же время, и гр. Остенъ-Сакенъ. С. П. Великданъ очень интересовался посѣщеніями «высокопоставленныхъ лицъ» и обыкновенно, въ благодарность за ихъ посѣщеніе, называлъ одинъ изъ ульевъ именемъ именитаго посѣтителя. Былъ улей и «Гр. Остенъ-Сакенъ». Вотъ въ одно изъ посѣщеній послѣднимъ Пальчиковской пасѣки, Великданъ и уступилъ ему Димитріевскую келью. Помнится, что гдѣ-то было напечатано, что Крупицкій монастырь, по смерти гр. Остенъ-Сакена, хотѣлъ выкупить келью своего приснопамятнаго настоятеля. Изъ статьи г. Федорова видно, что намѣреніе это не осуществилось.

А. Л.

Прошеніе „гражданъ" города Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. Печатаемое здѣсь прошеніе «отъ купцовъ и другихъ согражданъ малороссійскаго города Нѣжина» написано въ іюлѣ 1797 г., на имя тогдашняго «управляющаго Малороссійскою губерніей на правахъ генералъ-губернатора» графа Салтыкова. Прошеніе сохранилось въ копіи, никѣмъ не подписанной, и потому неизвѣстно—было

ли оно подано по назначенію. «Высочайшимъ имяннымъ его императорскаго величества указомъ истекшаго 1796 года, ноября 30 числа изданнымъ, всемилостивѣйше велѣно въ Малой Россіи возстановить правленіе и судопроизводство сообразно тому, какъ оное въ здѣшнемъ краю сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало. По прежнимъ же обрядамъ въ Малой Россіи, изъ давнихъ лѣтъ заведеннымъ, и бывшимъ установленіямъ, жиды или евреи нетолько прежде открытія въ Малой Россіи въ прошломъ 1782 году бывшихъ Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородско-Сѣверскаго намѣстничествъ, и после того даже до 795 года, никакого въ оныхъ купеческаго произвожденія коммерціи не имѣли, но еще Высочайшими указами въ прошлыхъ 1727, апрѣля 26-го, и 728 годовъ октября 15-го чиселъ послѣдовавшими, велѣно выслать ихъ изъ Россіи за границу [1]). А хотя послѣднимъ указомъ дозволено было пріѣзжать имъ въ Малую Россію на ярмонки, но и то ради продажи единственно только товаровъ обтомъ, а не врозь, локтемъ и мѣрою, и для покупки на вырученныя деньги въ Малой Россіи взаимобразно товаровъ; однакожъ и тутъ строжайше запрещено, чтобы они никакой россійской золотой и сребной монеты заграницу ни подъ какимъ образомъ отнюдь не вывозили.—Въ слѣдствіе чего и ея императорское Величество блаженныя памяти государыня императрица Елисаветъ Петровна, по вступленіи на всероссійскій престолъ, узнавъ происходимые отъ сихъ еврей различные злоупотребленія, соизволила указать выслать ихъ изъ Россіи.

Нынѣ жъ сихъ еврей столь умножилось, что они пріѣзжая изъ Польши и другихъ заграничныхъ мѣстъ, а большею частію изъ кордона цесарскаго, не только въ городахъ, но даже по мѣстечкахъ и селеніяхъ Малороссійской губ., собираясь превеликими партіями, по нѣсколько десятковъ лавокъ, подъ видомъ первой и второй гильдіи, не только третьей гильдіи, но даже мѣщане и различные рода ихъ художники, назвавъ первые сихъ послѣднихъ подъ именемъ своими прикащиками, производятъ купеческую коммерцію, продавая вывозимые ими разнаго рода товары не обтомъ, но въ розь, аршиномъ, и подробно вещми, дѣлаютъ

---

[1]) См. универсалъ гетмана Апостола 27 октября 1727 г., подтверждающій „всѣмъ полкамъ рейменту" о высылкѣ „жидовъ" „зо всякой маетности, несмотря ни великороссійскихъ, ни малороссійскихъ владельцевъ". Матер. для Отечеств. исторіи, т. I, отд. 2, стр. 11—12.

какъ намъ знатной въ купечествѣ подрывъ, такъ и казнѣ не малой ущербъ, особливо тѣмъ, что изъ сихъ самыхъ еврей, взявъ на кредитъ не въ давномъ времени изъ иностранныхъ фабрикъ въ Бреславлѣ, и въ Цесарской области, на нѣсколько сотъ тысячъ рублевъ суконнаго и другаго товару, объявили себя несостоятельными къ платежу долгу, почему и фабриканты означенныхъ фабрикъ получатъ отъ нихъ частями, по срокамъ, на рубль по тридцати копѣекъ, а они прибравъ къ рукамъ своимъ столь на знатную сумму товары и вывозя оной частями на ярмонки въ Россію, продаютъ оной умышленно на подрывъ нашъ самыми низкими цепами, не говоря о томъ, что они, собирая за продаваемой товаръ на нѣсколько тысячь рублей мѣдные и ассигнаціями денги, промѣниваютъ оные на сребную и золотую россійскую монету, и голландскіе червонцы, и уповательно высылаютъ оные на покупку и паки въ иностранныхъ фабрикахъ товаровъ. Хотя-жъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1794 года, июня 23 числа, дозволено евреямъ отправлять купеческіе и мещанскіе промыслы въ губерніяхъ Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородско-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записався по городамъ въ мещанство и купечество, однако сіе дозволеніе можетъ ли распространяться и на здѣшную Малороссійскую губернію? Тѣмъ наипаче съ одной стороны, что существо онаго указа разумѣемъ мы произвожденіе мѣщанскихъ и купечесихъ евреямъ промысловъ единственно въ томъ мѣстѣ, и однимъ тѣмъ евреямъ, гдѣ кто изъ нихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ запишется на купечество и мѣщанство и имѣтиметъ собственной свой домъ и жительство, ибо преимущество отдается только въ гражданствѣ, кто по наставленію высочайшаго 1766 года, декабря 14 числа, указа, имѣетъ свой домъ или осѣдлость въ городѣ; сіи жъ евреи не только не имѣютъ собственнаго своего помѣстья, но проживаютъ большею частію въ чужихъ и паемныхъ домахъ и дальшой никакой степенности не имѣющіе, а потому въ отвращеніе слѣдовать могущаго отъ нихъ россійскому купечеству подрыву, въ другихъ россійскихъ губерніяхъ, и торгу имѣть имъ означеннымъ 794 года указомъ вовся запрещенно; а сверхъ того и особымъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1791, декабря 23 числа, изданнымъ, дозволено евреямъ правомъ гражданства пользоваться въ однихъ только пограничныхъ Бѣлорусскихъ и Екатеринославской губерніяхъ да въ области Таврической, а съ другой стороны, за силою вышеподведеннаго высочай-

шаго, ноября 30 числа, истекшаго 796 года, послѣдовавшего указа, могутъ ли тамъ евреи равномѣрно учавствовать въ купеческихъ и мѣщанскихъ промыслахъ и выгодахъ, гдѣ его императорское величество къ народу здѣшней Малороссійской губерніи особые изливаетъ монаршія милости. За всѣмъ же тѣмъ о сихъ самихъ евреяхъ въ вышеподведенномъ 794 года, іуня 23 числа, указѣ сказано кто съ оныхъ евреи не похотятъ остаться въ россійскомъ подданствѣ, таковымъ по заплатѣ трехлѣтной двойной подати, дозволяется выехать съ Россійской имперіи. Слѣдственно, прибравъ они къ рукамъ своимъ, разными подобными неправильными промыслами знатную сумму капиталовъ, могутъ навсегда удалиться съ Россіи въ разныя иностранныя государства, а мы, бывъ вѣчно вѣрноподданными Всероссійской имперіи, можемъ причиною ихъ возчувствовать неизбѣжное въ купечествѣ разореніе, и подвержены будемъ лишиться кредитору и всякаго довѣрія.

И въ слѣдствіе того, подноси при семъ данное намъ отъ купцовъ, и другихъ соогражданъ малороссійскаго города Нѣжина писменное уполномочіе вашего сіятельства, какъ главнаго начальника здѣшней губерніи, нижайше просимъ, благоуваживъ предписанныя обстоятельства о запрещеніи евреямъ, пріѣзжающимъ изъ Польши и другихъ мѣстъ на ярмонки въ повѣтывые города и другія мѣста Малороссійской губерніи производженія розничной товаровъ продажи кому слѣдуетъ дать высокое ваше повелѣніе, о чемъ и его императорскому величеству не оставьте, ваше сіятельство, здѣлать всеподданнѣйшее представленіе, и тѣмъ не допустить къ подрыву по комерціи и неповинному разоренію.

Милость и благотвореніе вашего сіятельства обяжетъ насъ прославлять веегда высокую особу вашу».

Сообщилъ **В. С. Иконниковъ.**

Проектъ кіевскаго музея древностей и искусствъ. Въ № 129 «Кіевлянина» читаемъ слѣдующее: «Осенью прошлаго года была совершена закладка зданія «Кіевскаго музея древностей и искусствъ», но фактически работы по постройкѣ его еще не начаты за недостаткомъ

средствъ у Кіевскаго общества древностей и искусствъ, по инициативѣ котораго возникаетъ въ Кіевѣ музей. Въ распоряженіи общества имѣется нѣсколько проектовъ зданія музея, но для осуществленія каждаго изъ нихъ необходимо затратить капиталъ въ 400,000 р., между тѣмъ, какъ общество располагаетъ капиталомъ всего только въ 175,000 р. На составленіе проекта зданія музея былъ объявленъ первоначально конкурсъ, на который было представлено 14 проектовъ. Изъ нихъ были удостоены преміи 3 проекта, но строительный комитетъ призналъ, что ни одинъ изъ премированныхъ проектовъ не удовлетворяетъ въ достаточной мѣрѣ своему назначенію. Тогда рѣшено было обратиться къ нѣсколькимъ архитекторамъ съ предложеніемъ составить проектъ зданія музея по указаніямъ комитета. Требуемый проектъ былъ представленъ архитекторомъ Бойцовымъ. Тѣмъ временемъ городское управленіе отвело подъ постройку музея скверъ по Александровской улицѣ, противъ Царскаго сада, при чемъ оказалось, что, благодаря особенностямъ грунта отведеннаго участка, придется произвести въ проектѣ г. Бойцева нѣкоторыя измѣненія. Проектъ былъ передѣланъ членомъ комитета академикомъ архитектуры В. Н. Николаевымъ, а затѣмъ архитекторомъ В. В. Городецкимъ. Проектъ былъ представленъ въ февралѣ нынѣшняго года и одобренъ комитетомъ.

Кіевскій музей, по послѣднему проекту, представляетъ собою почти совершенно правильный квадратъ, длина каждой изъ сторонъ котораго равна 10 саж., такъ что вообще, зданіе должно занять площадь 400 кв. саж. Главный фасадъ зданія обращенъ къ Крещатику и Европейской гостиницѣ. Фасадъ выдержанъ въ строгомъ классическомъ стилѣ. Главный ходъ украшаетъ колоннада, состоящая изъ шести колонъ. По условіямъ рельефа мѣстности, главный входъ на $3^1/_2$ сажени выше горизонта Царской площади, а потому въ музей ведетъ съ площади широкая лѣстница съ двумя каменными львами у входа. Со стороны главнаго фасада зданіе музея одноэтажное.

Боковой фасадъ зданія, обращенный къ Александровской улицѣ, тоже украшенъ колоннами, и съ этой стороны зданіе музея двухъэтажное, въ то время какъ со стороны фасада, обращеннаго къ институту благородныхъ дѣвицъ, зданіе представляетъ уже четыре этажа, изъ которыхъ два нижнихъ упираются въ откосъ Александровской горы. Внутри зданія имѣется рядъ просторныхъ залъ для выставокъ картинъ и коллекцій. Среднюю часть зданія занимаетъ большой залъ въ два

этажа предназначенный для выставокъ картинъ. Вокругъ этого зала въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ расположена амфилада залъ меньшаго размѣра и при томъ въ одинъ этажъ. Благодаря такому положенію, залъ лишенъ совершенно оконъ въ боковыхъ стѣнахъ и получаетъ исключительно лишь верхній свѣтъ, въ виду чего потолокъ зала и крыша соотвѣтственной части зданія стеклянныя. Длина залы 30, ширина 20 аршинъ.

Въ нижнемъ этажѣ зданія расположено, кромѣ того, шесть залъ различныхъ размѣровъ, въ верхнемъ — семь, такъ что всего въ зданіи будетъ заключаться 14 залъ, получающихъ частью боковой, частью верхній свѣтъ. Въ верхнемъ подвальномъ этажѣ имѣется еще нѣсколько залъ, предназначенныхъ для надобностей музея: залъ для чтенія лекцій и собраній общества, просторное помѣщеніе для библіотеки, архива. Кромѣ того, въ этомъ этажѣ должна помѣщаться квартира смотрителя, распаковочная, кладовая, уборныя и т. д. Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ помѣщаются котлы парового отопленія, складъ угля, квартиры служителей и т. д.»

Къ этому сообщенію находимъ нужнымъ добавить слѣдующее. Въ городѣ ходятъ слухи о томъ, будто *Кіевское общество древностей и искусствъ*, прійдя къ заключенію, что у него нѣтъ средствъ на постройку описаннаго здѣсь проекта зданія, возбудило вопросъ о покупкѣ для помѣщенія музея дома барововъ Штейнгелей, (на Бульварно-Кудрявской улицѣ). Чтобы сказать что́ нибудь больше объ этомъ намѣреніи Общества Др. и Иск., нужно знать, насколько слухъ этотъ вѣренъ. Само Общество, повидимому, не находитъ нужнымъ дѣлиться съ кіевлянами своими планами и начинаніями по вопросу объ устройствѣ *кіевскаго* музея. Не можемъ не замѣтить, что находящееся въ приведенной замѣткѣ свѣдѣніе о томъ, что кіевскій музей «возникаетъ по инициіативѣ» Кіевскаго Общества древностей и искусствъ, — не вѣрно. Инициіатива устройства музея принадлежитъ гр. А. П. Игнатьеву, подъ предсѣдательствомъ котораго и происходили совѣщанія по этому вопросу приглашенныхъ имъ для того лицъ, Когда при обсужденіи вопроса—кто будетъ вѣдать проектируемый музей,—оказалось, что городъ не выразилъ къ тому особой склонности, то, по предложенію нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ совѣщаніи лицъ опредѣлено было отдать музей въ вѣдѣніе существовавшаго въ Кіевѣ *Общества искусствъ*, для котораго, по этому случаю, составленъ былъ новый уставъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно было переименовано въ

Общество *древностей* и искусствъ. Такимъ образомъ, не музей возникаетъ по инициативѣ Кіевскаго общества древностей и искусствъ, а само общество, въ новомъ его видѣ, возникло *ради музея.*

А. Л.

Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. *Письмо Петра Степановича Милородовича къ Евдокіи Михайловнѣ Безбородко* [1]). Милостивая Государыня Евдокія Михайловна! Вручитель сего сынъ мой, открывшій свое намѣреніе согласно съ волею и желаніемъ моимъ, рѣшился при семъ рекомендовать себя высокопочтеннѣйшему дому вашей вельможности благоволенію и матерней милости удостоиться быть причтеннымъ въ семейство ваше со стороны любезной вашей внучки Александры Павловны [2]), которой, если то благоугодно будетъ, то сынъ мой почитать будетъ за отличное себѣ счастье. При томъ имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, вашей вельможности, милостивой государини, покорнѣйшій слуга Петръ Милорадовичъ. Мая 25 дня. 1787 года. Жукотки.

Сообщилъ гр. **Г. А. М.**

Гетманскій слесарь. Настоящимъ универсаломъ Мазепа беретъ подъ свою «гетманскую оборону» слесаря Лопату, при чемъ увольняетъ его отъ всякихъ «повинностей и тягостей» и предоставляетъ ему право судиться исключительно въ судѣ генеральномъ, а не въ другомъ какомъ нибудь судѣ. Слѣдуетъ думать, что слесаря были рѣдки въ старой Малороссіи, если гетманъ такъ ревниво привязываетъ къ своему «двору» встрѣтившагося ему Лопату или же—этотъ Лопата былъ какимъ нибудь ужъ особенно искуснымъ слесаремъ...

«Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского гетманъ Іоанъ Мазепа. Пану полковниковѣ теперъ наказному, а впредь

---

[1]) Мать князя А. А. Безбородко.

[2]) Дочери Павла Васильевича Кочубея, женатаго на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко.

совершенному чернѣговскому, старшинѣ полковой тамошной, а особливе п. сотниковѣ любецкому и кому колвекъ о томъ вѣдати подлежитъ, ознаймуемъ, ижъ мы Алексѣя Лопату, слюсара, жителя хезіовского, уваживши, же здастся и потребенъ есть до двору нашого на дѣла слюсарскимъ ремесломъ споражаючіеся, беремъ его подъ нашу гетманскую оборону, защищаючи, абы, кромѣ двору нашего, нѣ до кого з старшини полковой, сотенной и городовой не належалъ и нѣкому, кромѣ насъ, не отдавалъ повинности и тяглости. Также в приключаючихся справахъ у суду войсковомъ енералномъ росправлялся, а не передъ иншимъ якимъ урядомъ. О якой волѣ нашой кождій з старшины полковой чернѣговской, а особливе п. сотникъ любецкій, вѣдаючи, абы ему, Лопатѣ, жадной не накладалъ посполитой тяглости и найменшого не мѣлъ интересу въ справахъ и всякихъ подаючихся оказіяхъ до него, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, поневажъ онъ, до двору нашого будучи теперъ прилеглимъ, указанніе ему мѣетъ дѣла отбувати. Данъ въ Батуринѣ, 3 д. декаврія, року 1704. (Съ копіи XVIII в.).

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе марта—мая мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) изъ Звенигородки—И. Я. Корочанскій, А. Р. Лерхе, Е. И. Перевозовскій, О. О. Скарскій, М. С. Трутенко—*по 1 руб.*; В. В. С.—*50 коп.*; 2) изъ Чернигова—Е. И. Туринъ *1 руб.*, всего *6 руб. 50 коп.*, что вмѣстѣ съ прежними 861 р. 77 к. (см. № 3), составитъ *868 руб. 27 коп.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 году. *Извлеченіе изъ современнаго отчета Кіевской губерніи.* **Генеральн. штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій.** *Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. С. Петербургъ. 1897. 8 д. л XIX+62 стр.*

Военно-ученый комитетъ главнаго штаба съ 1892 г. началъ издавать *сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ* и до настоящаго времени его вышло около десяти уже выпусковъ, подъ редакціею акад. Дубровина и гг. Масловскаго и Мышлаевскаго. Въ этихъ выпускахъ между прочимъ напечатаны: *Бумаги кн. Г. А. Потемкина* (1774—1793 гг.), *Ставучанскій походъ* (документы 1739 г.) и проч. Къ этому же сборнику *матеріаловъ для исторіи военнаго искусства въ Россіи* принадлежитъ и настоящая книжка, заключающая въ себѣ отвѣтъ губернатора кіевской губерніи на запросъ военной коллегіи, разосланный въ 1718 г. всѣмъ губернаторамъ—«какія въ которой губерніи суть фортификаціи и городы, и въ какомъ состояніи обретающіеся въ нихъ гварнизоны». Изъ полученнаго такимъ образомъ донесенія отъ кіевской губерніи сдѣлано напечатаное здѣсь извлеченіе, въ которомъ, говоритъ г. Мышлаевскій, описаніе «фортификацій» приведено дословно, а свѣдѣнія о гарнизонахъ, артиллеріи и мѣстныхъ командахъ помѣщены въ краткихъ чертахъ. На «фортификаціяхъ» по преимуществу вниманіе сосредоточено, продолжаетъ редакторъ книжки, по той причинѣ, что свѣдѣнія о нихъ являются естественнымъ дополненіемъ къ изслѣдованію Ф. Ласковскаго, къ его *матеріаламъ для исторіи инженернаго искусства въ Россіи.* Сопоставляя отчетъ

1718 г. съ данными Ф. Ласковскаго можно замѣтить, что свѣдѣнія о крѣпостныхъ сооруженіяхъ позднѣйшаго времени (Кіева, Полтавы, Переволочны, Чернигова, Нѣжина) или же вовсе отсутствуютъ, или же весьма не обстоятельны. Такимъ образомъ для исторіи укрѣпленій малороссійскихъ городовъ изданное нынѣ г. Мышлаевскимъ донесеніе кіевскаго губернатора представляетъ совсѣмъ новый матеріалъ. Въ обстоятельномъ предисловіи къ этому изданію ученый редакторъ очертилъ ходъ военныхъ работъ, имѣвшихъ въ виду защитить южную границу отъ набѣговъ кочевниковъ. Одною изъ такихъ работъ было устройство гр. Минихомъ *Украинской линіи.* Въ какомъ видѣ находились укрѣпленія малороссійскихъ городовъ въ 1718 г., для примѣра приводимъ описаніе ихъ въ Нѣжинѣ и Черниговѣ.

«*Нѣжинъ.* Нѣжинскаго гарнизона фортеція земляная. Въ ней каменный погребъ, да палатка каменная-жъ, въ которыхъ положена пороховая казна. Два амбара деревянныхъ, въ которыхъ положены полковые припасы и провіантъ.

Гарнизонъ. Гарнизонную службу въ Нѣжинѣ несутъ чины, командированные изъ полковъ кіевскаго гарнизона въ составѣ: 3-хъ офицеровъ, 175 стр. нижнихъ чин. и 13 рейтаръ, всего 191 челов.

Артиллерія. Пушки мѣдныя на волоковыхъ станкахъ: 3 ф.—3; 2 ф.—10; всего 13. Пушки чугунныя на волоковыхъ станкахъ: 6 ф.—7; 5 ф.—3; 4 ф.—3; 3 ф.—8; $2^1/_2$ ф.—3; 2 ф.—3; $1^1/_2$ ф.—5; 1 ф.—4, всего—36. Мортира 1 п.—1. Пищали затинныя—32. Артил. снаряды: ядеръ круглыхъ (6 ф., 5 ф., 4 ф.; 3 ф.; 2 ф.; $1^1/_2$ ф., 1 ф. и малыхъ) 8978; ядеръ на прутьяхъ (5 ф., 4 ф., 3 ф., 2 ф.) 224; ядеръ на цѣпяхъ (3 ф., 2 ф., 1 ф.)—73; картечи (3 ф., 2 ф. и $1/^1{}_2$ ф.)—915; ядеръ ручныхъ—130, бомбъ—1 п.—150. Картузовъ (6 ф., 5 ф. и 4 ф.)—180. Каркасовъ—24. Дроби желѣзной—15 п. 20 ф. Свинцу—182 п. 39 ф. Пороху ручного—640 п. 8 ф., пушечнаго—460 п. 16 ф. Фитиля—340 п. 10 ф. Сѣры—11 п. 34 ф. Селитры— 7 п. 31 ф.

Черниговъ. Черниговская фортеція рублена дубовыми бревнами, вся огнила. Съ одной стороны почато было дѣлать въ прошломъ 1712 году и сдѣлано земляного валу, гдѣ былъ раскатъ деревянный; и въ прошломъ 1717 году зачатъ раскатъ вновь отъ рѣчки Стрѣжа и сдѣлано только вверхъ фундамента и насыпано землею полъ 2 саж., отъ стульца вверхъ сдѣлано раскату 2 саж. съ аршиномъ, вокругъ 34 саж.

Въ замкѣ погребъ земляной казенный, рубленъ въ дубовомъ лѣсу, выходъ каменный. А замокъ—съ 3—хъ сторонъ большой городъ, что называется старое мѣсто. И около того города, гдѣ былъ рубленый, сдѣланъ земляной валъ.

Внутри, кромѣ выводовъ, гдѣ проѣздные ворота, 647 саж., въ выводахъ 123 саж. 3-хъ аршинныхъ, всего 770 саж. Около—ровъ въ ширину 10, въ глубину 2 саж.

Замокъ кругомъ 126 саж. 2 арш. Ровъ въ вышину 12, въ глубину 4 саж. безъ полуаршина.

А отъ города и отъ замку до рѣки Десны по мѣрѣ 293 саж. 3-хъ аршинныхъ.

Гарнизонъ. Гарниз. службу въ Черниговѣ несутъ командированные чины кіевскаго гарнизона въ составѣ: 4 офицеровъ, 113 стр. нижн. чиновъ и 6 рейтаръ, всего 123 челов.

Артиллерія. Пушки мѣдныя на волоковыхъ станкахъ: 3 ф.—7; 2 ф.—12; 1 ф.—1; всего—20. Пушки чугунныя: 8 ф.—1, 6 ф.—3, 3 ф.—1, 2 ф.—2, $1^1/_2$ ф.—2, 1 ф.—1, всего 10. Мортира мѣдная $^1/_2$ п.—1. Артил. снаряды: ядеръ круглыхъ (8 ф., 6 ф., 4 ф., 3 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф., 1 ф.)—4953; ядеръ раздвижныхъ 2 ф.—280; ядеръ на цѣпяхъ (5 ф. и $2^1/_2$ ф.)—400; ядеръ съ порохомъ въ мѣшкахъ (6 ф., 3 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф., 1 ф. и $^1/_2$ ф.)—122; картечи (6 ф., 5 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф. и 1 ф.)—1084. Пороху ручного—150 п. 23 ф., пушечнаго—477 п. 10 ф. Картузовъ (8 ф., 6 ф., 3 ф., 2 ф.)—370. Дроби желѣзной—30 п. фитиля—50 п. Патроновъ съ пулями—13706. Селитры—5 п. Свинцу—115 п. Ящиковъ картузныхъ, гранатныхъ и патронныхъ — 9».

Кромѣ этихъ двухъ городовъ, описанія имѣются еще и слѣдующихъ (малороссійскихъ)—Кіева, Полтавы, Переволочны, Переяслава, Ахтырки, Боромли, Краснаго Кута, Колонтаева, Коломака, Котельвы, Каменнаго, Недрыгайлова, Суджи, Миронолья, Сумъ, Лебедина и нѣкоторыхъ другихъ слободско-украинскихъ.

А. Л.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIV. *Акты о боярахъ. Вильно, 1897, стр. XLIV+547 in 4⁰.*

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ 322 акта; они заимствованы изъ актовыхъ книгъ мѣстнаго архива и рукописнаго отдѣленія (точнѣе также архива) Виленской публичной библіотеки; по времени же распредѣляются такъ: къ XV вѣку относится 3 акта, къ XVI—287, къ XVII—25 и къ XVIII—9. Всѣ акты касаются территоріи древней Жомойтской земли, или позже Жмуди. Актамъ предпосылается статья, «имѣющая цѣлью подробно разсмотрѣть ихъ содержаніе и опредѣлить достоинство и важность содержащагося въ нихъ историческаго матеріала». Авторомъ статьи являются И. Я. Спрогисъ. Литовское боярство онъ считаетъ явленіемъ «любопытнѣйшимъ» въ исторіи сѣверо-западной Руси, но почему—не указываетъ, равно какъ и не объясняетъ его исторической роли. Происхожденіе этого явленія авторъ представляетъ намъ такъ: По образованіи государства, «первые литовскіе государи, оглянувшись кругомъ на свой народъ, встрѣтились лицомъ къ лицу съ русскими боярами, которые здѣсь были оставлены бывшими покорителями, кіевскими русскими великими князьями въ качествѣ правителей и распорядителей въ покоренныхъ земляхъ *Русскіе бояре* и все русское боярство пришлось первымъ литовскимъ великимъ князьямъ вполнѣ *по душѣ* [1]). Въ этомъ отважномъ, мудромъ и опытномъ сословіи и они, подобно кіевскимъ-русскимъ великимъ князьямъ, рѣшились заложить опорный, непоколебимый камень своего будущаго могущества и славы». Въ приведенныхъ, дышащихъ любовью къ русскому боярству словахъ автора какъ-бы выражается мысль о заимствованіи; но намъ кажется согласиться съ ней едва ли возможно, потому что въ Литвѣ, по общему закону развитія государствъ, долженъ былъ образоваться собственный туземный классъ лучшихъ людей, владѣвшихъ землею за отбываніе воинской повинности, и только подъ вліяніемъ русской культуры онъ получилъ и русское названіе съ нѣкоторыми, быть можетъ, особенностями, свойственными этому институту въ русскихъ земляхъ. Собранные въ настоящемъ томѣ документы выясняютъ лишь юридическое положеніе бояръ, и издатель подраздѣляетъ ихъ на слѣдующія группы: 1, документы о признаніи и утвержденіи боярскихъ-шляхецкихъ правъ; 2, королевскія привилегіи и другіе документы боярамъ на владѣніе землей, за

---

[1]) Курсивъ принадлежитъ автору предисловія, И. Я. Спрогису.

что они обязаны «земскую военную службу, конно и збройно» служить государству; 3, документы о замѣнѣ боярскихъ земель на королевскія; 4, документы о боярскихъ повинностяхъ въ королевскихъ и частно-владѣльческихъ имѣніяхъ; 5, документы о частныхъ боярскихъ сдѣлкахъ; 6, *судебныя рѣшенія* по боярскимъ дѣламъ. По мнѣнію автора предисловія собранные имъ документы «несомнѣнно внесутъ и должны внести значительную долю новаго историческаго свѣта» въ исторію Литовскаго дворянства и крестьянства, такъ какъ одна часть бояръ перешла въ шляхетское, а другая въ крестьянское сословіе. Но мы позволяемъ себѣ усомниться, чтобы эта «доля свѣта» была значительна, такъ какъ собранные въ разсматриваемомъ томѣ документы даютъ уже извѣстные факты о боярахъ по работамъ проф. В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и М. С. Грушевскаго, напечатаннымъ въ разныхъ томахъ «Архива Юго-западн. Руси». Напротивъ, Виленская Коммиссія упустила изъ виду другія стороны и притомъ очень важныя въ жизни бояръ: административный строй ихъ «околицъ», ихъ судебные порядки, ихъ бытовую жизнь, ихъ борьбу со старостами, ихъ историческую роль въ борьбѣ съ полонизаціей края; самый интересный и важный періодъ въ жизни боярства—XVII—XVIII вв.—затронутъ слегка. Обильный матеріалъ для обрисовки этихъ сторонъ въ жизни боярства заключается въ такъ называемыхъ «поточныхъ» книгахъ судовъ, которые совершенно не тронуты редакторомъ актовъ о боярахъ. Многое такимъ образомъ въ исторіи Литовскаго боярства еще остается не разъясненнымъ и, быть можетъ, будетъ восполнено въ слѣдующихъ томахъ «актовъ Виленской Коммиссіи», гдѣ, вѣроятно, будетъ представлено положеніе бояръ на всемъ пространствѣ сѣверо-западнаго края, а не одной только Жомоитской земли, которой посвященъ настоящій томъ; это необходимо потому, что положеніе русскаго населенія въ томъ краѣ въ разныхъ частяхъ было различное.

Авторъ заканчиваетъ свое предисловіе «грустнымъ словомъ» объ исчезновеніи въ началѣ текущаго столѣтія самаго имени боярства; но мы не видимъ повода къ такой грусти, такъ какъ боярство такъ же, вѣроятно, не умерло на сѣверо-западѣ, какъ не умерло оно и на юго-западѣ, видоизмѣнившись лишь и получивъ новое наименованіе при новыхъ условіяхъ русской жизни. «Tempora mutantur, et nos amurmut cum illis.»

Къ тому по обычаю приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

И. Каманинъ.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. *Выпускъ третій. Вильно. 1898 г. стр. XXIV+159.*

Разсматривая и давая отзывъ о первыхъ двухъ выпускахъ «Описанія», мы говорили уже, что мѣсто всѣмъ описываемымъ рукописямъ не въ библіотекѣ, а въ архивѣ, куда ихъ и слѣдовало бы передать, такъ какъ оба учрежденія въ Вильнѣ близки другъ другу. Въ настоящемъ выпускѣ описаны 379 документовъ («пергаминныхъ грамотъ») и 75 документовъ, которые описаны были раньше въ книгѣ «Рукописное отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки. Вильно, 1871 года». Всего же описано 454 документовъ. Описаніе ихъ сдѣлано точно и подробно и занимаетъ только 35 страницъ. Въ началѣ выпуска помѣщено предисловіе, въ которомъ систематизируются документы, означенные въ описаніи; съ 37 страницы и до конца печатаются въ приложеніи описанные акты, которые редакторъ почему-то находилъ заслуживающими вниманія; всего напечатано 76 актовъ. Въ числѣ описанныхъ грамотъ мы находимъ двѣ грамоты, относящіяся къ XII вѣку, шесть грамотъ—къ XIII в., четыре—къ XVI в., восемнадцать—къ XV в. остальныя—къ XVI (190), XVII (85), XVIII (58) и XIX в. (17). Изъ нихъ 235 писаны на латинскомъ, 73—на русскомъ, 63—на польскомъ, 4—на нѣмецкомъ, 3—на французскомъ, 1—на итальянскомъ и 1—на шведскомъ языкахъ. По содержанію однѣ грамоты имѣютъ общегосударственное значеніе, другія касаются общественной жизни разныхъ городовъ Польши и Литвы, третьи относятся къ дѣламъ духовнаго вѣдомства и четвертыя, наконецъ, представляютъ собой юридическіе акты частнаго характера. Нельзя не пожалѣть, что наиболѣе древніе и наиболѣе поэтому важные документы XII—XV вв. остались ненапечатанными и что не указаны мотивы выбора грамотъ для напечатанія.

И. Каманинъ.

Le P. Pierling S. I. La Russie et le Saint-Siège. *Etudes diplomatiques. II. Paris. 1897.*

Книга о. Пирлинга не является новостью въ исторической литературѣ. Почтенный историкъ сношеній Руси съ Ватиканомъ задумалъ объединить въ одномъ сочиненіи свои отдѣльные труды, вышедшіе раньше и посвященные различнымъ эпизодамъ изъ исторіи этихъ сношеній, переработавъ ихъ и дополнивъ новыми данными. Разсматриваемый томъ обнимаетъ время Іоанна Грознаго, Θеодора и Бориса Годунова (въ I т., вышедшемъ въ свѣтъ въ 1896 г., изложены сношенія Ватикана съ Московскимъ дворомъ со времени Флорентинскаго собора до Іоанна Грознаго). Хотя трудъ о. Пирлинга касается главнымъ образомъ исторіи сѣверо-восточной Руси, но онъ заключаетъ въ себѣ также и нѣкоторыя не лишенныя интереса данныя изъ исторіи Руси южной, почему мы и сочли умѣстнымъ отмѣтить его появленіе на страницахъ «Кіевской Старины».

Такъ, въ одной изъ главъ авторъ даетъ характеристику церковныхъ отношеній въ русскихъ областяхъ Польши и останавливается на планахъ извѣстнаго Поссевино по вопросу о соединеніи церквей. Конечной цѣлью уніи Поссевино ставилъ полное единеніе и въ догматахъ, и въ обрядахъ, хотя готовъ былъ уступить въ вопросѣ о сохраненіи обрядовъ восточной церкви, разсматривая эту уступку, какъ мѣру временную, вызванную необходимостью. Большія надежды въ дѣлѣ проведенія уніи возлагалъ Поссевино на кн. Конст. Острожскаго, съ которымъ вступилъ въ личныя сношенія и на котораго, повидимому, имѣлъ извѣстное вліяніе; впрочемъ, надежды эти оказались тщетными.

Еще интереснѣе свѣдѣнія о посольствѣ аббата Комуловича въ Трансильванію, къ козакамъ и въ Москву съ цѣлью устроить походъ на турокъ. (Домументы о посольствѣ К-ча изданы II. О. Пирлингомъ и покойнымъ Рачкимъ въ Загребскомъ сборникѣ «Starine» тт. XIV и XVI).

Мысль о созданіи лиги для изгнанія турокъ изъ Европы давно занимала римскій дворъ, и хотя прежнія попытки образовать такую лигу не привели къ желаннымъ результатамъ, въ концѣ XVI стр. возникаетъ проектъ тройственнаго союза противъ турокъ изъ Австріи Польши и Москвы, къ которому присоединялись бы и другіе государства. Чтобы склонить московское правительство къ этому предпріятію, папа Климентъ VIII рѣшилъ послать въ Москву особаго

посла. На этотъ разъ выборъ палъ на славянина—аббата Александра Комуловича, человѣка энергичнаго, настойчиваго, всецѣло поглощеннаго идеей освобожденія балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига и хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, гдѣ онъ побывалъ самъ и гдѣ онъ могъ убѣдится въ томъ, что имя московскаго царя имѣло какое-то обаяніе среди балканскихъ народовъ Въ концѣ 1593 г. Комуловичъ отправился черезъ Венецію въ Трансильванію и Молдавію. Здѣсь ему удалось устроить соглашеніе между императоромъ Рудольфомъ и трансильванскимъ воеводой Сигизмундомъ Баторіемъ. Молдавія и Валахія готовы были поднять оружіе противъ турокъ. Теперь К—чу предстояло продолжать свою миссію въ Польшѣ, гдѣ прежде всего нужно было завязать сношенія съ исконными врагами мусульманства—козаками. Эмиссары императора Рудольфа уже дѣйствовали въ это время среди козаковъ, возбуждая ихъ противъ турокъ. Въ концѣ марта 1594 г. К—чъ прибылъ въ Каменецъ. Папскій посолъ принялся подготовлять почву для своего предпріятія. Въ Львовѣ онъ нашелъ дѣятельнаго союзника въ лицѣ архіепископа Суликовскаго. Но совершено безрезультатны были его сношенія съ кн. Конст. Острожскимъ, на котораго указывалось въ инструкціяхъ К—ча. Хитрый магнатъ много говорилъ о своемъ сочувствіи проекту антиоттоманской лиги, выражалъ готовность итти лично противъ турокъ и татаръ и послалъ даже гонца къ козакамъ добывать необходимыя свѣдѣнія. Но К—чъ скоро увидѣлъ, что пола. гаться на Острожскаго нельзя и, охарактеризовавъ его въ одномъ изъ писемъ словами: «этотъ человѣкъ не есть избранникъ Божій», прекратилъ сношенія съ нимъ. Не больше сочувствія встрѣтилъ К—чъ и въ канцлерѣ Замойскомъ. Между тѣмъ татары произвели опустошительный набѣгъ на Подолію и Венгрію и не встрѣтили нигдѣ серьезнаго сопротивленія. За то явилась возможность напасть на нихъ на возвратномъ пути. Не имѣя возможности вступить въ непосредственныя сношенія съ козаками, К—чъ обратился къ снятинскому старостѣ Николаю Язловецкому, видимо сочувственно относившемуся къ его планамъ и пользовавшемуся его живыми симпатіями. Язловецкій имѣлъ репутацію храбраго и опытнаго воина. К-чъ заключилъ съ нимъ формальный договоръ, по которому папа давалъ казакамъ 12,000 флориновъ на военные расходы, а Язловецкій далъ слѣдующее обязательство, извлеченное о. Пирлингомъ изъ архива кн. Боргезе, находящагося теперь въ Ватиканѣ: «30 августа 1594 г., въ Сарафіи.

Я, Николай Язловецкій, староста снятинскій, узнавъ отъ достопочтеннаго отца Александра Комуловича, аббата нонскаго, что святѣйшій господинъ Климентъ VIII, первосвященникъ и намѣстникъ Христа, желаетъ удержать какимъ бы то ни было способомъ набѣги татаръ, которые наносятъ вредъ христіанскимъ силамъ, составилъ планъ удовлетворить столь благочестивому желанію его святѣйшества; я предлагаю свои услуги и, съ Божьей помощью, обѣщаю въ теченіе трехъ ближайшихъ мѣсяцевъ или вторгнуться въ татарскія земли и области и опустошить ихъ, или напасть на ихъ войска и преслѣдовать ихъ на возвратномъ пути изъ Венгріи, полагаясь на Бога и съ благословенія святѣйшаго отца. Если бы его святѣйшество пожелалъ продолженія этой войны и снабдилъ деньгами на необходимые расходы, онъ нашелъ бы меня готовымъ на все, и я позаботился бы помѣшать татарамъ напасть снова на христіанскія силы или оказать помощь туркамъ. Въ удостовѣреніе чего я подписался и приложилъ свою печать». (Оригиналъ этого документа писанъ по латыни и напечатанъ въ «Starine», t. XIV). К-чъ передалъ немедленно Я-му 10,000 флориновъ, а послѣдній сообщилъ о своемъ предпріятіи Замойскому, хотя былъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что какъ лицо оффиціальное онъ не даетъ ни совѣтовъ, ни одобренія, но какъ частный человѣкъ вполнѣ сочувствуетъ дѣлу. Язловецкій собралъ войско, вступилъ въ сношенія съ Лободой и Наливайкомъ, которые привели къ нему 6000 днѣпровскихъ казаковъ, и отправился на Крымъ. Но около Бѣлгорода Лобода и Наливайко съ большею частью войска измѣнили намѣреніе и пошли въ Валахію. Язловецкій не могъ съ собственными силами продолжать походъ и возвратился домой. Экспедиція поглотила его средства, и онъ скоро умеръ, обремененный долгами и удрученный горемъ. К-чъ отправился въ Краковъ, дважды посѣтилъ Москву, но устроить союза противъ турокъ ему не удалось и въ 1598 г. онъ возвратился въ Италію.

Мы остановились только на тѣхъ мѣстахъ книги, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ южной Руси, но и вся исторія сношеній Рима съ Варшавой и Москвой, сношеній, имѣвшихъ въ основѣ двѣ цѣли—церковную унію и образованіе коалиціи противъ турокъ, представляетъ глубокій интересъ, особенно въ виду того, что сочиненіе о. Пирлинга основано главнымъ образомъ на данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ, мало доступныхъ для изслѣдователей. Написана книга, какъ и всѣ произведенія П. О. Пирлинга, очень живо и потому читается легко.

Е. К.

Кубанскій сборникъ. *Труды Кубанскаго областнаго Статистическаго Комитета, изд. подъ редакціею В. А. Щербины и А. С. Собріевскаго, Т. IV. Екатеринодаръ, 1897.*

Большая часть статей разсматриваемой книжки посвящена изученію Кубанской области въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи. Этнографіи посвящена небольшая статейка г. Кириченка «о бракѣ у нѣмцевъ протестантовъ Ванновской волости». Этнографическія данныя есть и въ статьѣ г. Ламонова «Станица Кавказская Кубанскаго казачьяго войска», гдѣ изложена и исторія этой станицы. Е. Д. Фелицынъ на основаніи архивныхъ документовъ, частью напечатанныхъ въ этой же книжкѣ, разсказываетъ о побѣгѣ съ Кубани трехъ донскихъ полковъ въ 1792 году, бунтѣ на Дону по поводу переселенія донцовъ на Кубань и о поселеніи станицъ, вошедшихъ въ составъ Кубанскаго коннаго полка.

Наибольшей по объему въ этой книжкѣ Сборника является статья г. Собріевскаго о «Торговомъ обществѣ козаковъ въ Черноморскомъ (Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ, посвященная судьбамъ торговыхъ козаковъ. Въ 1842 г. учреждено было Черноморское торговое общество «съ цѣлью облегчить козакамъ средства къ снабженію себя необходимыми потребностями и къ выгоднѣйшему сбыту произведеній земли своей». Двумстамъ козакамъ, за извѣстную плату въ доходъ войска (57 р. 50 к. въ годъ), предоставлялась свобода отъ всякой войсковой службы и давалась возможность заняться торговлей и промышленностью. Требовалось только, чтобы желающій вступить въ торговое общество имѣлъ не менѣе какъ на 1500 р. имущества. Хотя охотниковъ освободиться за плату отъ тягостей службы находилось много, но капиталистовъ среди черноморскихъ козаковъ было мало и въ началѣ 50-хъ гг. въ торговомъ обществѣ числилось едва 40 человѣкъ. Авторъ видитъ причину этого страннаго въ богато одаренной природою землѣ явленія въ томъ, что большая часть земли, и притомъ лучшей, была захвачена чиновнымъ козачествомъ, а рядовые козаки, которые только и имѣли право вступать въ торговое общество, должны были довольствоваться скудными остатками. Другую причину бѣдности козаковъ авторъ видитъ въ характерѣ ихъ, недостаткѣ трудолюбія и презрѣніи къ торговымъ и промышленнымъ занятіямъ среди потомковъ воинственныхъ сичевиковъ. Сверхъ того, войсковое начальство съ своей стороны нисколько не содѣйствовало развитію среди козачества занятій торговлей и промыслами. Въ 1860 г.

Черноморское войско слилось съ частью Кавказскаго линейнаго и было переименовано въ Кубанское. Среди линейцевъ было не мало торговыхъ козаковъ и они переполнили торговое общество, не смотря на увеличеніе комплекта до 550 чел., но и эти козаки торговлей большей частью не занимались, а по просту откупались отъ службы. Просуществовавъ 30 лѣтъ, торговое общество въ началѣ 70-хъ годовъ «упразднилось тихо и безъ особаго для кого-либо урона».

Перу извѣстнаго изслѣдователя черноморской старины П. П Короленка принадлежитъ статья «Древнія свѣдѣнія о Межигорскомъ монастырѣ». Впрочемъ, заглавіе статьи не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію, такъ какъ разсказъ о судьбѣ монастыря доведенъ до новѣйшаго времени и наибольшій интересъ представляютъ свѣдѣнія о передачѣ части разницы и библіотеки Межигорскаго монастыря Черноморскому войску, извлеченныя изъ дѣла Кубанскаго войсковаго архива.

Небольшая статейка г. Сысоева «Краткій археологическій очеркъ Кубанской области и Черноморской губ»., по заявленію самого автора, «не есть самостоятельное изслѣдованіе, а только краткій компилятивный обзоръ древностей и исторіи Кубанской области». Наконецъ, упомянемъ еще объ «Указателѣ археологическихъ, естественно-историческихъ и этнографическо-промышленныхъ вещей и предметовъ, имѣющихся при Кубанскомъ обл. статистич. комитетѣ». Небольшой музей возникъ одновременно со статистич. комитетомъ, и въ основаніе его легла коллекція древностей, собранная Е. Д. Фелицынымъ, который и потомъ продолжалъ увеличивать это собраніе. Цѣлый рядъ лицъ и учрежденій способствовалъ обогащенію музея и къ 1 января 1896 г. въ музеѣ было болѣе 2000 предметовъ по археологіи и исторіи, около 1000 монетъ и болѣе 600 предметовъ по естественной исторіи, этнографіи и промышленности. «Запорожье и его наслѣдники—кубанцы представлены слишкомъ слабо», хотя въ рукахъ частныхъ лицъ на Кубани много сохранилось «предметовъ козацкой старины». Вѣроятно, многихъ удерживаетъ отъ передачи въ музей такихъ предметовъ его неустойчивое положеніе и потому нельзя не присоединиться къ пожеланію составителя «Указателя» г. Сысоева «и въ Кубанской области имѣть самостоятельный музей».

Е. К.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *Т. XX. Одесса. 1897.*

Одесское Общество Исторіи и Древностей, одно изъ старѣйшихъ въ Россіи историческихъ обществъ (существуетъ съ 1839 г.), съ 1893 г. ежегодно выпускаетъ томы своихъ «Записокъ», заключающіе цѣнные матеріалы и изслѣдованія по исторіи и археологіи Южной Россіи. Настоящій, двадцатый томъ также представляетъ значительный интересъ по богатству и разнообразію содержанія. Онъ состоитъ изъ пяти отдѣловъ: изслѣдованія, матеріалы, смѣсь, некрологи и протоколы засѣданій за 1896—97 г. (въ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщены въ извлеченіи нѣкоторые доклады, читанные въ засѣданіяхъ). Статьи и матеріалы, помѣщенные во всѣхъ названныхъ отдѣлахъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, соотвѣтственно двойственной задачѣ общества - статьи по археологіи и по исторіи.

Изъ статей археологическаго содержанія прежде всего отмѣтимъ докладъ вице-предсѣдателя общества В. Н. Юргевича «*Объ археологіи въ царствованіе императрицы Екатерины II-й*», читанный въ засѣданіи 26 ноября, посвященномъ памяти Императрицы и заключающій очеркъ археологическихъ изслѣдованій Южной Россіи, положившихъ начало классической археологіи въ Россіи. Большой интересъ представляетъ статья Э. Р. Фонъ-Штерна «*Къ вопросу о происхожденіи „готскаго стиля" предметовъ ювелирнаго искусства*». Въ 1896 г. близъ Керчи открыта была гробница съ двумя скелетами и различными издѣліями такъ наз. готскаго стиля. Между тѣмъ, найденные въ той-же могилѣ перстень съ греческою надписью, другой перстень съ изображеніемъ Ники и діадема съ оттискомъ монеты показываютъ, что погребенные были не готы, а греки; при этомъ находка датируется изображеніемъ на оттискѣ имп. Максиміана Геркула. На основаніи этихъ фактовъ г. Ш. приходитъ къ заключенію, что «зачатки и источникъ такъ называемаго «готскаго стиля» мы должны искать въ греческомъ художественномъ ремеслѣ Малой Азіи и Боспора. Изреченіе римскаго поэта: «victa Graecia victores cepit» примѣнимо и въ данномъ случаѣ. Интересно также другое сообщеніе г. Штерна «*О новѣйшихъ поддѣлкахъ въ области керамики на югѣ Россіи*», служащее дополненіемъ къ его извѣстной статьѣ «О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи» (Жур. М. Н. П., 1896, дек.). Остальныя статьи по археологіи представ-

ляютъ спеціальный интересъ; напр.: *«Нимфея и первый списокъ нимфейскихъ гражданъ»* В. В. Шкорпила; *«Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма»* В. В. Латышева; *«Graffiti» на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ»* Э. Р. Фонъ-Штерна.

Говоря о дѣятельности общества въ области археологіи, нельзя не отмѣтить заботливости его о сохраненіи памятниковъ старины. Кромѣ трехъ музеевъ (въ Одессѣ, Ѳеодосіи и Керчи), общество владѣетъ (съ 1865 г.) развалинами генуэзской крѣпости въ Судакѣ, а въ 1896 г., съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе общества передана древняя крѣпость въ Аккерманѣ (въ настоящемъ томѣ помѣщенъ актъ передачи крѣпости аккерманскимъ полиціймейстеромъ уполномоченному обществомъ члену его, проф. А. А. Кочубинскому).

Изъ статей, посвященныхъ исторіи, обращаетъ вниманіе изслѣдованіе С. В. Петровскаго *«Апокрифическія сказанія объ апостольской проповѣди по Черноморскому побережью»*. Авторъ указываетъ на «исключительную судьбу» этихъ сказаній: въ то время, какъ въ другихъ аналогичныхъ сказаніяхъ элементы легендарные, миѳическіе давно отдѣлены отъ историческихъ... сказанія объ апост. проповѣди по с.-в. побережью Чернаго моря—апокрифическія—полны «нелѣпыхъ» чудесъ, церковныя—далеки отъ вѣроятія». Основываясь на этихъ сказаніяхъ, историки русской церкви приходятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: одни (м. Макарій, Малышевскій, Леопардовъ) признаютъ ихъ достовѣрными съ цѣлью доказать, что русская церковь ведетъ свое начало отъ самихъ апостоловъ; другіе (Голубинскій, Васильевскій) на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія признаютъ ихъ не заслуживающими довѣрія. Не удовлетворяясь этими объясненіями, авторъ ставитъ задачею своего изслѣдованія объясненіе слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ отношеніи краткихъ извѣстій древности къ апокрифамъ и обратно; 2) о присутствіи въ апокрифическихъ сообщеніяхъ объ ап. Андреѣ элементовъ историческихъ и 3) объ источникахъ для позднѣйшихъ греческихъ сказаній объ ап. Андреѣ. Въ настоящемъ томѣ помѣщены двѣ главы, посвященныя вопросу о происхожденіи апокрифическихъ сказаній. Оказывается, что самыя раннія изъ нихъ возникли среди еретическихъ сектъ (гностики, докеты, манихеи) I и II вв. и, слѣдовательно, болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ соотвѣтствующія церковныя преданія; поэтому въ нихъ, рядомъ съ вымыслами, встрѣчаются геогра-

фическія указанія, этнографическія замѣтки, сообщенія касательно древняго языческаго культа, имена царей, мѣстностей и городовъ, чего нѣтъ уже въ позднѣйшихъ церковныхъ передѣлкахъ; впослѣдствіи они подвергались различнымъ передѣлкамъ, при чемъ утрачивали не только свою первоначальную еретическую тенденцію, но и первоначальную историческую точность. Изъ напечатанныхъ главъ не видно еще, къ какимъ выводамъ придетъ авторъ, но вполнѣ научная постановка вопроса и значительная эрудиція автора придаютъ его изслѣдованію большой интересъ.

Другія историческія статьи посвящены преимущественно Запорожскимъ дѣламъ XVIII в. «*Матеріалы по исторіи Запорожья въ XVIII в.*»—П. А. Иванова (съ его предисловіемъ) — представляютъ рядъ документовъ Запорожскаго Архива, найденныхъ при уничтоженіи въ 1775 г. Сѣчи, въ Кошевой церкви подъ престоломъ (въ настоящее время они хранятся въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба между дѣлами Потемкина). Здѣсь находится историческая записка, излагающая судьбу Запорожья отъ временъ Мазепы до возвращенія подъ власть русскаго правительства (1734 г.), составленная по распоряженію кошевого Милашевича; рядъ грамотъ императрицы Анны Іоановны, относящихся къ участію запорожцевъ въ турецкой войнѣ подъ начальствомъ Вейсбаха, Леонтьева и Миниха; рядъ грамотъ имп. Елисаветы Петровны съ различными милостями, а также по поводу различныхъ спорныхъ вопросовъ, особенно касающихся пограничныхъ столкновеній съ татарами, поляками, донскими козаками, при чемъ правительство признавало право запорожцевъ на занятыя ими земли; послѣдній документъ заключаетъ бумаги запорожскихъ пословъ—бывшаго кошевого Даніила Стефанова, Петра Калнишевскаго и Ивана Глобы, отправленныхъ съ различными ходатайствами въ С.-Петербургъ въ 1755—56 гг. Бумаги эти яркими красками рисуютъ тѣ затрудненія, которыя пришлось испытать запорожцамъ, не смотря на покровительство Разумовскаго; имъ приходилось выслушивать «превеликіе выговоры и ругательства за воровство и непорядки» и угрозы: «принять у руки», «волѣ не дать», «великими командами окружить» и т. под. Изданъ былъ даже указъ (впрочемъ, не приведенный въ исполненіе) объ измѣненіи порядка избранія запорожской старшины. Особенно трудно было депутатамъ защищать запорожскія вольности отъ надвигайшейся на нихъ колонизаціи, тѣмъ болѣе, что у запорожцевъ

не было на нихъ никакихъ документовъ. Къ исторіи Запорожья относится также докладъ А. И. Марковича *«Борьба запорожскаго кошевого П. И. Калнишевскаго съ гайдамаками»*, къ которой приложенъ «ордеръ» Калнишевскаго, за собственноручною его подписью.— А. И. Маркевичу же принадлежитъ интересный докладъ *«Предположеніе о созывѣ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія»*. Это—сообщеніе о принадлежащемъ автору черновомъ проектѣ, составленномъ вѣроятно кн. Вяземскимъ и собственноручно исправленномъ императрицею. Не касаясь общаго содержанія этого любопытнаго документа, отмѣтимъ только, что по первоначальному проекту—Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, «яко на особливыхъ правахъ состоящимъ провинціямъ», предоставлялось по желанію прислать въ коммиссію депутатовъ, или не присылать; при чемъ, въ случаѣ отказа, «остаться имѣютъ вовсе на такомъ основаніи, на какомъ они и нынѣ есть, до тѣхъ поръ, доколѣ будутъ бить челомъ чрезъ депутатовъ же о сравненіи ихъ съ прочими частями государства».

Въ IV отдѣлѣ помѣщены некрологи скончавшихся членовъ общества: Высокопр. Саввы, Н. Ф. Фонъ-деръ-Флита, *прот П. Г. Лебединцева* и аббата Амедео Виньи.

В. Щербина.

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 21 мая 1898 года.

„Бабушка" Настасья Степановна
Полуботокъ
рожд. Леонтовичъ, р. 1732 † 1802.

Григорій Петровичъ
Милорадовичъ
р. 1765 † 1828.

Александра Павловна
Милорадовичъ
рожд. Кочубей, р. 1772 † 1838

Частный архивъ графа Г. А. Милорадовича принадлежитъ къ числу наилучше сбереженнымъ въ Малороссіи. Кромѣ бумагъ фамильныхъ, въ составъ его вошло много бумагъ посторонннихъ, унаслѣдованныхъ Милорадовичами вмѣстѣ съ имѣніями. Владѣлецъ этого архива уже давно началъ печатать отрывки изъ него, то въ особыхъ брошюрахъ, то въ черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ *). Въ настоящее время гр. Г. А. Милорадовичъ намѣренъ приступить къ болѣе систематическому изданію тѣхъ или другихъ документовъ своего архива и настоящій, первый, выпускъ *Любецкаго Архива* представляетъ собою начало такого изданія.

Въ первый выпускъ „Архива" вошли слѣдующія бумаги:

I. *Бумаги Чарнышей*, представляющія собою, главнымъ образомъ, юридическіе документы объ имущественнымъ отношеніяхъ вдовы генер. судьи Евдокіи Константиновны Чарнышъ (падчерицы гетмана Скоропадскаго) съ ея пасынками и дѣтьми. Эти документы заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о семейственныхъ отношеніяхъ высшаго сословія въ старой Малороссіи и о томъ положеніи, которое занимала женщина этого сословія, какъ домоправительница. Въ этихъ же бумагахъ находится довольно полный перечень предметовъ домашней обстановки малорусскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Тутъ же помѣщены нѣ-

---

*) Очень много интересныхъ семейныхъ бумагъ напечатано гр. Г. А. Милорадовичемъ въ его книгѣ — „*О родѣ дворянъ и графъ Милорадовичей.*" (Кіевъ. 1871 г.).

сколько документовъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей, происходившихъ отъ Мазепиного пасынка. Самый замѣтный изъ Фридрикевичей, Григорій Григоріевичъ, славившійся своею дѣловитостью, въ к. XVIII в., былъ женатъ на внучкѣ генер. судьи Чарныша, передавшей свои имѣнія по бездѣтству, брату мужа.

II. *Семейная переписка Настасьи Степановны Полуботокъ съ зятемъ П. С. Милорадовичемъ и внукою Н. П. Лашкевичъ и переписка послѣдней съ своимъ женихомъ, а потомъ мужемъ И. С. Лашкевичемъ.*

Главная часть этой переписки касается самовольнаго замужества дочери П. С. Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, при покровительствѣ „бабушки", т. е. тещи Милорадовича *). Вся эта переписка рисуетъ намъ частную жизнь новонародившагося тогда малорусскаго дворянства, при чемъ особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ типическое лице умной и энергической Н. С. Полуботокъ, письма которой свидѣтельствуютъ о томъ значительномъ развитіи, которое могла имѣть малорусская женщина втор. полов. XVIII в. Настасья Степановна пользовалась въ семьѣ особымъ почетомъ, на что указываетъ и надпись на сохранившемся ея портретѣ **).

III. *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и отрывочныя письма изъ переписки послѣдняго съ своими знакомыми (1789—1800 г.г.).*

Переписка отца съ сыномъ касается преимущество хозяйскихъ дѣлъ, указывая на чемъ сосредоточивались интересы

---

*) Нѣсколько бумагъ, касающихся этого брака, напечатано въ книгѣ— *О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей*, стр. 46—50 и 58—60.

**) На этомъ портретѣ имѣется такая надпись:

„1801 г., іюня 30 дня. Зри ся здѣсь Анастасію Полуботкову, жену добронравну, коя обычаемъ въ мирѣ влечетъ жизнь православну; шестдесятъ девять лѣтъ вѣку истекаетъ, шестирыхъ внукъ и двѣнадцать правнукъ питаетъ милостью, любовью и искренностью вседушно."

„1802 г., апрѣля противъ 20-го, ночью, зрищи здѣсь добродѣтельная жена въ жизни своей бывши блаженна, въ грусти нашей преставилась, сочтя и сей же день являсь вишнего совѣта готовая дать отвѣтъ въ своихъ дѣлахъ. О, Боже, прійми душу ея и упокой прахъ".

тогдашняго панскаго хозяйства. Тутъ же находятся и нѣкоторыя подробности тѣхъ мѣръ, которыя принималъ П. С. М—чъ, преслѣдуя самовольное замужество дочери.

IV. *Любецкіе акты* (*1637—1708 г.г.*) заключаютъ въ себѣ одни юридическіе документы; ихъ не много, но они даютъ интересный матеріалъ для изученія юридическаго быта сѣверо-западнаго уголка Черниговщины, который будучи защищенъ отъ сосѣдей болотами, сохранялъ дольше другихъ мѣстностей архаическія формы въ общественномъ быту.

Какъ необходимое пособіе при чтеніи помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ семейныхъ бумагъ, прилагаются отрывки изъ родословниковъ Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

Кромѣ того, къ книгѣ приложены три портрета (цинкографіи): 1) „бабушки" Настасьи Степановны Полуботокъ, 2) Григорія Петровича Милорадовича и 3) жены его, Александры Павловны, рожденной Кочубей.

А. Лазаревскій.

РОДОСЛОВНИКИ

Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

1. Чарныши.

№ отца.

1. **Иванъ Чарнышъ**, въ 1698 году войсков. канцеляристъ: въ 1700 г.—«господарь замку батуринскаго»; въ 1709 г.—полковникъ гадяцкій и въ 1715 г. генеральный судья. † 1728 г., въ Москвѣ, гдѣ былъ поселенъ послѣ суда надъ нимъ и и другими участниками въ дѣлѣ Полуботка.

Ж. 1-я, *Елена Степановна Гречаная*. 2-я, *Евдокія Константиновна Голубовна*, отъ брака *К. Голуба* съ *Настасьей Марковной*, бывшей во второмъ замужествѣ за гетманомъ Скоропадскимъ. † 1743.

2. **Иванъ**, отъ перваго брака, бунчук. товарищъ . . . . . . 1.
3. **Петръ**, отъ перваго брака . . . . 1.
4. **Иванъ**, отъ втораго брака † 1741 . . . . 1.
5. **Семенъ**, отъ втораго брака † 1742 . . . . 1.
6. **Яковъ**, отъ втораго брака, войск. канцеляристъ † 1745. *Ж. Марфа Степановна Ширай*, бывшая потомъ замужемъ за *Михайломъ Васильевичемъ Скоропадскимъ*, генер. есаул. 1.

Настасья, отъ втораго брака † 1742. М. *Забѣла* . . . . . 1.

Анна, отъ втораго брака † 1745. . . . . 1.

Елена, отъ втораго брака † 1741 . . . . 1.

7. **Иванъ**. . . . . 2.
8. **Данило** . . . . 2.
9. **Александръ** . . . . 2.

Анна. *М. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ* . . . . . 6.

2. Фридрикевичи.

1. **Самуилъ Фридриковичъ Козма,** полковникъ бѣлоцерковскій, прежде 1653 г. По грамотѣ 1653 г. Яна-Казиміра, «шляхетнымъ Самуилу Фридрику, полковнику давнему и тестю его Семену Половцю» подтверждены мельницы на р. Роси, на *грунтѣ Буки.* По акту 1660 г., «славетный п. Самуель Фридриковичъ Козма, бывшій полковникъ бѣлоцерковскій», купилъ въ Бѣлой-Церкви домъ, «прозываемый Аврамковскій». Ж. *Дочь Семена Половца,* полковника бѣлоцерковскаго. 2-й *ея мужъ* гетманъ *Иванъ Мазепа.*
2. **Криштофъ,** сотникъ седневскій, 1699 † 1700 . . . . . . 1.
   Ж. *Катерина Богдановна Войцеховичъ.*
3. **Григорій,** бунчук. товар. Ж. *Федосья Степановна Томара.* 2-й ея мужъ *Степанъ Леонтовичъ* [1]).
   Марья. М. 1-й, сынъ стародубскаго войта Спиридона Ширая. 2-й, неизвѣстный полякъ. Умерла монахинею въ Макошинскомъ дѣвич. монастырѣ. . . . . 1.
   Евдокія. М. Федоръ Грембецкій, значк. товар. . . . . 1.
   Анна. М. *Константинъ Савичъ,* [2]) сотникъ любецкій . . . 1.
4. **Григорій.** дѣйств. статск. сов., 1797. Ж. *Анна Яковлевна Чарнышъ.* Потомства не оставилъ. . . . . 3.

---

3. Леонтовичи.

1. **Степанъ Леонтовичъ,** хоружій полк. черниговскій. Ж. *Федосья Степановна Томаровна,* вдова Григорія Фридрикевича. См. выше.
2. **Степанъ,** полковникъ. Ж. *Софья Васильевна Дунинъ-Борковская* [3]) . . . . 1.

---

1) „По смерти покойного Григорія Фридрикевича, оставшаяся жена его Томаровна вышла замужъ за Стефана Леонтовича, неслужачого, который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго сотника Войцеховича, сотника седневского, инспекторомъ, и тамъ зъ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ, не такъ якъ пристойно“. Показаніе сотника Рымши въ 1728 г.

2) О его потомствѣ см. ниже, стр. 49.

3) См. Опис. Стар. Малороссіи. 1, 469.

3. **Иванъ**, бунчук. товар.. . . . . 1.
Настастья, р. 1732 † 1802. М. *Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ* († 1752), который женился на Настасьѣ вдовцемъ, послѣ смерти первой своей жены Анны Андреевны Стахович . . . . . 1.
Пелагея. М. *Лаврентій Андреевичъ Раковичъ*, майоръ . . . 1.
Катерина. М. *Василій Ивановичъ Силичъ*, надв. совѣтникъ. 1.
Анна. М. *Павелъ Ивановичъ Лысенко*, бунчуков. товарищъ . 1.

4. Полуботки.

Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ, внукъ наказнаго гетмана Павла Полуботка, бунчук. товарищъ. Род. 1724 † 1752. Ж. съ 1745 г., *Настасія Степановна Леонтовичъ*, р. 1732 † 1802.

Отъ этого брака было двѣ дочери:

1. **Софья**, род. въ 1747 г., вышла замужъ за черниговскаго полковника *Петра Степановича Милорадовича* въ 1764 г., умерла въ 1773 г.
2. **Федосья**. М., бунчук. товарищъ *Михаилъ Михайловичъ Стороженко*.

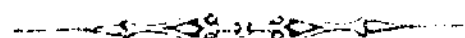
Отъ брака П. С. Милорадовича съ Софьей Семеновной Полуботокъ, въ 1760 г., родилась дочь *Настасья*, вышедшая въ 1789 г замужъ за секундъ-майора *Ивана Степановича Лашкевича*. Настасья Петровна умерла въ 1833 году и похоронена въ с. Брахловѣ, въ церкви, а Иванъ Степановичъ умеръ въ 1822 году и похороненъ въ церкви въ с. Жукоткахъ.

Отъ брака М. М. Стороженка съ Федосьей Семеновной Полуботокъ родился сынъ *Николай Михайловичъ Стороженко* [1]), бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ и умершій въ 1815 г. Женатъ онъ былъ на *Марьѣ Андреевнѣ Милорадовичъ*.

[1]) Въ текстѣ, на стр. 49-й, ошибочно сказано, что у Михайла Михайловича Стороженка дѣтей не было.

Оглавленіе.

I. Бумаги Чарнышей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LXI, 1898 г., апрѣль, май, іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.